Вѣстникъ
Западной Россіи
Историческая истина
Отъ куда пошла земля русская
Великая Русь
И рече Олегъ Кіевъ се буди мати градомъ рускимъ
Вильна
1868.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Вышло и поступило въ продажу, одобренное учебнымъ начальствомъ, **Краткое руководство къ Географіи Россійской Имперіи съ Вопросами и Задачами Брамсона.** Вильна. 1867 г. Получать можно *въ Редакціи Вѣстника Западной Россіи* и у книгопродавцевъ: *Фейнера* (быв. Сеньковскаго) въ Вильнѣ; *Косагорова* въ Ковнѣ и *Мендельсона* въ Витебскѣ. Цѣна 30 коп.; за пересылку прилагается за 1 фунтъ по разстоянію. Выписывающіе болѣе 10 экземпляровъ за пересылку не платятъ, а на 100 экземпляровъ уступка 20%. Обращаясь на имя начальника ковенской женской Гимназіи, всѣ учебныя заведенія пользуются той же уступкой, безъ ограниченія числа экземпляровъ.

Въ редакцію „Вѣстника Западной Россіи“ можно получать отдѣльными, вновь исправленными оттисками: **„Очерки бѣлорусскаго Полѣсья“** (89 стр.) Цѣна для подписчиковъ „Вѣстника“ 1 руб. за 3 экземпляра съ пересылкою.

ВѢСТНИКЪ
ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

К. ГОВОРСКИМЪ.

ГОДЪ VI,—1868.

КНИЖКА VIII.

ТОМЪ III.

ВИЛЬНА.

Въ типографіи М. РОММА, на Ивановской улицѣ, въ зданіи гимназіи, противъ губернскаго правленія.

1868.

Дозволено цензурою. 31-го октября 1868 года. Вильна.

I.

—

№ 9.

ДОКУМЕНТЫ,

ОТНОСЯЩІЕСЯ КЪ ИСТОРІИ ПРАВОСЛАВНОЙ И УНІЯТСКОЙ ЦЕРКВЕЙ ВЪ ЗДѢШНЕМЪ КРАѢ,

1.

Декретъ виленскаго трибунальскаго суда о перенесеніи на сеймъ дѣла о разрушеніи уніатскимъ епископомъ православной церкви въ Пинскѣ на Полозовщинѣ,—и вообще о притѣсненіи греческой вѣры. 1617 г.

Лѣта отъ Нароженья Сына Божого тисеча шесть сотъ семнадцатого Іюля двадцать осмого дня.

Передъ нами судьями головными, на трыбуналъ у великомъ князствѣ Литовскомъ отъ воеводствъ, земль и повѣтовъ на рокъ (годъ) теперешній тисеча шесть сотъ семнадцатый обраными, кгды съ порадку реестрового ку розсудку нашому припала справа, освѣцоного княжати его милости Януша Радивила княжати зъ Биржъ и Дубинокъ, на Слуцку и Копылю, подчашого великого князства Литовского, старосты Борисовского, яко опекуна ее милости пани Криштофовое Гарабурдиное, судьиное земское повѣ-

ту Слонимского, пани Реины Макаровны, яко акторки, (истицы) зъ его милостью отцомъ Паисемъ еромонахомъ Саховскимъ, епископомъ Пинскимъ и Туровскимъ архимандрытомъ Кобрынскимъ, яко принцыпаломъ, (главнымъ отвѣтчикомъ) а зъ его мил. паномъ Миколаемъ Ельскимъ подстаростимъ Пинскимъ, и зъ его м. паномъ Романомъ Ельскимъ, войскимъ и писаромъ провентовымъ замку пинского, также съ паномъ Станиславомъ Краевскимъ, яко съ помочниками, за чотырма позвы и за отосланьемъ отъ суду кгродского Новогородского зъ рочковъ (сроковъ) февралевыхъ, въ семъ року шесть сотъ семнадцатомъ судовне отправованыхъ, ино за приволаньемъ (приглашеніемъ) черезъ возного воеводства Виленского сторонъ до нрава отъ его няжецкое милости пана подчашого за моцью (уполномочіемъ) листовною на зыскъ и страту (прибыль и потерю) даною, земенинъ господарскій воеводства Берестейского панъ Миколай Онихимовскій до права се становилъ: а се м. пани судьиная, сама очевисто передъ нами постановившисе, моцъ на зыскъ и страту томужъ пану Миколаю Онихимовскому отъ себѣ злецила. А отъ его милости отца епископа Пинского и его м. пана Романа Ельского войского Пинского и отъ пана Даніеля Понятовскаго за моцьми листовными до обмовы (къ росправѣ) се становилъ; а его м. панъ подстаростій Пинскій самъ се до обмовы становилъ.........., А выводечей тую справу зъ фундаменту, умоцованый его княжачое милости пана подчашого и пани судьиное повѣдилъ, иже дей княгини Марья Олельковна, княгини Кіевская, Семеновая Володимерычовая, дѣдичка (владѣтельница) которая яко вдова маючы великіе крывды и утиски (обиды и угнетенія) отъ козаковъ и отъ татаръ и немогучы сама на украинѣ оборонитисе, просила короля его милости светое памети

Александра, абы оную съ Кіева знеслъ и далъ ей отмѣну. Король его м. Александро далъ ей отмѣну Пинскъ, Кобрынъ, Городокъ, Рогачевъ, которая мѣла въ себе двое дѣтей,—сына князя Василья,—тотъ въ молодости лѣтъ умеръ,—дочку кнежну Олену, которую тую дочку выдала за мужъ за князя Ивана Ярославича, которая мѣла въ себе сына князя Ѳедора Ивановича Ярославича, которые вси, якъ сама тая княгиня Марья, такъ и зять ее князь Иванъ Ярославски и дочка ее княгиня Олена, што была за Ярославичомъ, и сынъ тое дочки князь Ѳедоръ Ярославичъ безъ потомства зъ сего свѣта смертью зышли, а тые замки—Пинскъ, Кобрынъ, Рогачевъ знову на короля его м. светое памети Жикгимонта Першого кадукомъ (по праву сильного) спали. Король его м. Жикгимонтъ Першый, яко спадокъ на его м. прышлый, записалъ то малжонцѣ (супругъ) своей светое памети Бонѣ. Королевая ее м. Бона немалый часъ держала тые вси замки. А за живота своего оная Марья и зять ее князъ Иванъ Ярославичъ и малжонка его кнежна Олена слугамъ своимъ—шляхтѣ, которыхъ немало было, многіе и великіе маетности отъ замку Пинского и въ мѣстѣ Пинскомъ пороздавали, намнѣйшое рѣчи, якъ король е. м. Жикгимонтъ Первый, такъ королевая ее м. Бона, ани король е. м. свѣтобливое памети Жикгимонтъ Августъ отъ тыхъ слугъ не отнимали, а потомъ въ року прошломъ тисеча пять сотъ шестдесятъ шостомъ мѣсеца Генвара двадцатого дня на соймѣ вальномъ главномъ Виленскомъ уступивши права своего спадокового (наслѣдникаго) надалъ шляхтѣ Пинской права таковые, яко и вел. князству Лит. и учинилъ съ Пинска повѣтъ Пинскій. Чого доводечи, покладалъ передъ нами вызысъ съ книгъ кгродскихъ Пинскихъ въ датѣ (подъ числомъ) року тисеча пять сотъ деветдесятъ семого

мѣсеца Августа девятого дня вписанья того привелю до книгъ кгродскихъ Пинскихъ, отъ которого того замку пинского оная кнегиня Марья немалые маетности годное памети небожчику пану Ивашку Полозу прадѣду першого малжонка ее м. пани судьиное надала, которому тежъ и домъ у мѣстѣ Пинскомъ дала, котораго того дому Полозовского вси продковъ ее милости пани судьиное при имѣніи Дубой держачими были. А по смерти ихъ атоли и ее м. пани судьиння за правомъ своимъ при имѣнью Дубой того дому Полозовского держачою будучи, первѣй въ томъ дому монастръ учинила, гдѣ отъ колькон асту (болѣ десяти) лѣтъ служба Божая въ трапежи, то есть въ свѣтлици столовой, отправоваласе, гдѣ черницы ядали, и теперь тамъже се служба Божая отправуеть. И доводечи того, ижъ то есть пляцъ Полозовскій, на которомъ тая церковь была збудованая, (построена) напервѣй покладалъ выписъ съ книгъ кгродскихъ Пинскихъ, подъ датою року тисеча пять сотъ деветдесятъ шостого мѣсеца Іюля двадцать осмого дня, сознанья возного Остафъя Михновича Качановского, ижъ онъ по смерти дочки ее м. пани судьиное небожчицы (покойницы) пани Езофовое Будиловое пани Зофеи Ѳедоровны Полозовны имѣнья по ней зосталые Дубою и иншіе фольваркй и тотъ домъ Полозовскій у Пинску, подъ вольностями шляхетскими будучій, до держанья и посесыи (владѣнія) своее за уступеньемъ зятя своего пана Езофа Будила взяла. Потомъ покладалъ видимусъ (выпись) съ книгъ головныхъ трибунальскихъ въ датѣ року тисеча шесть сотъ второго мѣсеца Октебра дванадцатого дня, въ которомъ описуеть, ижъ панъ Филонъ Полозъ позволяетъ и право свое вливаеть на пана Яроша Терлецкого всихъ имѣней Полозовскихъ и того дому Полозовского у мѣстѣ Пинскомъ у пани судьиное

на онъ часъ будучое пани Васильевое Пелчицкое и у малжонка ее пана Василья Пелчицкого и у пана Езофа Будила доходить. До того покладалъ видимусъ съ книгъ земскихъ Пинскихъ въ датѣ року тисеча шесть сотъ шостого мѣсеца Октебра второго дня, въ которомъ описуетъ, ижъ панъ Ярошъ Терлецкій вѣчность имѣнья Дубое и дворца Биркозъ и зъ пляцомъ Полозовскимъ, што мѣлъ отъ пана Филона Полоза собѣ пущоные, на пана Василья Пелчицкого влилъ. Притомъ покладалъ выписъ съ книгъ земскихъ Пинскихъ, подъ датою року тисеча шесть сотъ одинадцатого мѣсеца Іюня першого дня, перенесенья тестаменту (духовнаго завѣщанія) съ книгъ кгродскихъ Пинскихъ до книгъ земскихъ Пинскихъ небожчика пана Василья Пелчицкого подсудка Пинского, въ которомъ выписѣ описуетъ, ижъ небожчикъ панъ Василей Пелчицкій подсудокъ Пинскій записуетъ малжонцѣ своей пани Раинѣ Макаровнѣ, теперешней пани судьиной, и тое имѣнье Дубою съ фольваркомъ Биркозами и пляцомъ Полозовскимъ у мѣстѣ Пинскомъ. Покладалъ тежъ выписъ съ книгъ кгродскихъ замку Пинского, въ датѣ року тисеча шесть сотъ девятого мѣсеца Іюля шостого дня, войстья въ держанье черезъ возного Ивана Савича Козляковского въ имѣнье Дубою и въ дворецъ Биркозы и во вси села до нихъ належачіе и въ домы, въ мѣстѣ Пинскомъ будучіе, то есть Фурсовскій и Полозовскій и въ мѣщане на томъ пляцу Полозовскомъ мѣшкаючіе (обитяющіе); ижъ ее м. пани судьиная черезъ возного и сторону шляхту до держанья своего водлѣ тестаменту малжонка своего взела, до того покладалъ шесту квитовъ (квитанцій) поборовыхъ......... (*). По

(*) Самыя квитанціи опускаемъ. Въ нихъ говорится объ уплатѣ въ разное время съ описанныхъ имѣній разныхъ податей всѣми вышеозначенными владѣльцами имѣнія, кончая самою Гарабурдиной.

вычитанью тыхъ всихъ справъ повѣдилъ умоцованый (уполномоченный) его кнеж. м. и пани судьиное, довелъ дей есми того справами вѣчными, ижъ имѣнье Дубоя зо всими селы и фольварками и съ тымъ пляцомъ Полозовскимъ, въ мѣстѣ Пинскомъ будучимъ, ижъ есть зъ давныхъ часовъ подъ правомъ и вольностями шляхетскими. А доводечи того, ижъ на томъ пляцу Полозовскомъ была церковь отъ ее м. пани судьиное збудована, покладаю видимусъ протестацыи ксендза владыки Пинского подъ датою року тисеча шесть сотъ чотырнадцатого мѣсеца Августа двадцать пятого дня. Съ которое протестацыи его и въ сознанью возного Ивана Андреевича Козляковского описуеть, ижъ онъ ксендзъ владыка оповѣдаетъ на врадѣ (въ урядѣ), ижъ пана судьиная немало вжо церкви збудовала на пляцу Полозовскомъ; а онъ возный сознаваеть, ижъ видѣлъ не мало вже церкви збудовано на Полозовщинѣ. Покладалъ тежъ умоцованый княжати его милости пана подчашого и ее м. п. судьиное два выписы: одинъ съ книгъ головныхъ трибунальныхъ въ Повгородку отправованыхъ, а другій съ книгъ кгродскихъ Новгородскихъ въ датѣ року тисеча шесть сотѣ чотырнадцатого мѣсеца Сентебра тридцатого дня, въ которыхъ выписѣхъ — въ одномъ описуеть, што съ книгъ головныхъ трибунальскихъ выданъ, ижъ враднинъ ее м. п. судьиное Дубейскій именемъ ее м. протестуетъ ее на отца владыку Пинского и помочниковъ его о збуренье (разрушеніи) церкви е. м. на кгрунтѣ (земли) е. м. въ монастыру на Полозовщинѣ въ мѣстѣ Пинскомъ будучое, — а въ другомъ выписѣ кгродскомъ Новгородскомъ пишетъ, ижъ самъ его м. п. Крыштофъ Гарабурда судья земскій Слонимскій и малжонка (жена) его м. ц. Раина Макаровна черезъ служебника своего на врадѣ кгродскомъ Новгород-

свомъ о збуренье (разрушеніе) церкви, на крунтѣ Полозовскомъ будучое (протестуетъ); покладалъ тежъ выпись съ книгъ головныхъ трибунальныхъ, подъ датою року тисеча шесть сотъ чотырнадцатого мѣсеца Сентебра тридцатого дня, сознанья возного енерала повѣту Пинского Пронка Денисовича Калаура, въ которомъ описуетъ, ижъ онъ возный видѣлъ мѣстце, гдѣ церковь стояла и только штандаре зостали, а церковь уся зобрана и збурона, и въ чотырохъ кельяхъ видѣлъ двери, защепки, скобли и пробое свежо повырубованы и попсованы (попорчены), а въ комори, гдѣ были аператы церковные — въ сѣняхъ до оное входечи—дверѝ выломаны и посѣчоны, и на чернцохъ и на дойлидѣ также и на дьяку раны, крыжъ деревяный, што былъ на церкви, и образъ, што былъ надъ дверми церковными, пощепано. Четвертый выписъ покладалъ съ книгъ кгродскихъ Новгородскихъ, въ датѣ року тисеча шесть сотъ чотырнадцатого мѣсеца Сентебра тридцатого дня, сознанья возного енерала его кор. м. скарбового Яна Юшинского, въ коеоромъ описуеть, ижъ служебникъ ее м. м. судьиное въ манастыру ее м., въ мѣстѣ Пинскомъ на Полозовщинѣ надъ рѣкою збудованымъ, видѣлъ у воротъ того монастыра пробои отсѣчоны и клодка (замокъ) дей взята и ворота отбиты, а въ манастыру самомъ только мѣстце тое, гдѣ была церковь и только штандари зостали, а церковъ вся розобрана, тынъ (заборъ) и вороѳа отъ рѣчки Пины выломаны, въ чотырохъ кельяхъ у дверей защепки, скобли и пробои знать свѣжо новырубованы и попсованы, въ коморѣ, гдѣ были аператы церковные, въ сѣняхъ до оное входечи, двери выломаны и посѣчоны, образъ, што былъ надъ дверми церковными, и кресть деревяный, што былъ на церкви, пощепанъ, на чернцохъ на тесли и на дьяку раны видѣлъ. Покладалъ тежъ

декреть суду головного трибунальского въ датѣ року тисеча шесть сотъ чотырнадцатого мѣсеца Ноября девятнадцатого дня, въ которомъ описуеть, ижъ судъ головный трибунальскій, отправуючи справы судовые въ Новгородку за позвомъ отъ ее м. п. судьиное земское Слонимское зъ отцемъ владыкою Пинскимъ о збуренье церкви въ манастыру въ мѣстѣ Пинскомъ на кгрунтѣ пани судьиное Полозовскомъ, о пораненье черицовъ и иншихъ особъ и о забранье маетности манастырское, его м. отца владыку съ повѣту Пинского до термину неналежного Менского была запозвала, гдѣ судъ, неузнавши форумъ передъ собою, отца владыку Пинского отъ того позву и року (срока) вольнымъ учинилъ, а ее м. п. судьиной въ терминѣ (срокъ) належномъ и въ суду належного зъ его м. отцемъ владыкою вольное мовенье заховалъ. По вычитанью того декрету умоцованый (повѣренный) его княж. м. и ее м. п. судьиное повѣдилъ, ее дей м. п. судьиная, маючи такъ великую кривду отъ ксендза владыки Пинского, позвала была въ року тисеча шесть сотъ петнадцатомъ до суду головного трибунальского до кола енеральнюго; а ксендзъ владыка Пинскій позвалъ тежъ ее м. п. судьиную до суду головного трибунальнаго до кола духовного, за которыми позвы, не припускаючи тое справы до розсудку правного, ясневельможные панове, его м. панъ канцлеръ вел. кн. Лит., а его м. п. гетманъ польный вел. кн. Лит. розняли тую справу на розсудокъ и узнанье сеймовое, чого доводечи покладалъ передъ нами листъ отца владыки Пинского подъ датою року прошлого тисеча шесть сотъ петнадцатого мѣсеца Августа петнадцатого дня, а ксендзъ владыка Пинскій, не переставаючи предсевзятого умыслу своего, позвалъ ее м. пани судьиную мандатомъ (указомъ) предъ его кор. м. за дворомъ и о-

держалъ на еи м. п. судьиной заочне въ нестанью е. м. всказу суму пѣнезей три тисечи копъ грошей литовскихъ за збудоване церкви на ктрунтѣ ее м. Полозовскомъ, и покладалъ передъ нами декретъ его кор. м. въ датѣ року тисеча шесть сотъ петнадцатого мѣсеца Апрѣля второго дня, при томъ покладалъ протестацыю ее м. п. судьиное — выписъ съ книгъ кгродскихъ Берестейскихъ, въ датѣ року тисеча шесть сотъ петнадцатого мѣсеца Апрѣля трынадцатого дня, въ которой описуеть, ижъ панъ Ѳедоръ Шешкевичъ пріятель ее м. п̃. судьиное чинитъ протестацыю на врадѣ кгродскомъ Берестейскомъ именемъ ее м. п. судьиное о заочный переводъ права въ неналежномъ судѣ. По вычитанью тое протестацыи повѣдилъ умоцованый ее милости пани судьиное: бачечи то, ижъ ксендзъ владыка Пинскій неслушне на ее м. право перевелъ и въ неналежномъ судѣ взявши мандатъ его кор. м., — позвала была отца владыку Пинского на сеймъ прошлый въ року шесть сотъ шестнадцатомъ минулый, за которымъ мандатомъ тамъ на соймѣ тая справа не дошла и сужона не была—первѣй въ арештъ на скончёнью сейму, а потомъ и въ лимитацыю до другого сейму впадла. Чого доводечи, покладалъ передъ нами тотъ мандатъ его кор. м. зъ написомъ на немъ воланья троя и арешту подъ датою року прошлого тисеча шестнадцатого мѣсеца Марца десятого дня. По вычитанью того мандату повѣдилъ умоцованый его княж. м. пана подчашого и пани судьиное, немаючи дей на томъ досыть, ксендзъ владыка Пинскій, ижъ церковь ее м. п. судьиное збурилъ и три тисечи копъ грошей декретомъ его кор. м. маетность пани судьиное обтяжилъ, еще позвалъ ее м. п. судьиную, въ отъѣханью ее м. на сеймъ, тутъ до суду головного трибунальского—кола духовного, гдѣ ее м. форумъ

не мѣла, мимо обмовы умоцованого ее м. одержалъ собѣ всказу десеть тисечей золотыхъ. И покладалъ передъ нами декретъ суду головного трибунальского—кола духовного въ датѣ року тисеча шесть сотъ шестнадцатого мѣсеца Августа второго дня, о што пріятеле ее м. п. судьиное, именемъ княжати его м. пана подчашого и именемъ ее м. пани судьиное, о тотъ заочный переводъ права и въ неналежномъ судѣ на ксендза владыку Пинского протестовали. И покладалъ выписъ съ книгъ трибунальскихъ зъ Вильня выданы, въ датѣ року шесть сотъ шестнадцатого мѣсеца августа четвертого дня. Покладалъ тежѣ листъ атестацыи ихъ м. пановъ обывателевъ вел. кн. Лит. въ датѣ року тисеча шесть сотъ семнадцатого мѣсеца Стычня петнадцатого дня, въ которомъ описуетъ, ижъ ихѣ м. мають певную вѣдомость, же его м. отецъ владыка Пинскій церковъ ее м. п. судьиное въ Пинску на кгрунтѣ ее милости власномъ шляхецкомъ, названомъ Полозовскомъ, съ помочниками своими збурилъ.—А доводечи того, ижъ тая справа, не въ духовномъ колѣ, але у великомъ сужона быти маеть, подалъ артыкулъ тридцать третій роздѣлу третего, же о добра шляхетскіе, земскому праву подлеглие у суду земского подкоморского, а потомъ и въ суду головного кола великого особы духовные особамъ свѣтскимъ усправедливитисе мають, о чомъ и констытуцыя року тисеча пять сотъосемдесятъ осмого ясое выража.—Наостатосъ и то умоцованый пани судьиное выводилъ, и ясне нередъ нами судомъ показалъ, же люде реліи кгрецкое передъ судьями духовными реліи римское росправоватисе не звыкли, водлугъ давныхъ и старыхъ привилеевъ королей ихъ м. польскихъ и вел. князей Литовскихъ, водлугъ канонов концылійныхъ, водлугъ правъ, свободъ и волностей, присягами королей ихъ м. польскихъ и

вел. князей Литовскихъ утвержоныхъ и на уніи сеймиу Любельского року тисеча пять сотъ шестдесятъ девятого кгрунтовне обварованыхъ, и водлугъ всихъ правъ вел. кн. Литовского, которые розграниченье певное межи правами и вольностями реліи кгрецкое и римское учинили, наостатокъ водлугъ конфедерацыи енеральное Варшавское, которая также (...?) въ свое моцы достоеньства, врады и вси прерокгативы тыхъ двухъ релій кгрецкое и ромское.— А далѣй пробуючи того, же люди реліи кгрецкое, якъ свѣцкіе, такъ и духовные, хотябъ упоромъ противко правъ и вольности реліи кгрецкое до кола духовного римское реліи утягованы были, тогды то все у суду головного трибунальского кола великого енерального касовано и зношовано. Чего доводечи, покладалъ передъ ними декретъ суду головного трибунальского въ датѣ року тисеча шесть сотъ пятаго мѣсеца Августа дванадцатого дня межи годное памети ксендзомъ митрополитомъ Кіевскимъ, а межи братства церковного Виленского, которымъ декретомъ форумъ у великого кола узнано и звирхность (начальство) пастыра ихъ звыклого Патріархи Константинопольского утвержоно. Другій декретъ суду головного трибунальского покладалъ въ датѣ року тисеча шесть сотъ девятого мѣсеца Мая двадцатого дня, межи братствомъ Виленскимъ стану свѣцкого и духовного радецъ, бурмистровъ, лавниковъ и посполитого чоловѣка мѣщанъ Виленскихъ, а межи годное памети ксендзомъ Патеемъ и теперешнимъ ксендзомъ Руцкимъ, митрополитомъ Кіевскимъ—стороны великихъ уразовъ (оскорбленій) реліи кгрецкое старожитное, которой реліи нигдѣ индѣй, оно у великомъ колѣ енеральномъ, форумъ узнано и тые вразы лечоно. Третій декретъ въ той же справѣ покладалъ подъ датою року тисеча шесть сотъ девятого мѣсеца Іюля четвертого

дня, гдѣ также выразне (ясно) выписано и декретъ кола духовного реліи римское скасовавши, (уничтоживъ) въ колѣ великомъ енеральномъ форумъ узнано. И иншихъ немало декретовъ трибунальскихъ передъ нами судомъ половивши, указовалъ то знать, же люде реліи кгрецкое старожитное, подъ звирхностью звыклыхъ пастыровъ своихъ Патріарховъ Константинонольскихъ будучіе, яко взглядомъ (относительно) добръ, такъ и взглядомъ особъ своихъ росправу мѣвали, яко и констытуцыями сеймовыми року тисеча шестъ сотъ семого и року тисеча шесть сотъ девятого тые права, вольности и стародавные звычае вере и реліи кгрецкой належачіе утвердивши и умоцнивши отъ тыхъ, которые унею съ костеломъ римскимъ приняли, розграничивши, абы тымъ, которые до тыхъ пристать не хочутъ, опресіи (притеснения), препагабанья (поруганія) ниякого жаднымъ (никакимъ) способомъ и претекстомъ (предлоголъ) не чинили, подъ виною десеть тисечами золотыхъ польскихъ, о што форумъ до трибуналу кола великого указано, на который нонктъ, же форумъ у великого кола узнанно, небожчикъ (покойный) ксендзъ Потей митрополитъ Кіевскій и протестацыю у кгроду Варшавского учинилъ, описуючи въ ней тые слова, же у великомъ колѣ енеральномъ суду головного трибунального — о крывды въ добрахъ церковаыхъ, будь тежъ въ реліи, расправовать се узнано. А потомъ пришивокъ у той констытуцеи таковый учинено, же если бы отъ першого сойму передъ тою констытуцыею добръ церковныхъ отнято штокольвекъ было, тогды о то форумъ compositi juditii написано, на который пришивокъ его м. князь Богданъ Окгинскій, подкоморій Троцкій, поселъ и модераторъ, съ кола посельского депутованый, очевисто у судьи кгродского Львовского протестацыю учинилъ; также и его м.

пань Өедоръ Обуховичъ, поселъ съ повѣту Мозырского, на тотъ же пришивокъ протестацыю учинилъ, и у весь тотъ артыкулъ въ констытуцыи сеймовой безъ того припиcку до кола духовного, такъ якъ справедливе и згодно постановеный, былъ слово въ слово до той протестацыи своей уписанъ; которыи тыи протестацыи передъ нами положивши, указовалъ декретъ суду головного трибунальского, же вжо тотъ приписокъ зъ очевистое контроверсіи зъ небожчикомъ ксендзомъ Потеемъ и съ терезнейшимъ (нынѣшнимъ) ксендзомъ Руцкимъ — митрополитами Кіевскими отнято и знесено есть, бо то и самый прирожоный розумъ позволити не можеть, абы люде реліи кгрецкое передъ судьями римское реліи, яко передъ своими адверсарми (противниками), въ крывдахъ своихъ роспpавоватьсе мѣли, бо адверсаръ судьею справедливымъ быть не може. А што ксендзъ Паисей владыка Пинскій указуе привилей светое памети короля его м. Жикгимонта Першого, же безъ благословенства владыки Пинского и Туровского не вольно церквей у Пинску будовать, тогды тотъ привилей подъ однымъ часомъ былъ выданый, кгды нетолько церкви будовать, але и всею маетностью своею кождому шляхтичу безъ позволенья королей ихъ милости Польскихъ и вел. княз. Литовскихъ, яко пановъ дѣдичныхъ, шафовать не волно было, о чомъ ширей описуеть артикулъ петнадцатый, шестнадцатый и семнадцатый роздѣлу першого старого статуту Жикгимонта Першого; иле кгды того дѣдицства (наслѣдства) короли ихъ м. Польскіе и вел. князи Литовскіе въ князствѣ Литовскомъ отступили и такою жъ вольностью, яко и коруна Польская маетъ, же зъ вольное елекцыи обраный панъ коронѣ Польской и вел. княз. Литовскому пановати маеть, вел. князство Литовское надарило тогды вжо и обывателемъ вел.

княз. Литовского, яко вшелякою (всякою) маетностью своею вольно водлугъ воли и уподобаня своего шафовать, такъ и церкви на власныхъ кгрунтѣхъ своихъ будовать, а не тылко церкви будовать, але хочьбы и крушцы (металлы) вшелякіе на кгрунтѣхъ ее нашли, вольно шляхтичу безъ позволенья короля его м. уживать (употреблять), о чомъ ширей унія року тисеча пять сотъ шестдесятъ девятого и артикулъ вторый роздѣлу третего въ собѣ обмовляетъ, тогды тотъ привилей естъ мартвый, скасованый и знесеный напродъ привилеемъ короля его м. светобливое намети Жикгимонта Августа, року тисеча пять сотъ шестдесятъ шостого, на вольность обывателемъ новѣту Пинского выданый, также и уніею сойму Любельского, поготовю конфедерацыею енеральною Варшавскою, которая водлугъ своего набоженства (обряда) церкви будовать и духовниковъ водлугъ своего набоженства ховать не забороняетъ, знесеный есть привилейми старыми и новыми и присегами королей ихъ м. Польскихъ и вел. князей Литовскихъ и констытуцыями сеймовыми апробованы и внивечь (въ ничто) обернены есть. А тымъ еще ясне артыкулъ пятый роздѣлу третего тотъ привилей, яко праву и волностямъ противный, скасовалъ, яко жъ тотъ привилей не иншимъ владыкомъ Пинскимъ, только тымъ, которые подъ звирхностью пастырей своихъ звыклыхъ патріарховъ Константинопольскихъ бывали. А ижъ тотъ владыка Пинскій пастыра своего звыклого патріархи Константинопольского и его зверхности отступилъ, тогды тежъ и того привилею, подъ тою зверхностью ему служачого, отступаетъ и самъ его внивечь оборочаетъ, и вжо того привилею, яко чужого права, на помочь собѣ брати не можетъ. — И домовилъ се за тымъ умоцованый ее м. п. судьиное, абы тая спра-

ма, яко о уразъ (нарушеніе) вси права, свободы, вольности и прерокгативы, наостатокъ и самое сумнѣне (совѣсть) заходячый, на сеймъ отослана была, кгды то есть немалая и неслыханая опрессыя (утесненіе), же ее м. п. Гарабурдиная, яко се вышей довело, на своемъ кгрунтѣ церковъ збудовала и церкви збыла, и еще на ей же властныхъ доброхъ пилкодесять тисечей и на особѣ самой пунктъ баницыи (изгнанія) вказано, для кгрунтовного успокоенья водлугъ констытуцыи року шесть сотъ семого и шесть сотъ девятого и водлугъ конвокацей Виленскихъ межи станы реліи кгрецкое и рымское черезъ всихъ становъ, сойму належачихъ.—А такъ мы судъ въ той справѣ освѣцоного княжати его м. п. Радивила, подчашого вел. княз. Литовского, и ее м. п. Гарабурдиное, судьиное земское Слонимское, зъ отцемъ Паисеемъ Саховскимъ владыкою Пинскимъ и Туровскимъ, яко прынцыпаломъ, а зъ его м. п. Миколаемъ Ельскимъ, подстаростимъ Пинскимъ, паномъ Станиславомъ Кграевскимъ, паномъ Романомъ Щасновичомъ Ельскимъ, войскимъ Пинскимъ, яко помочниками, за позвы о кгвалтовное (насильственное) збуренье церкви на кгрунтѣ ее м. п. судьиное шляхетскомъ, названомъ Полозовскомъ, надъ рѣкою Пиною лежачомъ, збудованое, за тымъ и о злый переводъ права черезъ отца владыку, въ колѣ суду головного неналежномъ одержаный вказу на ее м. п. судьиной за ее жъ церковъ, черезъ ихъ кгвалтовне збуроную, немалой сумы пѣнезей; въ которой справѣ мы судъ добре вырозумѣвши, а бачечи то съ права посполитого артыкулу трыдцать второго и трыдцать третего зъ роздѣлу третего, же есть ли станы духовные реліи стародавное греческое, далеко большъ особы свѣтскіе, въ колѣ духовномъ суду головного мимо судъ належный зъ добръ своихъ шля-

хетскихъ никому отповѣдати не новинни, за чимъ и отецъ владыка Пинскій мимо констытуцыю соймy року тисеча шесть сотъ девятого, отъ обойга народу згодне (согласно) постановеную, которою меновите (особенно) межи людьми въ релiи греческой порознеными покой вырованый (обеспеченъ) естъ, не роcправивши се зъ ее м. н. Гарабурдиною водлугъ зачатого процесу своего первѣй передъ судомъ его кор. м. вскаэу сумы пѣнезей на пани судьиной одерживать не моглъ, въ которыхъ справѣхъ и уразѣхъ зобопольныхъ людей релiи греческое, ижъ потомъ черезъ всихъ становъ вел. княз. Литовского на конвокацыи Виленской на розознанье соймовое отложоно. Про то и мы судъ, прихыляючисе до того жъ постановенья конвокацыи Виленское, ижъ въ особѣ тыхъ жалобливыхъ особъ идетъ о парушенье правъ и вольностей всего стану народу шляхетского, тотъ увесь затягъ правный, межи его княж. м. и ее м. п. судьиною и отцемъ владыкою урощоный, на розознанье и постановенье соймовое на соймъ откладаемъ, и покуль се въ томъ розознанье и згодное постановенье соймовое станетъ, декрета и вскаэы, черезъ отца владыку одержаные, до екзекуцыи привожоны быти не маютъ. Которая справа до книгъ головныхъ трыбунальныхъ записана есть, у которыхъ и сесь выписъ подъ печатю земскою воеводства Виленского его м. отцу Паисею Саховскому епископу Пинскому есть выданъ. Писанъ у Вильни. Янъ Коленда Виленскій писаръ.

Печать вытиснута на бумагѣ, положенной на сургучъ. Подлиникъ хранится въ архивѣ виленскаго Св. Троицкаго монастыря.

(Лит. Еп. Вѣд.)

II.

ВИШНЕВЕЦЪ И КНЯЗЬЯ ЕГО.

*(Окончаніе *).*

1653 года, польскій вождь, князь Димитрій Юрій Вишневецкій, непримиримый врагъ Тимоѳея Хмѣльницкаго, отбившаго у него невѣсту, во время сочавской осады, прибылъ въ союзное венгерско польское войско, но не зная самъ лично своего врага, обѣщалъ большія деньги тому, кто укажетъ на него. Три шляхтича взялись услужить князю, и когда Тимоѳей ходилъ между пушками на валу, по указанію шляхтичей, инжинеры направили пушки и ядро попало въ возъ, на которомъ стояла казацкая пушка; оскольки бревенъ ударили Тимоѳея въ ногу и голову, и сильно ранили. Казаки отнесли предводителя окровавленнаго безъ чувствъ. Чрезъ четыре дня Тимофей скончался отъ антонова огня. Господарина скрыла тѣло Тимофея и увѣряла, что онъ живъ; Ѳедеренко, командовавшій войсками, ударилъ на венгровъ и поляковъ такъ удачно, что непріятелей выбыло изъ строя нѣсколько тысячь 155).

Князь Димитрій Вишневецкій за свои подвиги получилъ званіе каштеляна краковскаго и великаго короннаго гетмана. Онъ былъ сынъ Януша короннаго и внукъ князя Константина II, воеводы русскаго, помогавшаго Отрепьеву. Димитрій Вишневецкій служилъ стражникомъ 1658 г.; потомъ пожалованъ воеводою белжскимъ 1609 г. и наконецъ гетманомъ польнымъ

---

*) См. 7 Кн. Вѣст. Зап. Россіи.

155) Ист. Мал. Рос. Бант.-Кам. ч. I, стр. 291. Богд. Хмѣльн. ч. II, стр. 363 и 364. Annal Polon. chin 1, 386. Лѣт. Вел. 1, 146. Hist. ob exc. Vlad. IV. 129. Annal. Pol. chin 386. Лит. Вел. 1,146.

коронным, воеводою краковским 1678 года. Умер в достоинстве каштелана 1682 г. в Кракове. Он был также во время збаражской осады в битве с князем Іереміею и братом своим Константином III; воевал против шведов, участвовал в пораженіи малороссов под Слободищем, разбил венгров под Сехнаком и не жалел целых именій своих в пользу товарищей 156).

1669 года, 19 іюня, к общему всех удивленію, единодушно избран был королем польским, по смерти Яна Казиміра, Михаил Вишневецкій, сын славнаго Іереміи, бывшаго непримиримым гонителем казаков 157). Коронація Михаила Вишневецкаго происходила в Кракове, в день св. Михаила 158), хотя и незаконно: так как самым выбором этим нарушен был договор андрусовскій, которым не уничтожалась статья виленскаго договора, признававшая Алексея Михайловича наследником польскаго престола 159). Впрочем, сам Михаил Вишневецкій также не желал польской короны. Он знал исторію своих предков, видел, что корона, вообще, не приносила счастія дому Вишневецких. Михаил знал, что Сигизмунд заплатил жизнію за корону чехов, Димитрій за валахскую шапку княжеско-господарскую. Он также хорошо понимал и свое положеніе среди буйной шляхты и неустройств отечественных, и чувствовал, что эти новыя почести не обойдутся ему дешево и, упавши к ногам матери, сказал: „transeat a me calix iste!“ 160). (Да идет мимо меня эта чаша!)

Когда Михаила позвали на престол, замок, или дворец варшавскій, находился тогда в совершенном запустеніи: в нем не было ни мебли, ни экипажей, ни посуды, так что король принужден был не только жить, но даже обедать и ужинать в частных домах. Так разорили эту столицу, бывшія войны с Швеціею за наследство польскаго престола в

156) Примеч. к 1 ч. Ист. Мол. 251. Енгель стр. 167.

157) Dzieci Polskie Epok. IV, str. 295. Hist. Królcw. Polsk. Epok. IV, 303.

158) Dzieci Pol. Epok. IV, 295.

159) Вестн. Югоз. Рос. 1867 г. кн. V, отд. II. стр. 110.

160) Podole, Wołyń, Ukraina t. I, 45.

1654 г. и также сильный пожаръ въ Варшавѣ, бывшій въ 1653 году 161). Самъ король Михаилъ находился въ то время также въ крайности. Отецъ его, Іеремія, чрезъ постоянныя войны свои съ казаками, потерялъ все имущество свое, оставивъ сына въ великой нуждѣ вмѣстѣ съ матерью: вслѣдствіе такихъ обстоятельствъ, во время явки своей на избирательный сеймъ, Михаилъ, для поданія голоса, присталъ къ сендомірскому воеводству 162).

Михаилъ Вишневецкій женился на Елеонорѣ, сестрѣ императора Леопольда 27 февраля 1670 года въ Ченстоховѣ 163).

Избраніе Михаила на польскій престолъ повело къ тому, что, вмѣстѣ съ пріобрѣтеніемъ польской короны, онъ пріобрѣлъ и множество враговъ, которые терзали государство его какъ внутри, такъ и извнѣ. Противъ Михаила Вишневецкаго вооружена была вся партія французская и всѣ высшіе магнаты, такъ, что примасъ и гетманъ, начальникъ французской партіи, хотѣли даже низвергнуть короля. По ихъ проискамъ даже самъ Леопольдъ и Елеонора не были чужды этихъ мыслей. Послѣдніе впрочемъ, хотѣли низложенія Михаила на тѣхъ условіяхъ, что бы королемъ избранъ былъ князь лотарингскій и женился на Елеонорѣ 164).

1670 г. при королѣ Михаилѣ Вишневецкомъ заключенъ договоръ вѣчнаго мира съ Россіею, на коемъ, въ присутствіи россійскихъ и польскихъ пословъ, въ Андрусовѣ, положено: что не только Кіевъ, но и ни одно изъ завоеванныхъ царскимъ оружіемъ селеніе не будетъ уступлено польскому королевству, что оно должно довольствоваться тогдашними ея владѣніями. Король Михаилъ Вишневецкій согласился на эти условія; но, между тѣмъ пока переговоры продолжались, онъ велѣлъ (посламъ воеводѣ черниговскому Станиславу-Казиміру Бѣньевскому, Яну Пѣсочинскому и др. 165) съѣхаться въ Острогъ, гдѣ хотѣлъ рѣшить судьбу заднѣпровской Украйны при-

161) Энциклопедич. Лекс. Посвящ. Николаю Павловичу Т. XII, стр. 379.

162) Dzieci Pol. Epok. IV, 295. Hist. Król. Pol. Epok. IV, 303—308.

163) Такъ-же.

164) Dzieci Pol. Ep. IV, 295—298.

165) Ист. Мал. Рос. Бант.-Кам. ч. II, стр. 119.

соединеніемъ ея къ Польшѣ на вѣчныя времена; но намѣреніе его не удалось *). Единственная выгода отъ этого договора

*) Содержаніе этой коммиссіи было слѣдующее:

Во имя Бога, въ Троицѣ св. Единаго, Отца, Сына и св. Духа. На вѣчную память современникамъ и потомству.

Найяснѣйшаго Михаила, Божіею милостію, короля Польскаго, великаго князя литовскаго, русскаго, прусскаго, мазовецкаго, Жмудскаго, Кіевскаго, Волынскаго, Подольскаго, Лифляндскаго, смоленскаго, сѣверскаго, черниговскаго и всей республики короны польской и великаго княжества литовскаго:) Мы Станиславъ Казиміръ Бѣльевскій, воевода генералъ черниговскій, богуславскій, носовскій староста, Іоаннъ Францискъ изъ Лубовичъ Лубовицкій каштелянъ хелмскій; Юрій Потоцкій изъ Пигловичъ, кіевскій стольникъ Стефанъ Пясочинскій, брацлавскій, синицкій староста,—властью сейма назначенные коммиссары—объявляемъ: Послы отправленные съ Низовья, отъ войска его королевской милости запорожскаго, старшиною своимъ благороднымъ Михаломъ Ханенкомъ и всѣмъ войскомъ, къ его королевской милости, пану нашему милостивому—а именно: благородные Семенъ Богаченко и Яковь Эрошенко, Романъ Малукъ, Иванъ Полтавецъ, Иванъ Завиша, Степанъ Бѣлый, Василій Олексіенко, съ прочими своими товарищами, представъ предъ его королевскою милостію паномъ нашимъ милостивымъ, какъ природнымъ своимъ государемъ, были приняты благосклонно, и къ намъ, коммиссарамъ всей республики, присланы для обстоятельнаго соглашенія. А потому мы, удостовѣряя войско запорожское въ Сѣчи на Низовьяхъ и по городамъ находящееся, что на предстоящемъ вскорѣ сеймѣ будетъ имъ обезпечена и утверждена точною конституціею милость его королевской милости, пана нашего милостиваго; въ особенности чтобы служеніе въ церквахъ греческаго исповѣданія, во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, куда лишь только простирается власть и благополучное державство его королевской милости, не было уничтожаемо; а дабы впредь, касательно монастырей, церквей и имуществъ никакихъ болѣе не было стѣсненій, то на томъ же сеймѣ, по предварительномъ сношеніи съ ихъ милостями, отцами епископами, какъ пастырями подъ державою его королевской милости состоящими, и съ самимъ, его милостію преосвященнымъ отцемъ митрополитомъ, будетъ сдѣлано окончательное постановленіе. Чтобы они тою же самою, какъ и до начатія войны, независимостію и неприкосновенностію пользовались, и какъ о томъ найяснѣйшими предшественниками его королевской милости было постановлено, дабы безопасность, свобода, уваженіе не токмо высшему, но и всему духовенству на вѣчныя времена принадлежали, стародавнія войсковыя права и привилегіи не токмо относительно

была та, что Дорошенко на нѣкоторое время сдѣлался подозрительнымъ для турокъ и не могъ вредить Польшѣ. За тѣмъ,

---

церквей греческаго исповѣданія, но и относительно имуществъ, хуторовъ и всякихъ собственныхъ имѣній козацкихъ всѣмъ и каждому останутся непрекосновенными. Въ судѣ, чтобы двое судили одного, согласно прозьбѣ тѣхъ же пановъ пословъ. Вдовамъ умершихъ козаковъ предоставляется всякая свобода въ имѣніяхъ, хуторахъ, такая же, какою мужья ихъ пользовались; буде же вдова выйдетъ замужъ за козака, то должна пользоваться вольностями козацкими. Также избраніе въ гетманы, согласно давнимъ обычаямъ, какъ они сами требовали, должно происходить на мѣстахъ, правами и обычаями установленныхъ; съ тѣмъ однако, чтобы новоизбранный гетманъ на будущія времена всегда былъ его королевское милостію утверждаемъ и получалъ благословеніе по учиненію присяги на вѣрность совмѣстно съ полковниками и войсковою старшиною; и чтобы по званію этому пожизненнаго себѣ не требовалъ права и никакихъ обидъ и притѣсненій сверхъ правъ званіемъ ему представленныхъ, козакамъ не дѣлалъ, но оставался бы доколѣ войску благоугоденъ будетъ. Наконецъ, для всѣхъ справедливыхъ прошеній, нынѣ и впредь, открываемъ войску путь къ милостямъ его королевской милости, пана нашего милостиваго и всей республики, обѣщая, что все то, о чемъ только покорно и законно просить будутъ, получатъ.

А какъ уже войска, по благодати милосердаго Бога, къ его королевской милости, какъ природному своему государю къ республикѣ, какъ матери своей обратились; то и прощеніе и преданіе вѣчному забвенію всего того, чѣмъ Господь Богъ столь долгое время за общіе наши грѣхи наказывалъ, безъ всякаго отвѣта, помышленія на вѣчныя времена получили. Также чрезъ пословъ своихъ они приняли на свою душу и совѣсть обязательство, что отказываются отъ всякаго покровительства постороннихъ монарховъ... Равно никакихъ посольствъ безъ вѣдома его королевской милости—принимать и отправлять къ кому либо изъ постороннихъ не будутъ... и обязаны будутъ выходить противъ всякаго непріятеля—коль скоро о томъ послѣдуетъ повелѣніе — со всею воинскою готовностію, подъ хоругвею его королевской милости.... Если же бы нынѣ и впредь (чего Боже сохрани) внутренніе какіе либо, какъ въ Сѣчи, такъ и въ волостахъ обнаружились мятежи; то всѣми силами своими, усмиряя, злу распространенія не попустятъ, и всякаго противящагося сему постановленію и подданству его королевской милости и республикѣ, должны какъ врага истреблять, карать и преслѣдовать. А чтобы войско запорожское могло наслаждаться большею свободою и милостями его королевской милости и республики, мы удостовѣряемъ, что въ до-

въ граммотѣ, по варшавскому договору, Михаилъ писался такъ: „Михаилъ, Божіею милостію король польскій, великій князь литовскій, русскій, прусскій, мазовецкій, жмудскій, лиф-

махъ; имѣніяхъ и хуторахъ козацкихъ впредь никогда не будутъ солдаты стоять постоемъ ни во время перехода, ни же для ночлега; не будетъ для нихъ требуемо продовольствія временнаго ни зимняго; равно они не будутъ чинить на какихъ обидъ и насилій, подъ страхомъ смертной казни. При томъ булава, бунчукъ, печать Комошина на предстоящемъ сеймѣ будутъ возвращены войску запорожскому. При полученіи сихъ войсковыхъ клейнодовъ, гетманъ, полковники, судьи, ассаулы и вся старшина, въ присутствіи коммиссаровъ его королевской милости, обязаны учинить присягу на вѣрность его королевской милости и республикѣ. Равнымъ образомъ сословіе дворянское и духовенство имѣютъ право возвратиться безпрепятственно въ свои имѣнія; ибо настоящая коммисія не должна нарушать ни въ чемъ ихъ правъ и вольностей. Все, что принадлежало булавѣ гетманской войска запорожскаго, его королевская милость и республика подтвердятъ на будущемъ сеймѣ. Все сіе должно быть хранимо вѣчно и ненарушимо,—для чего на память грядущимъ вѣкамъ, сказанную коммисію подписали мы, коммиссары его королевской милости, пана нашего милостиваго и всей республики обѣихъ націй, и послы—коммиссары войска запорожскаго. Учинена въ Острогѣ, дня 2-го сентября, по календарю римскому, лѣта 1670. (Затѣмъ слѣдуютъ подписи съ той и другой стороны уполномоченныхъ).

Коммисію эту король Михаилъ Вишневецкій утвердилъ слѣдующею резолюціею:

„Принявъ благосклонно прошеніе войска нашего запорожскаго, и увѣрившись въ его постоянной вѣрности и подданствѣ намъ и республикѣ, утверждаемъ во всѣхъ статьяхъ и параграфахъ коммиссіи, вельможными и благородными коммиссарами, властію прошлаго сейма назначенными—въ Острогѣ составленною, и таковую обѣщаемъ привести въ исполненіе, изъявляя всему войску нашему запорожскому Низовскому и городовому милость нашу королевскую, которой мы не откажемъ при всякихъ справедливыхъ прошеніяхъ; равно на вѣчныя времена подтверждаемъ имъ, властію настоящаго сейма, привиллегію на вольности, выданную изъ нашей канцеляріи. Для большей вѣры прилагается коронная печать. Дано въ Варшавѣ, въ понедѣльникъ на другой день послѣ праздника св. Ѳомы апостола, т. е. дня 22 мѣсяца декабря. лѣта Господня 1670, царствованія же нашего во второй годъ.

(За тѣмъ слѣдуютъ подписи). См. лѣт. событій въ Юго-Зап. Россіи въ XVII вѣкѣ Самуила Величко Т. II, Кіевъ. 1851 г., стр. 262—274.

ляндскій, смоленскій, черниговскій и проч. 166)." Возвратившись изъ острогской коммиссіи, запорожскіе послы вручили гетману Многогрѣшному королевскую граммоту на свободный проѣздъ чрезъ Украйну. И какъ граммота сія содержала несправедливо присвоенные польскимъ королемъ титулы, и въ ней не было упомянуто о царѣ, то гетманъ остановилъ пословъ и увѣдомилъ о томъ государя. Михаилъ письменно просилъ самодержца россійскаго, чтобы выпустить изъ оковъ взятыхъ гетманомъ Многогрѣшнымъ запорожскихъ полномоченныхъ и отдать отнятые у нихъ знамена, литавры и проч., а также наказать гетмана за его поступокъ. Но государь отвѣтилъ, что изъ граммоты короля онъ усмотрѣлъ явное нарушеніе андрусовскаго и московскаго договоровъ, и что король присвоиваетъ напрасно россійскіе города и украинскаго гетмана, не именовавъ россійскаго сей стороны Днѣпра подданныхъ, а только наказаннымъ сѣвернымъ, и опредѣляетъ безъ согласія и извѣстія государства, и что, потому гетманъ Многогрѣшный нисколько не виноватъ и что съ его стороны этимъ не подано причинъ къ нарушенію взаимной дружбы. Такимъ образомъ не было надобности дѣлать удовольствіе королю въ неправильномъ его домогательствѣ 167).

1671 года Магометъ IV объявилъ Михаилу Вишневецкому, королю польскому войну, и когда польскій король приказалъ сдѣлать наборъ, непримиримые враги его примасъ и гетманъ, открыто дѣйствуя противъ короля вмѣстѣ съ своими партіями, не дозволяли, на двухъ сеймахъ, дѣлать наборъ и, вообще, при всякомъ удобномъ случаѣ, старались подрывать авторитетъ короля. Вслѣдствіе чего войска Великой Польши, не снося болѣе обидъ, наносимыхъ противузаконно Михаилу, вооружились на защиту королевскихъ обидъ и въ концѣ 1671 года отправились въ Голембію для составленія своей конфедераціи; Малая Польша послѣдовала примѣру Великой Польши. Но когда войска конфедератовъ прибыли въ Голембію, турки, овладѣвъ Каменцемъ, отправились въ глубину польскихъ владѣній, осадили

---

166) Ист. Мал. Рос. Бант.-Кам. ч. II, стр. 20, Моск. арх. иностран. дѣлъ.

167 Ист. Мал. Рос. Бант.—Кам. ч. II, стр. 120. Дипл. собр. дѣлъ между Рос. и Пол. Госуд. ч. 4.

Львовъ и расположились лагеремъ подъ Бурачемъ, гдѣ послы короля принуждены были, наконецъ, заключить 18 октября 1672 года съ турками миръ 168). Ходъ самой войны польской съ турками и поводъ къ оной были слѣдующіе: честолюбивый Дорошенко, не довольствуясь гетманствомъ въ польской Украйнѣ, простеръ свои виды и на Украйну русскую и, умертвивши Брюховецкаго, объявилъ себя гетманомъ всей Малороссіи. За тѣмъ совершенно отставши отъ Польши съ частію войска, онъ обратился къ Турціи, увѣряя Магомета IV, что при тогдашнемъ положеніи Польши не трудно завоевать Украйну, столь выгодную для обезпеченія турецкихъ границъ 169). Не получая однакожъ отъ Оттоманской Порты долгое время пособія, Дорошенко обратился къ государю Алексѣю Михайловичу, который совѣтовалъ ему отстать отъ турокъ и находиться въ вѣрномъ подданствѣ польскаго короля 170). Но не довѣряя Польшѣ и опасаясь Россіи, Дорошенко опять предался туркамъ и просилъ ускорить военныя дѣйствія. Тогда Магометъ IV немедленно объявилъ польскому королю войну, а между тѣмъ самъ началъ сильныя приготовленія *). Въ началѣ весны 1672 года приго-

---

168) Военный Энциклопеи. Лекс. ч. VII, стр. 347.

169) Подольскіе Епарх. Вѣд. за 1862 г. № 13 стр. 402.

170 Ист. Мал. Рос. Бант. Кам. часть II, стр.—Прим. къ сей части 21.

(*) Письмо Магомета IV, коимъ онъ объявлялъ войну польскому королю Михаилу,—было слѣдующаго содержанія:

„Najwynieslejszy z Panów wielkich wiary Jezusowej, Najsławniejszy z Monarchów ludzi Messiaszowych, Rządca spraw narodu Nazarańskiego, wielkiej czci wyniosłością ozdobiony, sławą inszy sprawco. Niech sprawy twoje na dobry koniec wychodzą, jako was to szlachetne świątu dojdzie pisanie, macie wiedzić, że za pomocą wielką Boską i zwycięztwem tegoż, uciekając się Monarchowie przeczli z majstatami swemi w obronię do przodków naszych w pokoju zawsze zostawali, co i przeszłych czasów od Najjaśniejszego wspaniałości naszéj bębny, chorągiew, bunczuk, swiato świadczające znaki, szczodrobliwie łaską naszą nad narodem kozackim hetmanowi Doroszenkowi dalismy, które sprawy na koniec dobry niech przychodzą. Który oddając do ucieszki świata, szczęśliwych progów od Boga nam danych, usługi swe i życzliwe przez suplikę oddał, jakoż od tego czasu statecznym i szczerym we wszystkim sługą naszym zostaje. Co widząc po nim iż nie inaczéj sobie postempuje, tylko jako insz zostają pod cień protekcjii naszéj cesarskiéj i państwy ich pod władzą wziawszy tak, jako insze państwa przestronne, w pokoju i wszelakiej

товленія къ войнѣ у турокъ были окончены. Роздано напередъ изъ султанской казны много шубъ и кафтановъ, множество бутовъ, кинжаловъ и другихъ предметовъ. Султанъ послалъ также крымскому хану 15,000 дукатовъ на расходы первой войны, шубу и два кафтана, при письмѣ, наполненномъ лестью. Великій визиръ Кипроли съ своей стороны, послалъ кинжалъ, осыпанный дорогими камнями и 50 кафтановъ мирзамъ татарскимъ. Визирамъ и улемамъ розданы собольи шубы, покрытья для первыхъ злотошовомъ, а для послѣднихъ шерстяною тканью.

---

obranie jako monarsze należy i najwyższej wierże naszej, pomienionego po międze sługi nasze poczytał i państwo kozackie z powiatami wszystkiemi granicą twoją uczinilismy, aby żadnym sposobiem w kraie dostatkom państwa i samym najmniejszej szkody nie było; i przed tym od najmożniejszych progów naszych przez list oznajmiono i napomniono was, abyście w tych pomienionych punktach acturum zadosyć uczinili. Teraz deszło nam wiedzić, jakobyś się ruszył osobą swoją z polskim wojskiem, na pomienionego hetmana, chcąć samego i państwo, pod władzą naszą zostające, zrujnować. Prawda, żeśmy mieli wspaniałością naszą w Anatolii zimować; i już nakierowałem się był z najiasniejszą powagą naszą, ale teraz z tej przyczyny nie przeprawiłem się i na dawniej stolicy w Adrianopolu zimować będę, bo mam dla tego wielką urazą; potrzeba tedy, abyś według i teraźniejszego że wspaniałych listów napomnienia posłanych, gonienionemu Doroszenkowi hetmanowi, wojsku jego kozackiemu, także państwom i powiatom żadnym sposobem najmiejszej szkody nie uczynił. Ale wedłng pakt poprzysiężonych, z tych miejsc, na któreś przyszedł, nazad powrócił do państwa swego, aby tak z twojej strony, jako i od wojska twego, samemu albo pod władzą jego państwom i powiatom szkody i rabunku nie było. Albowiem jeśli będzie to złamanie prszysięgi, i zepsowanie pakt i słowa niedotrzymanie z strony twojej okaże się z wole Boga Najwyższego i gniewa jego, który jest powodem do wszystkich zwycięzstw, i wielkego proroka naszego Machmet Mustafy, któremu niech pokoj będzie, znacznemi cudami, najwspanialszą i najwielmożniejszą osobą swoją zaraz na wiosnę, która każdego uwesela, z niezliczonym wojskiem, nieprzyciaciela szukając, ruszą się na ciebe i zapewnie pojde. Masz wiedzieć i na pogotowiu być stawimy się na placu. Pokoj na prawdziwej drodze będącym. Data Polska w tym liście 3 oktobris anno 1671.

Настоящее письмо списано изъ рукописи: „Кодексъ дипломаціонный польскаго государства." См. рукопись въ государственной спб. библіотекѣ. Также Podole, Wołyń, Ukraina tom I, Wilno 1841 r. przez Aleksandra Przezdzieckiego — dodatek pod literą B, str. 201—203.

30 апрѣля султанъ, опустошивъ адріанопольскій дворецъ, бросился по слѣдамъ кесаря, который превратилъ въ прахъ Чукунъ-Чайри. Въ его свитѣ находились знаменитые визиры и улемы. Султанъ имѣлъ на себѣ колчанъ, повѣшенный на плечахъ въ брильянтахъ, и у пояса булатъ, осыпанный дорогими каменьями. Изъ зеленой чалмы выходили два пера; чапракъ и вся дорогая збруя на лошади блистали огнемъ дорогихъ камней. Все придворное войско было разряжено также изысканно; лошади всего войска были въ дорогихъ збруяхъ; кони на этотъ разъ розданы для всѣхъ визировъ изъ султанскихъ стадъ.

Ахметъ-Чаушъ возвратился изъ посольства съ письмомъ отъ короля къ великому визиру, объясняющимъ, что Украина постоянно принадлежала къ Польшѣ, и что Дорошенко бунтовщикъ и крайній негодяй. Великій визирь отвѣчалъ, „что вольный народъ казацкій, ищущій у хана крымскаго помощи, получилъ штандарты и бунчуки и остается отнынѣ подъ опекою султана. Бѣда вамъ, если булатъ долженъ разорвать ваши споры. 8-го іюня богатый и знаменитый падишахъ опустошилъ Адріанополь; онъ пойдетъ безпрепатственно къ границамъ съ своими храбрыми войсками, которыхъ имѣетъ, какъ звѣздъ на небѣ. А потому хорошо король сдѣлаетъ, если поспѣшитъ съ отвѣтомъ, ибо послѣ каждаго шага впередъ труднѣе будетъ сдѣлать миръ.“

Войску выплачено отразу за треть; генералъ кватермистръ Чарменскій получилъ приказъ выйдти впередъ съ бунчуками, и султанъ выступилъ въ день, назначенный въ письмѣ визира, т. е. 5 іюня. Подъ Балканами погрязъ серебрянный султанскій возъ, который постоянно шелъ при штандартахъ султанскихъ. Великій визирь подпрягъ собственную лошадь и вытянули оный съ большею трудностію; султанка осталась въ Бабатогѣ, съ пашою Ибрагимомъ, визиромъ Кюпроли. Губернатору Босніи, Ибрагиму, и Беглербею—Анатоліи, Алому пашѣ, приказано идти впередъ съ своими отрядами и подвозить съѣстные припасы, забранные со всѣхъ сторонъ для содержанія войска. Осману пашѣ, санджику неаполитанскому и Мураду, пашѣ конгринскому поручена защита обоза, а Мугамеду пашѣ оборона дунайскаго моста въ Исакдѣсѣ; губернатору Алеппо и Карамании Капланъ и Али пашамъ, которыхъ отряды отличались

хорошимъ порядкомъ, приказано было идти впереди султана, въ почетныхъ кафтанахъ. Въ Бруссѣ, въ Мультанахъ, вышелъ приказъ султанскій, которымъ повелѣвалось выйдти арміи на встрѣчу падишаха, гдѣ онъ предположилъ проѣзжать между рядами войска.

Когда султанъ прибылъ въ Яссы, столицу Мультанъ, князь Дукасъ, который управлялъ этимъ княжествомъ, уже другой разъ положилъ у ногъ султана кинжалъ въ дорогой каменной оправѣ, двѣ дорогія собольи шубы и цѣлую кипу богатыхъ матерій. Войску розданы чрезвычайные подарки при началѣ военной выправы: янычари, сипаги, джельджи и лопады получили по 1,000 піастровъ каждый. Кхалифу пашѣ, очаковскому коменданту, беглербею Анатоліи и Караманіи, бею Іерменскому,—приказано стеречь работы при мостѣ на Днѣстрѣ, а отводъ квартиръ порученъ беглербею Адани. Сандріамъ прибылъ изъ Хиліи съ артилеріею.

Когда войска султана расположились при ручьѣ, въ десяти верстахъ отъ Хотина, гарнизонъ Жванца, по ту сторону Днѣстра, выступилъ изъ замка безпрепятственно; на другой день мѣсто его, заступилъ отрядъ турецкій, состоявшій изъ 300 конныхъ янычаръ и 150 человѣкъ, выбранныхъ изъ команды каймакана. Великій визиръ и Капланъ паша стали у моста для досмотра работъ; на правомъ берегу Днѣстра начали копать рвы и на лѣвомъ воздвигать батареи. Кгалимъ паша комендантъ Очакова, и Мурадъ паша конгританскій, переправились чрезъ рѣку 7-го августа 1671 года (120 vebial akiv 1083).

По окончаніи моста, первые прошли янычаре, за тѣмъ султанъ, наконецъ и все мусульманское войско расположило обозы свои на польской землѣ. Каймакамъ визиръ, паша Босніи и Алеппо, съ нѣсколькими алайбеями и начальниками артилеріи, разузнали положенія каменецкаго замка 15 августа 1672 года. Дукасъ, воевода мультанскій, впалъ въ подозрѣніе и на его мѣсто назначенъ Стефанъ Петрейшакъ. На другой день визиръ и баглербеи представили султану хана крымскаго, какъ покорнаго вассала; при чемъ онъ получилъ отъ султана страусовое перо, осыпанное драгоцѣнными камнями и нѣсколько арабскихъ коней; двадцать особъ изъ его свиты также получили кафтаны. На другой день гетманъ казацкій Дорошенко так-

же отеръ челомъ пыль съ ногъ султана и получилъ почетный кафтанъ, булаву и коней въ богатой сбруѣ. Наконецъ послѣ 38 переходовъ, войско стало вечеромъ подъ Каменцемъ 18 августа. Тогда наступилъ, замѣчаетъ лѣтопись, для Каменца, послѣдній день (summa dies et inductabile tempus 170[2]).

Шляхта поздо пожалѣла, что не хотѣли принять предъ тѣмъ двухъ полковъ пѣхоты, которыми гетманъ Собѣсскій хотѣлъ обезпечить Каменецъ. Поляки приняли едва полкъ бискупа краковскаго. Великій визирь сталъ противъ войска, облегающаго Каменецъ, съ янычарами и войскомъ изъ Румеліи. Правымъ крыломъ командовалъ любимецъ Мустафы паши, другой визирь съ войскомъ Анатоліи, Сочарды Баша; лѣвымъ крыломъ каймокамъ Кари Мустафа, съ войсками изъ Шиваса, Самсандніи паша. Сперва начали рыть рвы и окончили ихъ въ пять дней. Началась страштная битва. Король Михаилъ Вишнивецкій выслалъ подъ Каменецъ короннаго гетмана Яна Собѣсскаго противъ турокъ; но этотъ гетманъ имѣлъ у себя небольшой отрядъ войска, — не могъ противустать огромнымъ силамъ султана... Къ чести поляковъ можно сказать, однакожъ, что семъ дней каменецкій гарнизонъ выдерживалъ турецкую осаду и не допускалъ турокъ въ Каменецъ. Устрашённые жители Каменца выслали въ турецкій обозъ парламентера, но военныя дѣйствія все таки не прекратились. На 8-й день осады турки взяли приступомъ главнѣйшій бастіонъ Каменца и положили на немъ свои штандары (25 августа). На другой день внутренніе окопы были взорваны; явились другіе, но и тѣ должны были взлетѣть на воздухъ отъ турецкаго пороху. Жители Каменца выставили бѣлую хоругвь, въ знакъ сдачи крѣпости. Тогда султанъ заключилъ съ ними условія, коими обѣщалъ, что 1) онъ допускаетъ свободный въѣздъ и выѣздъ изъ города и неприкосновенность имѣній; 2) что католики, русскіе и армяне будутъ имѣть свои храмы; 3) что домы шляхты и духовныхъ, остающихся въ Каменцѣ, будутъ свободны отъ по-

---

170[2]) Podole Wolyń, Ukraina t. I, str. 176. Vespasiani Kochowski annalium Poloniae dimacter IV, L. IV, z Mss biblioteki Cezarskiej u Petersburgu;.... po tych słowach jest przerwa w originalnym rękopismie aż do wiazdu Sułtana do Kamieńca....

стоя войскъ; султанъ далъ пять своихъ золотиниковъ въ обезпеченіе этихъ условій.

30 августа каменецкій бискупъ Ланецкоронскій выѣхалъ въ Львовъ, комендантъ отдалъ ключи города туркамъ и получилъ отъ султана почетный кафтанъ, будучи сверхъ того, какъ утверждаютъ, награжденъ деньгами. Иначе поступилъ въ это время начальникъ гарнизона каменецкаго: онъ зажегъ надъ собой порохъ и во время взятія замка, одновременно съ двумя башнями и частію моста, взлетѣлъ на воздудъ.

31 августа, султанъ принималъ поздравленія отъ знаменитыхъ урядниковъ и каждому отвѣчалъ подаркомъ дорогихъ шубъ 170[3]). Послѣ того онъ совершилъ тріумфальный въѣздъ въ Каменецъ. въ такомъ порядкѣ: въ главѣ свиты ѣхали беглербей и паши; подишахъ сидѣлъ на арабскомъ конѣ, въ зеленой сбруѣ шитой серебромъ; его сопровождала горсть польской пѣхоты и безпорядочная толпа турокъ. Султанъ поѣхалъ къ каѳедральному католическому костелу, который, съ этаго времени, былъ обращенъ въ султанскую мечеть. Предъ дверями этаго костела султанъ слѣзъ съ коня и приказалъ подать себѣ императорскій штандартъ, на которомъ была означена хронологія Каменца и бытность султана Магомета въ городѣ; дальнѣйшія обрядности превращенія костела въ мечеть никому неизвѣстны, потому что никто не могъ присутствовать при турецкомъ молитвословіи. Извѣстно только то, что турки схватили на рынкѣ восьмилѣтняго мальчика, котораго, въ присутствіи султана, по турецкому обряду, обрѣзали для посвященія избранной святыни *). За тѣмъ и всѣ другіе святыни и общественныя мѣста, вопрѣки договору, были заняты турками. Францишканскій костелъ (нынѣшняя архіерейская церковь), костелъ св. Станислава въ крѣпости, Троицкій монастырь и Іоанно-Предтеченская церковь, обращенны въ мечети. Въ іезуитскомъ коллегіумѣ, равно и въ костелѣ св. Екатерины, устроены ко-

170[3]) Podole Wołyń, Ukraina t. I, str. 178. Historia Turecka Paszyda citowana w dziele Pana de Homer; Histoire de l'empire ottoman.

(*) Это былъ нѣкто Пертъ Яктренбей, уведенный послѣ въ Польшу... Коховскій встрѣтилъ его въ Венгріи, гдѣ онъ принялъ было службу у князя Любомірскаго.—Podole, Wołyń, Ukraina t. I, str. 179.

конюшни; доминиканскій кляшторъ обращенъ въ казармы для янычаръ. Другія общественныя зданія получили подобное же назначеніе. Вообще варварство турецкое ничего не пощадило: кресты и другіе символы христіанской вѣры были уничтожены, а на мѣстѣ ихъ блистала металлическая луна. Тѣла умершихъ, погребенные при церквахъ и въ костелахъ исторгнуты изъ мѣста своего упокоенія и выброшены изъ города. Словомъ все, что составляло святыню города подверглось поруганію 171).

Завладѣвши Каменцемъ, султанъ отправилъ визира, хана и Дорошенку съ войскомъ для занятія разныхъ городовъ и селъ принадлежащихъ Польшѣ. Тщетно тогда жители скрывались въ лѣсахъ, ущельяхъ горъ и проч.,—невѣрные и тамъ находили ихъ и обагряли руки свои ихъ кровію.

Главная польская армія, собранная королемъ Михаиломъ-Корибутомъ Вишневецкимъ замѣтно уменьшалась отъ безчисленныхъ побѣговъ нижнихъ чиновъ и водворившагося несогласія между самими предводителями. Ханенко присоединился къ королю съ своими запорожцами и бывшими подъ его командою поляками, но потерпѣлъ также значительное пораженіе отъ турокъ; кромѣ того часть войска его совсѣмъ досталась Дорошенку 172). Наконецъ турки, преслѣдуя поляковъ, подошли къ Львову и осадили его. Здѣсь 14 дней они громили городскія стѣны, но комендантъ крѣпости Илія Лонецкій мужественно отстаивалъ городъ; когда же въ стѣнахъ сдѣланы были турками проломы, гарнизонъ принужденъ былъ сдаться на капитуляцію 173). Среди такого всеобщаго смятенія и неудачь военныхъ король Михаилъ вынужденъ былъ прекратить безполезную брань и предложилъ Магомету IV миръ, который былъ заключенъ въ Бушаковѣ, извѣстенъ подъ именемъ бучацкаго и состоялся 18 октября 1672 года.

По бучацкому договору, Польша обязалась 1) платить туркамъ дань 2200 червоныхъ, а за Львовъ выдать единовременно 80,000 ефимковъ; 2) Каменецъ отданъ туркамъ, козаки по-

---

171) Подольскія Епарх. Вѣд. за 1862 г. № 13, стр. 403—404. Также Podole, Wołyń, Ukraina t. I, str. 171—180.

172) Ист. Мал. Рос. Бант. Кам. ч. II, стр. 129.

173) Военный Энциклопед. Лекс. ч. VII, стр. 355.

ступили подъ ихъ же защиту *). Послѣ сего Магометъ поставилъ въ Меджиботѣ, Борѣ и др. городахъ турецкихъ начальниковъ и выступилъ изъ Польши, обогащенный многочисленною добычею. Крымскій ханъ и Дорошенко, главный виновникъ похода, удалились также въ свои земли 174).

Между тѣмъ, пока тянулись переговоры бучацкаго перемирія, Чарнецкій, познанскій епископъ Стефанъ Вернебовскій, холмскій епископъ Сигизмундъ Жегоцкій и воевода спрадинскій Феликсъ Потоцкій образовали голембовскую конфедерацію противъ примаса и гетмана Яна Собѣскаго. Все войско, въ числѣ около 180,000, признало справедливость заявленной означенными лицами конфедераціи...

Въ слѣдующемъ 1673 году 4 января, по постановленію въ Люблинѣ конфедераціоннаго сейма, примаса и двухъ братьевъ его лишили чиновъ и имѣнія ихъ описали въ казну, а прервавшихъ сеймы объявили безчестными измѣнниками. Но конфедерація не могла держаться, потому что многочисленное войско, по удаленіи турокъ, разошлось по домамъ и при королѣ осталось только 500 человѣкъ. Вслѣдъ за означенною конфедераціею Собѣскій образовалъ въ своемъ войскѣ конфедерацію въ Ловичѣ, 24 ноября, на коей положено было дѣйствовать противъ конфедераціи голембской. Междоусобіе готово было возгорѣться; но король, потерпѣвшій много отъ турокъ, не хотѣлъ сражаться съ врагами внутренними, желалъ спокойствія и заключилъ съ примасомъ, въ началѣ 1673 года, въ Уѣздовѣ договоръ, коимъ положено конфедерацію уничтожить и утвердить власть короля, также права и привеллегіи народа

(*) Каменецъ Подольскъ оставался у Турокъ по 1649 годъ, послѣ чего карловицкимъ договоромъ положено было возвратить опять къ Польшѣ. Во время своего господства, турки построили въ Каменцѣ при каѳедральномъ костелѣ минаретъ съ полумѣсяцемъ, и устроили мостъ: а по возвращеніи Каменца къ Польшѣ, поляки поставили на полукружіи минарета Божію Матерь, въ знакъ торжества надъ невѣріемъ. При заключеніи карловицкаго договора упомянуто также и то, дабы минаретъ никогда не былъ, уничтожаемъ.—Подол. Епар. Вѣд. № 13, стр. 404.

174) Ист. Мал. Рос. Бант. Кам. часть II, стр. 130. Примѣч. къ сей части 21. Также Podole, Wołyń, Ukraina t. I, dodatek pod lit. D. E. F.

и возвратить примасу имѣніе его. Сеймъ, состоявшійся 1[?] апрѣля 1673 года, подтвердилъ все это. Но вскорѣ примас[ъ] послѣ сего умеръ, а Собѣсскій изъявилъ королю Михаилу ис-креннюю покорность 175).

Между тѣмъ, заключенный съ Турціею постыдный миръ возбудилъ въ Польшѣ всеобщее негодованіе и даже Рѣчь-Посполитая отказалась (1673 г.) подтвердить оный. Приверженцы Собѣсскаго восторжествовали... война съ Турціей возгорѣлась сновъ. На этотъ разъ войска польскія, сильныя и многочисленныя, уже успѣли очистить отъ турокъ многіе города, замки и мѣстечки. Король Михаилъ отправилъ Яна Собѣсскаго, канцлера краковскаго, противъ турокъ подъ Хотинъ; войска перешли чрезъ рѣку и устремились на окопавшагося подъ Хотиномъ Гусейна пашу. Войско польское напало на турокъ и перебило ихъ почти всѣхъ съ потерею своихъ человѣкъ до 500. Объ этой побѣдѣ польскій историкъ замѣчаетъ: „że w tej bitwie widziany był jawnie od wszystkich w obłokach nad Polskim wojskiem swięty Stanisław Kostka z najswiętszą Marią Panną modlący się za Polskę 176).“ (Что въ этомъ сраженіи ясно всѣми былъ видѣнъ надъ польскимъ войскомъ, въ облакахъ молящимся за Польшу св. Станиславо Костка съ пресвятою Дѣвою Маріей).

Во время войны съ турками, царь Алексѣй Михайловичъ не оставилъ также безъ пособія союзника своего короля Михаила. Онъ повелѣлъ кошевому атаману вмѣстѣ съ донскими козаками безпокоить на Черномъ морѣ турокъ и татаръ. Стольникъ и воевода воронежскій Михайло Самаринъ и гетманъ Самойловичъ, одержали разныя побѣды подъ Перекопомъ надъ крымцами, получивъ отъ нихъ богатую добычу. Съ этимъ извѣстіемъ явился къ королю въ декабрѣ посольскаго приказа подьячій Семенъ Протопоповъ, съ которымъ Ханенко имѣлъ тайный разговоръ о принятіи его въ россійское подданство. Сверхъ того россійскій самодержецъ ходатайствовалъ отъ сво-

175) Военный Энциклопед. Лекс. ч. VII, стр. 347.

176) Ист. Мал. Рос. Бант. Кам. ч. II, стр. 130—131. Dzieie Polski Epoc. IV, str. 295—298. Upadek znaczniejszych królewstw od pierwszego stworżenia aż do naszych czasow X. Szymona Machrowicza Missionerża towarżystwa Jezusowego. 1764 r. czenść II. Rozdz. V, 56. Dział I.

его имени у всѣхъ европейскихъ монарховъ объ оказаніи Польшѣ скорѣйшей помощи, а именно: Курфирста Саксонскаго, Бранденбургскаго, въ Венеціи, Курляндіи, во Франціи, Англіи, Швеціи, Даніи и проч. 177). Наконецъ, когда происходила битва подъ Хотиномъ, Россія, подъ предводительствомъ Ромодановскаго готовилась также соединиться съ поляками, какъ вдругъ внезапная смерть постигла короля Михаила Корибута—Вишневецкаго въ г. Львовѣ 10 ноября, 1673 года 178). Въ это время, въ надеждѣ на русское войско, Янъ Собѣсскій, отчаянно дрался съ непріятелемъ, одерживалъ надъ ними постоянныя побѣды, разбилъ 50,000 турецкій корпусъ, забралъ обозъ, артилерію, военные припасы, отбилъ Хотинъ и, освободивъ литовскаго гетмана Паца, разбивъ Гусейна, молдавскаго господаря, обративъ сверхъ того до 20,000 мусульманъ въ бѣгство, возвратился въ Варшаву. На другой день, по смерти короля, Собѣсскій прибылъ въ Львовъ и, извѣстивъ о своихъ побѣдахъ надъ прахомъ короля собравшихся на погребеніе его соотечественниковъ, тутъ же и избранъ былъ единогласно на польскій престолъ 179).

Михаилъ Корибутъ Вишнивецкій король польскій, по сказанію нѣкоторыхъ лѣтописцевъ, умеръ будто бы отъ удара, узнавъ о взятіи Каменца, а по другимъ онъ отравленъ въ евхаристіи ксендзомъ. Но исторически извѣстно, что король, заключившій бучацкій договоръ въ лицѣ своихъ пословъ, зналъ уже о потерѣ Каменца и послѣ того еще долго жилъ, а потому, если на первыхъ порахъ по взятіи Каменца не умеръ отъ удара, то чрезъ долгое время послѣ того, онъ могъ уже, во всякомъ случаѣ, утолить свою печаль, и не умирать по этой причинѣ. И какъ апоплексія отъ 18 октября до 10 ноября, очевидно, не могла дѣйствовать на короля, то вѣроятнѣе всего, что Михаилъ отравленъ въ евхаристіи ксендзомъ. Извѣстно что король Михаилъ имѣлъ множество враговъ со времени вступленія своего на престолъ, которые, во всякомъ случаѣ, могли подговорить безсовѣстныхъ іезуитовъ на преступленіе, а тѣмъ болѣе, что предвидѣли блестящіе успѣхи соотечествен-

---

177) Ист. Мал. Рос. Бант. Кам. ч. II, стр. 130.

179) Лѣт. опис. Соб. Сам. Величко, т. II. стр. 336. Ист. Мал Рос. Бант. Кам. ч. II, стр. 132. Dziei Pol. EPoc. IV, 298.

никовъ надъ врагами... Ибо на этотъ разъ никто не могъ сомнѣваться въ успѣхахъ польскаго войска, такъ какъ оно было многочисленно, имѣло храбраго и искуснаго вождя и кромѣ того на помощь ему собиралось войско русское 180).

Польскіе писатели хвалятъ Михаила Вишневецкаго, бывшаго еще княземъ, какъ человѣка весьма милостиваго и набожнаго, и говорятъ, что онъ до того былъ впечатлителенъ, что если ему когда нибудь приходилось встрѣтить ксендза, идущаго съ св. дарами къ больному, то онъ тотчасъ соскакивалъ съ коня, просилъ на свое мѣсто ксендза, а самъ провожалъ его пѣшкомъ до того дома, гдѣ находился больной. Почему предполагаютъ, что за свою набожность, подобно императору Рудольфу, по опредѣленію Божію, онъ достигъ монаршаго престола 182).

Михаилъ Вишнивецкій, король польскій, кромѣ природнаго польскаго, зналъ языки: латинскій, французскій, волошскій, нѣмецкій, русскій, турецкій и татарскій. Тѣло его, по замѣчанію польскихъ лѣтописцевъ, похоронено въ Краковѣ, а сердце у камендуловъ, на Бѣлянахъ, подъ Варшавой, на мѣстѣ, которое было любимѣйшимъ его мѣстомъ. На Михаилѣ Корибутѣ Вишневецкомъ окончилась первая линія Вишнивецкихъ князей Корибутовъ, начавшаяся отъ Александра, въ коей (линіи) мы встрѣтили двухъ знаменитѣйшихъ Димитрія и Іеремію и наконецъ польскаго короля Михаила, лицъ рѣзко отличившихся предъ другими членами этой фамиліи 183).

Около 1612 и 28 годовъ воспитывался еще изъ князей Вишнивецкихъ, по второй линіи отъ Ивана, старосты шисскаго, князь Янушъ I, Вишнивецкій, сынъ Константина II, подавшаго помощь Димитрію самозванцу, извѣстный въ послѣдствіи конюшній коронный. Онъ служилъ королю Владиславу II, какъ одинъ изъ его вѣрнѣйшихъ любимцевъ и усерднѣйшихъ магнатовъ; но не удостоился особенныхъ отъ короля почестей. Извѣстно только то, что уже предъ самою смертію выслана была

180) Podole, Wołyń, Ukraina. t. I, str. 183. Лѣт. опис. соб Сам. Величко т. II, стр. 336.

182) Upadek znaczniejszych królewstw Machrowicza. część II, rozdział IV, str. 151, Dział 11.

183) Dzieje Pol. Epoc. IV, 207—298.

ему булава,: польная, коронная, которая застала его въ предсмертныя минуты и только лишь сопровождала его до гроба.

Изъ сыновей Януша I, Димитрій II, каштелянъ краковскій, гетманъ Вел.-Княжества Литовскаго, преслѣдовалъ въ послѣдствіи татаръ подъ Кременцемъ, козаковъ подъ Жванцами и подъ Сочовой, гдѣ погибъ молодой Хмѣльницкій; участвовалъ также въ войнахъ московской, венгерской и турецкой, которыя перебылъ счастливо.

Константинъ III, воевода бѣльтскій, нераздѣльный товарищъ трудовъ и подвиговъ своего брата, не однократно поражалъ татаръ, весьма часто нападавшихъ на Вишневецъ. Но въ 1672 году турки, овладѣвъ Подолемъ, осадили Вишневецъ, по указанію жидовъ овладѣли замкомъ и коменданта Барановскаго съ многочисленною шляхтою вырѣзали всѣхъ до одного, а самое мѣстечко превратили въ прахъ и пепелъ. За тѣмъ, когда Собѣсскій поразилъ турокъ въ хотинской битвѣ, Вишневецкій опять возвратился на прежнее мѣсто и нашелъ его въ развалинахъ. Въ это время Константинъ Вишнивецкій III избранъ былъ коммиссаромъ для заключенія журавлинскаго трактата.

На сыновьяхъ Константина III Янушѣ II и Михаилѣ I домъ Вишнивецкихъ князей имѣлъ уже совершенно погаснуть. Князья сіи вышли на сцену политическую 1700 г., когда могущественный домъ Сапѣговъ поднялъ противъ себя всю литовскую шляхту.

Казиміръ Сапѣга былъ воевода и великій гетманъ Литовскаго Княжества, Венедиктъ, братъ его подказначей литовскій, а Михаилъ, сынъ гетмана конюшимъ великаго княжества литовскаго. Но когда Августъ II сдѣлался королемъ, литовская шляхта, вооруженная противъ Сапѣговъ виленскимъ бискупомъ, за разграбленіе принадлежащихъ костеламъ имѣній, съѣхалась для совѣщанія, на которомъ общимъ голосомъ положили: выслать въ Варшаву Огинскаго и Поцея съ жалобою на Сапѣговъ предъ королемъ на злоупотребленія гетманской власти. Но едва только означенные послы отправились въ дорогу, какъ Сапѣги послали за ними погоню и Поцей едва спасъ жизнь свою, а Огинскій смертельно раненъ. Раздраженная шляхта завязала конфедерацію подъ предводительствомъ Котла, каштеляна ви-

тебскаго, и донесла королю о злоупотребленіяхъ гетмана. Вслѣдствіе чего король Августъ II выслалъ фельдмаршала Флеминга съ нѣсколькими тысячами человѣкъ войска для усмиренія возмутившихся Сапѣговъ и отнятія гетманской власти. Войска поспѣшили въ Гродно и начали дѣйствія свои отъ имени короля. Сапѣги должны были сдаться на капитуляцію. Но вскорѣ начали собирать своихъ жолнеровъ и сдѣлали ополченіе; война возгорѣлась. Съ одной стороны выступили Сапѣги съ многочисленною толпою жолнеровъ, съ другой толпа шляхтичей, въ числѣ которыхъ присутствовали и Вишнивецкіе князья Янушъ и Михаилъ. Во время этого междоусобія Вишнивецкіе едва не лишились жизни, и возвратились изъ военныхъ дѣйствій подстрѣленные, а особенно тяжело раненъ кн. Михаилъ Вишнивецкій.

Послѣ этой стычки Михаилъ Вишнивецкій избранъ былъ командующимъ войсками для окончательныхъ дѣйствій надъ Сапѣгами. Впрочемъ, посовѣтовавшись, шляхта и король, для избѣжанія кровопролитія, предложили Сапѣгамъ покориться: но послѣдніе и слушать не хотѣли о покорности и расположились обозомъ на поляхъ Лербунскихъ. Шляхта собралась также около Олкинина. Тогда каждый велъ братьевъ своихъ на поле битви и вдругъ началось кровопролитное олкинское сраженіе, на которомъ, со стороны шляхты, вторично, отличились Вишнивецкіе князья. Впрочемъ битва эта, какъ она ни были упорна, не повела ни къ какимъ рѣшительнымъ послѣдствіямъ, тѣмъ болѣе, что ее захватили сумерки. Ночью вся шляхта собралась около Вишнивецкаго въ Олкиникъ. Посовѣтовавшись, на другой день опять вступили въ битву съ Сапѣгами; послѣдніе принуждены были сдаться на капитуляцію. Такъ окончилась война шляхтичей съ Сапѣгами, и послѣдніе, изъ мести къ королю Августу II, пристали къ шведамъ.

Князь Михаилъ Вишнивецкій принадлежалъ тогда до партіи сасовъ и сперва получилъ польную, а затѣмъ и великую булаву, литовскую. Получивши послѣдній титулъ, новый гетманъ дѣйствовалъ съ генералами короля Карла XII съ перемѣннымъ счастіемъ. Вѣрный, однакожъ, Августу, онъ не отступалъ отъ него до тѣхъ поръ, пока Августъ былъ королемъ; когда же послѣ Августа вступилъ на престолъ Станиславъ Ле-

пинскій, Михаилъ Вишнивецкій присталъ съ войсками своими къ новому королю, какъ нѣкогда съ шведами, такъ теперь сражался Вишневецкій съ Петромъ Великимъ: но съ паденіемъ Карла XII, пало и счастіе Михаила князя Вишнивецкаго. Послѣ двухъ мѣсяцовъ битвы подъ Полтавою, онъ взятъ былъ въ плѣнъ и просидѣлъ мѣсяцъ въ Глуховѣ. За тѣмъ, когда получилъ свободу, онъ отправился къ королю шведовъ, въ Бендеры, но узнавъ, что турки заключили трактатъ съ королемъ, поѣхалъ къ нему въ Великую Польшу; окончательный миръ заключенъ въ Прагѣ. Тогда князь Вишневецкій возвратился въ отечество, и Августъ II, на сеймѣ 1720 г., далъ ему печать велико-литовскую, а впослѣдствіи и виленское воеводство.

Князь Янушъ II, Вишнивецкій, который послѣ олкинской битвы остался виленскимъ каштеляномъ, по смерти гетмана Сенявскаго, поступилъ на каштелянство краковское. Съ тѣхъ поръ Михаилъ оставилъ военныя дѣйствія и вмѣстѣ съ женою своею Екатериною, княжною Дубовской, жилъ поперемѣнно въ Королинѣ подъ Пинскомъ,—то въ Вишневцѣ, и выдавши въ короткое время своихъ дочерей Анну за Огинскаго, старосту герждавскаго, а Елисавету за Замойскаго, короннаго ловчаго, Вишнивецкій, желая хоть въ старости отдохнуть отъ бурь жизни построилъ въ Вишневцѣ дворецъ на прежнемъ мѣстѣ замковомъ и развелъ вокругъ него прекрасный садъ. Дворецъ этотъ выстроенъ съ особеннымъ искусствомъ и украшенъ серебромъ и золотомъ. Въ немъ устроенъ театръ, весьма дорогая мебель, украшенъ богатыми картинами, серебрянными вазами и другими безчисленными драгоцѣнностями. И неудивительно: имѣнія Вишневецкаго были огромны. Михаилъ Сервацій (такъ звали послѣдняго князя Михаила Вишневецкаго) владѣлъ девятью мѣстечками и сто пятьдестятью селами. Кромѣ того, у него было еще много имѣній въ Литвѣ и на Украинѣ, полученныхъ по наслѣдству отъ княжны Дульской *). Не смотря на все

(*) Выпишемъ самый реэстръ имѣній Вишневецкаго князя Михаила, взятый нами изъ рукописи, хранящейся нынѣ въ м. Черноостровѣ Подольской губерніи.

I) Волынскія имѣнія:

1. Старый Вишнивецъ и селъ 16.

Кваговна, Окнина великая, Окнина малая, Горника, Куш-

это, смерть начала посѣщать вишневецкій дворецъ и истребила весь родъ Вишневецкихъ князей Корибутовъ до основанія. Въ

линъ, Подгайчикъ, Янковцы, Кадыевка, Вербка, Манекъ, Котюжинцы, Кривчикъ и Раковица.

2. Новый Вишнивецъ и селъ 23:
Ложи, Бодаки, Кохановка, Гнидава, Вербовецъ, Чепелевка, Лопушка, Пахина, Конячевка, Голюбисы Мартышковицы, Бѣлая Битечка, Раковецъ, Раковецъ другой, Мышковцы, Ноилина, Кунаковцы, Бутынъ, Мляновцы, Бакота, Дзвиняче и Залѣся.

3. Черно-Островъ и селъ 6:
Грузевица, Мартиновка, Войтовцы, Педосы, Захаровцы и Осташки.

4. Чеховцы и селъ 30:
Соболевка, Гнилица, Мялова, Космоки малыс, Высшая Гнилица, Голотки, Кошлаки большіе, Москалевка, Ванджуловъ, Бѣлозарка высшая, малая Бѣлозарка, Янковцы, Шыбенна, Щастновка, Пальчинцы, Почапинцы, Иванковцы, Гавратинъ, Гальчинцы, Медашевка, Колесицъ, Габріиловка, Свинна, Собковцы, Юхимовцы, Смаиловка, Левковцы, Купелс, Голадки возлѣ Купеля, Чернява.

5. Данитовщина и селъ 12:
Шнуровка, Передимірка, Борсуковды, Нападовна, Гнилородка, Бадка, Загладцы, Кутковцы великіе, Сынявка, Жуковцы, Андріевка, Боризивка.

6. Коморно и селъ 22:
Хлопы, Германы, Бучокъ, Татариновъ, Андріяновъ, Ловчинцы дальные, Ловчинцы церковные, Свингоша, Чуловецъ, Порича, Колодручи, Березовка, Подвисоке, Новоселка, Сасжи, Римна, Поверховъ и Литавка.

7. Новодольскъ и селъ 18:
Любичевъ, Урунпчь, Берчницъ, Червище, Ляховцы, Пневка, Вулка, Любишевка, Желѣзнища, Деревекъ, Горка, Быховъ Одрыжинъ, Вулка одрижинская, Любечь старый, Дольскъ Шлепань, Хоценсъ и Баландыче.

8. Королинь и селъ 4:
Пѣсочна, Ѳедоры, Косьлавича и Пеньковцы.

9. Дембровица.
10. Столинъ.
11. Хомскъ.
12. Ополье.
13. Телеханы.
14. Мендзырензь.
15. Волковишки.
16. Брагинь.

Эти ключи безъ показанія селъ къ нимъ принадлежащихъ.

этомъ дворцѣ сперва умерла первая жена Михаила, оставивши ему двухъ замужнихъ дочерей. Михаилъ женился на другой, а затѣмъ на третьей; но другая жена его, Магдалина Чарторыйская, хорунжанка литовская, и сынъ, прижитый съ нею, умерли на второмъ году; умерла за тѣмъ и третья супруга Михаила Ѳекла Радзивиллова, вдова по фельдьмаршалѣ Флемингѣ, а вслѣдъ за него вымерло и все потомство ея. Умеръ вслѣдъ

II) Литовскія имѣнія:

17. Дзиньва и селъ 7:
Радзивинишки, Войшнаровъ, Олзевъ, Польчевъ, Папенія, Ворошкловъ и Инзолня.
18. Великій Можайковъ и селъ 5:
Дзикушка, Лебедка, Макиришка, Шуменимшки и Гайковщина.

III) Украинскія имѣнія:

19. Володарка и селъ 8:
Березна, Косовка, Рудешло, Гайворонка, Петрашовка, Сквирка, Салеровка и Токаровка.
20. Гдашевъ и селъ 8:
Юрковцы, Дзѣринцы, Билизь, Крубштовка, Бундары, Цитковцы, Лоевцы и Носовцы.
21. Боризовка и селъ 12:
Кріинцы, Бабенка, Камна, Варисовна, Голохвасты, Свѣрна, Шахновка, Ставичка, Лавенки, Шорнилинцы, Капустинцы и Мормолевка.
22. Торчица. } безъ поименованія селъ.
23. Дзѣньковъ. }
24. Антоновъ и селъ 13:
Теремки, Билевка, Семеновка, Рудеченки, Лавришки, Лучники, Воробіевка, Начачовка, Щербиновка, Дунаевка, Шаблевка Чемижовка и Токаровка.
25. Монастырище и } безъ счета селъ.
26. Тоханьча. }

См. настоящій реэстръ еще въ книгѣ Podole Wolyń, Ukraina t. I, str. 57—61.—Przeździeckiego, drukowany z tegoż rękopisma Czarno-Ostrowskiego.

184) Podole, Wolyń, Ukraina t. I, str. 46—62. Olkinicka potyczka, poema w dawniem rękopiśmie. Mss. Biblioteki Oliczanowskiej w Korostaszowie, na Polesiu. Podobnież wyloczenie powiatów z ich naczelnikami z najduciesię w opisaniu Olkinskiej potyczki w rękopiśnie podczas życia, z Mss. Biblioteki Czarnoostrowskiej—na Podolu.—Opisanie rzeczy w Palacu Wiszniewieckiem. M....

за тѣмъ и князь Янушъ Вишневецкій, оставивъ одну только дочь за князёмъ Михаиломъ Казиміромъ Радзивилломъ, воеводою троцкимъ, гетманомъ польнымъ коронннымъ. По семъ умерли изъ литовскихъ князей Огинскіе и Замойскіе. Наконецъ остался на все имѣніе вишнивецкое одинъ 64 лѣтній старецъ Михаилъ: но и онъ не долго влачилъ жизнь свою одиночкой: пришелъ роковой часъ и старикъ скончался въ 1744 году, и похороненъ вмѣстѣ съ гербомъ своимъ въ кармелитскомъ вишнивецкомъ костелѣ. На семъ князѣ окончилась послѣдняя линія Вишневецкихъ князей Корибутовъ отъ Ивана, старосты шисскаго.

По смерти Михаила (Сервація) Вишневецкаго имѣнія его достались сперва Огинскимъ и Замойскимъ, кажется, въ третьемъ родѣ. За тѣмъ первая половина досталась Плятеру, Пржездзѣцкимъ, Бростовскимъ и Віельгорскимъ; а другая часть, съ самымъ Вишнивцемъ, вошла въ домъ Мнишковъ съ единственною дочерью Елесаветой, отъ Вишнивецкой Замойской 184). На послѣдокъ 1857 года и самый Вишнивецкъ совсѣмъ имѣніемъ перешелъ въ руки графовъ Плятеровъ, фамилія которыхъ владѣетъ имъ и по настоящее время 185).

Опишемъ теперь самые памятники мѣстечка Вишневца, которые послужили поводомъ настоящего нашею описанія, и которые, между прочимъ, своими особенностями открываютъ дальнѣйшую исторію м. Вишневца и, вмѣстѣ съ тѣмъ, разъясняютъ нѣкоторыя черты всего вышесказаннаго.

При въѣздѣ въ м. Вишневецъ изъ Подоля, въ новомъ Вишневцѣ, за плотиною, соединяющею съ новымъ старый Вишневецъ, на полугорѣ, возвышается каменная, небольшая церковь. Она стоитъ внѣ замковыхъ укрѣпленій, пониже замковыхъ стѣнъ и безъ всякой ограды. Это церковь, устроенная во имя Вознесенія Господня, о коей мы упомянули въ началѣ нашей статьи. Въ древности церковь эта была замковою церковію князей Вишневецкихъ-Корибутовъ, когда они находились еще въ православіи и не отступали отъ вѣры и обычаевъ своихъ предковъ. Подъ сего церковію находится каменный склепъ, а въ немъ,

---

185) Вѣст. Зап. Рос. 1865—66 г. кн. IV, т. II, стр. 89.

между прочими, помѣщается прахъ Михаила III, Вишневецкаго князя, сына Михаила II, который (Михаилъ III) былъ старостою овруцкимъ и имѣлъ за собою дочь валахскаго господаря.

Михаилъ III, воевавшій и жившій большею частію въ Молдавіи, окончилъ тамъ и жизнь свою, но перевезенъ въ Вишневецъ къ роднымъ могиламъ и похороненъ въ домовомъ склепѣ, вмѣстѣ съ женою своего; въ этотъ гробъ положены (говоритъ преданіе) значительныя драгоцѣнности 186).

Вознесенская церковь построена, какъ можно полагать, въ концѣ 14-го или въ началѣ 15-го столѣтія, дѣдомъ Димитрія и Михаила, или же, быть можетъ, и самимъ отцемъ его. Она состоитъ изъ трехъ частей: олтарной, средней и трапезной. Первыя двѣ части покрыты сводами, а послѣдняя простымъ потолкомъ и, какъ можно полагать, пристроена впослѣдствіи, когда эта церковь выдѣлена изъ замковыхъ стѣнъ и сдѣлалась приходскою, для разширенія ея; стѣны, какъ и во всѣхъ древнихъ постройкахъ очень толсты. На церкви этой три купола, изъ нихъ передній отличается отъ прочихъ своею формою и служитъ колокольнею, на которую взбираются, изъ трапезной части, по плохой деревяной лѣстницѣ. Купола эти деревяные, безобразны и, подобно крышѣ, покрыты гонтомъ, который сгнилъ отъ времени, а мѣстами совсѣмъ сорванъ бурями; въ потолкѣ трапезной части подѣлались большія щели, отъ чего замѣтна въ церкви значительная течь. Въ сей-то церкви (какъ утверждаетъ и преданіе), очевидно, совершено было торжественное обрученіе Гришки Отрепьева съ Мариною Мнишекъ: ибо памятники не показываютъ, чтобы въ это время былъ замковый костелъ.

Вознесенская церковь, кромѣ древности своей, замѣчательна еще слѣдующими предметами: серебрянымъ складнемъ съ чудотворнаго иконой, крестомъ и богатымъ іерейскимъ облаченіемъ.

Складень этотъ выкованъ изъ серебра; онъ просто и походитъ на ящикъ съ двустворчатой крышкой, для храненія въ немъ иконы. На наружной сторонѣ этого ящика, на правой

186) Podole, Wołyń, Ukraina t. I, str. 40. См. на этой стран. сноску.

половинѣ дверцы, находится на польскомъ языкѣ слѣдующая надпись: Ten obraz roku 1704 przy Regimĕnciu Moskiewskim w wielkim zostaiący się poszanowaniu, wzięty od Szwedow w bataliy pod Krzyżbozkiem 5 augusta, odebrany tegoz roku od Xięcia Serwacego Korybuta Wiszniewieckiego hetmana Litewskiego w wygranych od niego Batalij pod Skydomir 1 Nowembris, oddany przez tegoż xięcia do cerkwi Wiszniewickiej roku 1727.“ Когда раскрыть крышку ящика, то на обѣихъ половинкахъ ея, т. е. на внутреннихъ стѣнкахъ дверецъ, открываются изображенія иконъ, вытѣсненныхъ на серебрѣ золотомъ плоско, на манеръ нашихъ работъ подъ чернью. Надъ иконами этими находятся надписи, вырѣзанныя крупнымъ уставнымъ славянскимъ шрифтомъ, безъ обычныхъ, впрочемъ, въ славянскомъ языкѣ сокращеній словъ. Эти надписи объясняютъ самыя изображенія иконъ. На каждой половинѣ по три иконы: въ верхней части одна большая, а въ нижней двѣ малыхъ. На лѣвой половинѣ изображены сверху Благовѣщеніе Пресвятыя Богородицы, а надъ нимъ Алексѣй человѣкъ Божій, и, правѣе его св. Сергій Радонежскій; на правой же половинѣ сверху икона нерукотвореннаго образа Іисуса Христа, а подъ него св. Великомученица Екатерина. Въ ящикѣ хранятся икона знаменія пресвятой Богородицы, писанная на деревянной доскѣ; на ней золотая риза, богато украшенная финифтью и драгоцѣнными камнями, въ числѣ которыхъ два довольно большіе куска рубина, обдѣланные слезками, въ видѣ привѣсокъ; качества остальныхъ камней опредѣлить невозможно частію потому, что они худо и неправильно обдѣланы и вставлены, частію потому, что на нихъ отъ времени наросъ толстый слой пыли. Къ нижней части ризы на младенцѣ Іисусѣ привѣшенъ довольно большой финифтевый крестъ съ заостренными концами, на толстой шелковой тесьмѣ, цвѣта которой, по ветхости ея, опредѣлить также невозможно.

По смыслу надписи утверждаютъ, что икона эта отнята у шведовъ въ сраженіи подъ Крейцбургомъ княземъ Вишневецкимъ Михаиломъ Корибутомъ, гетманомъ литовскимъ въ 1704 г., и пожертвована имъ въ церковь Вознесенія Господня, въ память побѣды, одержанной имъ надъ Скидомиромъ въ 1727 году. Что же касается выраженія надписи, говорящей, что икона эта пользовалась большимъ уваженіемъ въ „Regimencie Moskiewskim,“

то нельзя предполагать, чтобы здѣсь подразумѣвался полкъ Шведской и Польской службы, носившій названіе Московскаго; ибо обычай называть полки по городамъ и другимъ урочищамъ существовалъ, а частію и теперь еще существуетъ, во многихъ европейскихъ государствахъ; но только эти названія полкамъ всегда давались и даются по городамъ и урочищамъ своей отечественной страны. А потому очевидно, что здѣсь подъ выраженіемъ „Regimencie Moskiewskiem" разумѣется войско московское и именно роты новгородская и псковская, которыя, по самому положенію своему, находясь ближе къ шведамъ, однѣ только и могли лишиться въ столкновеніи съ ними войсковой святыни, подобно тому какъ и сами шведы лишились ее потомъ, въ столкновеніи своемъ съ поляками подъ Крейцбургомъ.

Другая замѣчательная древность Вонесенской церкви большой серебрянный крестъ, чеканной работы, вызолоченный. Онъ древней русской шести конечной работы; снаружи украшенъ камнями, которыхъ, по случаю покрывающаго ихъ толстаго слоя пыли, опредѣлить трудно. Внутри онъ пустъ и только въ нижнемъ концѣ уцѣлѣлъ небольшой кусокъ дерева около отверстія для винта. Верхняя часть сего креста надломлена.

Когда и кѣмъ этотъ крестъ устроенъ и пожертвованъ въ церковь Вознесенія неизвѣстно.

Третья замѣчательность Вознесенской церкви богатое іерейское облаченіе. Оно все вышито шелкомъ и золотомъ, изображаетъ херувимовъ и угодниковъ Божіихъ. Какъ попало сюда это облаченіе и гдѣ шито тоже неизвѣстно. Впрочемъ, соображаясь съ временемъ и обстоятельствами м. Вишнивца, а также и съ обстоятельствами Вознесенской церкви, бывшей замковою, мы полагаемъ, что послѣднія двѣ принадлежности церкви Вознесенской (и быть можетъ и самая икона) перенесены сюда изъ Москвы во времена I самозванца, когда сей послѣдній достигъ престола, и присланы вмѣстѣ съ дарами къ невѣстѣ предъ обрученіемъ. Кажется этими дарами Гришка думалъ увѣковѣчить день своего обрученія, а равно отослалъ эти святыни въ Вознесенскую церковь для большаго великолѣпія при обрученіи.

Повыше Вознесенской церкви выдвигаются башни древняго кармелитскаго монастыря, бывшаго когда то замковымъ косте-

ломъ. Это нынѣшняя православная св. Михайловская церковь Она лежитъ ближе къ центру мѣстечка и на болѣе видномъ мѣстѣ. Церковь эта гораздо обширнѣе и вмѣстительнѣе первой и до поврежденія своего пожаромъ служила приходскою церковію, при которой Вознесенская церковь была приписною

Основаніе кармелитанскаго монастыря, нынѣ св. Михайловской церкви, принадлежитъ ко временамъ Михаила (Сервація) Вишневецкаго, который въ таже время надѣлилъ этотъ монастырь богатыми помѣстьями, къ числу коихъ принадлежали селенія: Великій и Малый Раковецъ, Лопущна, Паханы и Мышковцы.

Въ 1832 г. монастырь этотъ, за участіе монаховъ въ мятежѣ, упраздненъ и переданъ въ православное духовное вѣдомство, а въ 1835 году костелъ посвященъ въ православную церковь во имя св. Архистратига Михаила.

Въ 1863 году церковь эта повреждена пажаромъ; кровли уничтожены, стекла выбиты, своды и верхнія части башень полуразрушены, полы изломаны. Въ одномъ мѣстѣ своды пробиты на сквозь упавшимъ сверху колоколомъ *).

Бывшія монастырскія зданія находятся также въ полуразрушенномъ состояніи и только въ одномъ, нѣсколько болѣе уцѣлѣвшемъ, флигелѣ помѣщается мѣстный приходскій священникъ.

Въ склепѣ подъ сею церквію почіютъ останки князя Михаила Вишневецкаго, послѣдняго потомка доблестнаго князя Іереміи, ревностнаго защитника русской народности и православной церкви въ Червоной Руси, и почіютъ вмѣстѣ съ костями латинскихъ монаховъ кармелитанскаго ордена (не слѣдовало бы!...)

Въ св. Михайловской церкви также находится древняя икона Божіей Матери. На иконѣ сей находится серебряная вызолоченная риза, въ нижней части которой, между складками

(*) Жители м. Вишнивца разсказываютъ путешественникамъ почаевскимъ, что когда погорѣла св. Михайловская церковь, то изъ верхняго свода ея упали четыре булавы осыпанныя драгоцѣнными камнями, покрытыя золотомъ, и имѣющія на себѣ какія то надписи. Но не имѣя о томъ письменныхъ свѣдѣній, мы не можемъ о томъ сказать ничего болѣе.

оставлено гладкое мѣсто для надписи, находящейся здѣсь на польскомъ языкѣ, слѣдующаго содержанія: „Ten obraz cudowny dany iest do kosciola naszego Wiszniowieckiego karmelitów Bossych R. P. 1718 dnia z Awgusta od i. o. Michała Koributa X. Wiszniowieckiego, fundatora naszego który iest maliowany w mieście Kostromie nad Wołgą rzeką,. a wyprowadzony z Moskwy do Polsky cudownie przez Konstantego Wiszniowieckiego K. P. 1608 dnia z. Januarii.“

Риза, на которой помѣщается эта надпись, судя по ея отдѣлкѣ, кажется, принадлежитъ къ временамъ Петра Великаго. Она далеко не можетъ сравниться съ древностію самой иконы. Полагаютъ, что эта икона досталась кармелитамъ безъ оклада, и что окладъ сдѣланъ ими уже въ концѣ прошлаго столѣтія и въ началѣ нынѣшняго. Риза эта, впрочемъ, не отличается ни богатствомъ, ни изяществомъ отдѣлки; во всѣхъ отверстіяхъ здѣланныхъ для ликовъ и ручекъ вставлены стекла, вѣроятно для предохраненія иконы отъ дальнѣйшей порчи.

Икона эта вмѣстѣ съ ризой утверждена въ деревянной рамкѣ-аляповатой работы, покрытой черною краской и украшена нѣсколькими серебряными накладками въ видѣ арабесковъ; впрочемъ украшенія эти работы также неизящной. Самая рамка также далеко моложе иконы, но кажется древнѣе ризы. Икона сія называется чудотворною и, какъ полагаютъ, была украшена прежде драгоцѣнною ризой; но поляки, овладѣвъ ею, оборвали серебро, золото и драгоцѣнные камни и отдали икону монахамъ въ оборванномъ видѣ (*).

Судя по надписи эта икона писана въ Костромѣ, на р. Волгѣ и вывезена изъ Москвы Константиномъ Вишневецкимъ въ 1608 году и пожертвована кармелитанскому монастырю сыномъ его Михаиломъ въ 1718 году. 188)

Наконецъ, за Михайловскою церквію рѣзко выдается самый дворецъ, Вишневецкихъ князей Корибутовъ, окруженный желѣзными пушками, вбитыми въ землю, изъ которыхъ многія уже приняты съ своего мѣста, а цѣпь, прежде соединявшая ихъ, уничтожена. Дворецъ этотъ (какъ мы упомянули выше) устроенъ послѣднимъ княземъ Михаиломъ (Серваціемъ) Виш-

(*) Вѣст. Югозап. Россіи 1855—56 г. кн. III, отд. IV, т. I.
188) Вѣстникъ. Зап. Россіи 1865—66 кн. III, т. I, отд. IV, стр. 308—325.

невецкимъ, послѣ того какъ онъ выдалъ въ замужество дочерей своихъ. Онъ въ стилѣ 18-го вѣка, и устроенъ въ видѣ подковы изъ тесанаго камня. Дворецъ сей высится на вершинѣ самой горы, на западъ отъ Вознесенской церкви и свято Михайловской,—построенъ въ два этажа съ выпуклой крышей и покрытъ свинцомъ.

Въ главной передней этого дворца находится надпись на мраморной доскѣ, которая открываетъ дальнѣйшую исторію Вишневца; эта надпись слѣдующаго содержанія: „Tu zjechali się w 1781 roku Stanisław August, Król Polski, z Pawłem pod ówczas Wielkim Xięciem Rossyjskiem, który z żoną cudze kraie odwiedzał. Tu po dwa króć zaieżdżał ieszcze Król Polski w 1787 r.—raz jadąc do Koniowa dla widzienia się z Katarzyną II i Cesarzem Józefem; i potem wracając do Warszawy.“

Согласно этой надписи лѣтописи также свидѣтельствуютъ о бытности польскаго короля и великаго князя россійскаго Павла Петровича, и говорятъ, между прочимъ, что во время встрѣчи Павла Петровича въ Вишневцѣ съ польскимъ королемъ,—еврейскій кагалъ подарилъ въ это время королю огромнаго быка для принятія великаго князя Павла, при пышной рѣчи раввина на латинскомъ языкѣ 190).

Стѣны этой передней обложены полированными мраморными досками съ синими жилками на бѣломъ фонѣ; здѣсь же помѣщаются и всходныя ступени. По обѣимъ сторонамъ передней висятъ большія картины, изображающія свадьбу и коронацію въ Москвѣ самозванца съ Мариною Мнишекъ, а также тріумфъ предковъ Мнишковаго дома во время Карла Великаго и Оттона III. По правой сторонѣ идетъ цѣпь малыхъ комнатъ, а съ лѣвой стороны находится огромная зала, разукрашенная гербами, выбитыми золотомъ и такими же карнизами, съ дорогими картинами знаменитыхъ художниковъ, въ раззолоченныхъ рамахъ и съ дорогими зеркалами. Въ залѣ этой находятся также бюсты и портреты польскихъ знаменитыхъ людей. Далѣе слѣдуетъ цѣпь комнатъ гостинныхъ. На верхнемъ этажѣ, съ правой стороны отъ всходовъ, высокая зала, служащая вмѣсто прихожей. Она также выложена мраморными

190) Вѣст. Югозап. Рос. 1863 г. кн. IV, отд. II, (въ статьѣ Инов. Волын. губерніи).

плитами; въ ней, между прочимъ, находятся изображенія трехъ польскихъ королей въ натуральную величину. За этою залою слѣдуетъ зала Корибутовъ, въ коей помѣщаются портреты всѣхъ Вишневецкихъ князей; далѣе слѣдуютъ опять нѣсколько залъ, обитыхъ дорогими тканями; затѣмъ спальня, въ коей находится, между прочимъ, кровать великаго князя Павла Петровича, выбитая атласомъ. По лѣвой сторонѣ комнаты князей Любомірскихъ, съ ихъ портретами; за ними библіотека, молельня, наконецъ, комната, въ которой жилъ Станиславъ Августъ. Здѣсь посѣщалъ его съ утра великій князь Павелъ и, не заставши короля дома, оставилъ вмѣсто визитнаго билета надпись, вырѣзанную брильянтомъ на зеркалѣ: „Le Comte du Nord."

Въ правомъ фасѣ верхняго этажа находится театръ; а внизу, равно какъ и въ цѣломъ лѣвомъ фасѣ, гостинные покои. Во всѣхъ этихъ помѣщеніяхъ разсыпано безчисленное множество портретовъ фамильныхъ и другихъ произведеній живописи, ваянія и пр. Вишневецкій дворецъ помѣщаетъ въ себѣ около полтораста знаменитыхъ картинъ, между коими находятся произведенія художниковъ итальянскихъ, голландскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ живописцевъ.

Библіотека вишневецкая слагалась когдато изъ 15,000 томовъ, кромѣ различныхъ рѣдкостей, каковы, напр., произведенія Папроцкаго, Хроника цѣлаго свѣта—Бѣльскаго, Статутъ, Лясскаго, на пергаментѣ, и проч. Также множество рукописей, оригинальныхъ писемъ монарховъ и знаменитыхъ людей,—множество матеріаловъ, относящихся къ исторіи великаго маршалка короннаго Михаила Юрія Мнишки 191) и др.; изъ этихъ манускриптовъ въ настоящее время не осталось и половины.

Весь Вишневецъ окруженъ лѣсами, какъ говоритъ преданіе, засѣянными послѣднимъ Вишневецкимъ княземъ 192).

Такое воспоминаніе возбуждаютъ вишневецкіе памятники, сохранившіеся до настоящихъ временъ. Они выдвигаютъ въ исторію жизни всѣхъ вишневецкихъ князей и изображаютъ въ себѣ цѣлыхъ четыре вѣка слишкомъ (1341—1344).

---

191) Мнишекъ М. В. К. родился отъ Замойской, внукъ послѣдняго кн. Вишневецкаго имѣлъ за собою Замойщанку — отъ Понятовскихъ.

192) Podole, Wołyń, Ukraina t. I, str. 62—65.

Теперь въ Вишневцѣ около 5000 жителей. Его, по всей справедливости, можно отнести въ настоящее время къ категоріи мѣстечекъ средняго разряда. Богатое по своимъ воспоминаніямъ, оно теперь отражаетъ смутную тѣнь прошедшаго. Древніе рыцари не поднимаются изъ гробовъ для возобновленія развалинъ и умноженія ратей между народомъ; соотечественники измѣнниковъ православія—поляки,—отступили отъ этой мѣстности и, не имѣя здѣсь болѣе защиты въ покровителяхъ мнимой *отчизны*, — не имѣя гдѣ болѣе составлять ковы противъ Москвы, заключились теперь въ Царствѣ Польскомъ, какъ пчелы въ ульѣ, ожидая часъ отчасу папскаго паденія и послѣдняго конца своей жизни.

Священникъ Ананія Длугопольскій.

ВѢРОТЕРПИМОСТЬ ПАПЪ.

(Историческій очеркъ).

*(Продолженіе *).*

2) ИСТРЕБЛЕНІЕ ПРОТЕСТАНСТВА ВО ФРАНЦІИ.

И въ Франціи протестанство также широко распространи лось, какъ и въ Германіи, не смотря на то, что король Фра цискъ I и его сынъ Генрихъ II были необыкновенно стр ги относительно исповѣдниковъ новаго ученія и нерѣд въ Парижѣ и частію въ Тулузѣ воздвигали на нихъ костр Однако спокойствіе и радость, съ какою умирали приговоре ные къ смерти, умножали число исповѣдниковъ протестанств Къ тому же распространитель новаго ученія Иванъ Кальви нашелъ себѣ могущественную покровительницу и защитни въ образованной королевѣ наварской Маргаритѣ, сестрѣ Фра циска I. Покровительство это произвело то, что новое учен съ удивительною быстротою распространилось во всѣхъ сосл віяхъ народа, лучшіе люди, ученѣйшіе, самая, что называетс интеллигенція, а равно и нѣсколько особъ королевскаго до сдѣлались тайными послѣдователями этой новой религіи. О

---

*) См. Кн. 7 Вѣст. Зап. Россіи.

крыто, впрочемъ, они рѣдко осмѣливались исповѣдывать эту религію, потому что такихъ исповѣдниковъ заключали въ тюрму и казнили. Но совсѣмъ другая эпоха должна была настать для кальвинистовъ, или реформатовъ, когда, по смерти Генриха II въ 1559 г., на французскій престолъ вступилъ Францискъ II.

Новый король, 17 лѣтній, духомъ и тѣломъ слабый юноша, былъ неспособенъ самъ держать бразды правленія, и потому для Франціи необходимо было регенство. Но кому же быть регентомъ: *Катеринѣ* ли *Медичи*, какъ матери короля, *герцогамъ бурбонскимъ*, какъ ближайшимъ родственникамъ королевскаго дома, или *принцамъ Гизамъ*, какъ почетнѣйшимъ сановникамъ государства? „*Гизы*" происходили изъ древняго дома герцоговъ Лотарингскихъ, потому что въ правленіе короля Франциска I, второй братъ Лотарингскаго герцога, *Клавдій*, при своемъ бракосочетаніи, получилъ графство Гизъ въ Пикардіи и скоро возведенъ былъ королемъ въ достоинство герцога. Въ 1559 г. главою фамиліи былъ герцогъ *Францискъ Гизъ*, старшій сынъ Клавдія, человѣкъ необыкновенно храбрый, умный и чрезмѣрно честолюбивый; его окружали пять братьевъ, между которыми самый славный былъ кардиналъ *Карлъ Лотаринскій*. Всѣ они при покойномъ королѣ заняли высшія мѣста, пользуясь его благоволеніемъ, большую часть государственныхъ должностей замѣстили своими друзьями; всего же болѣе они старались свою власть упрочить тѣмъ, что выступали ревностными защитниками католичества и рѣшительными противниками новой религіи. „*Бурбоны*" происходили отъ *Роберта*, втораго сына Людовика IX, такъ какъ этотъ, чрезъ бракъ получилъ графство Бурбонъ, которое тотчасъ переименовано было въ герцогство. Они всѣхъ ближе стояли къ трону, и если бы Францискъ II съ тремя своими братьями умерли, не оставивъ мужескаго потомства, то право на престолъ перешло бы къ главѣ Бурбонской фамиліи, *Антону Бурбону*, герцогу вандомскому и (чрезъ женитьбу на Іоаннѣ Албертъ) титулярному королю наварскому, которому принадлежалъ также и Беарнъ. Впрочемъ и Антонъ Бурбонъ, король наварскій, былъ не одинъ, у него было два родныхъ брата, кардиналъ *Карлъ Бурбонъ*, человѣкъ добродушный, но не весьма даровитый, и принцъ *Людовикъ Бурбонъ Конде*, отважный и храбрый герой, и еще нѣ-

сколько двоюродныхъ, наприм. герцоги *Монморанси* и *Монпансье*, съ братомъ своимъ принцемъ *Ла-Домъ сюръ іюйнъ*, Катерина Медичи, вдова покойнаго короля, была, какъ видно по самому имени, отраслью герцоговъ Флоренціи, и отличалась многими свойствами, во первыхъ, своею, болѣе чѣмъ обыкновенною красотою, далѣе необыкновеннымъ умомъ, наконецъ безграничною и неотступавшею и предъ беззаконіемъ, силою воли, съ какою она выполняла всѣ свои планы. Будучи близкою родственницею папы Пія IV, она естественно была привязана къ католичеству, но еще болѣе стремилась она къ власти и потому рѣшилась во чтобы-то ни стало присвоить себѣ регенство.

Но это возможно было только тогда, когда бы она соединилась съ которою либо изъ двухъ упомянутыхъ партій, и только въ этомъ случаѣ она достигла бы громаднаго могущества. Котораго же изъ конкуррентовъ избрать себѣ въ союзники: герцога Гиза, или герцога Бурбонскаго и Навареснаго? Для родственницы папы выборъ былъ нетруденъ, тѣмъ болѣе, что Гизы, одушевленные тѣми же стремленіями, предупредили ее на половинѣ дороги. Союзъ былъ заключенъ и власть раздѣлена была между герц. Францискомъ и Катериною Медичи съ ихъ общими приверженцами. Ближайшимъ слѣдствіемъ этого было то, что бурбонская партія была удалена отъ двора и лишена почти всякаго политическаго вліянія, потому что главу этой партіи, короля наваррскаго сослали въ его помѣстье Беарнъ, принца Конде отправили съ чрезвычайнымъ порученіемъ въ Мадритъ, а коннетабля, т. е. генералисимуса Франціи, Анну Монтморанси, въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, уволили на покой. Можно себѣ представить, что Бурбоны не могли равнодушно сносить такое постыдное обращеніе съ ними, напротивъ, они о томъ только и помышляли, какъ бы отнять власть у Гизовъ. Особенно неспокоенъ былъ горячій Конде: онъ тотчасъ устроилъ, въ своемъ замкѣ Лафертѣ, на границѣ Шампани, тайное свиданіе съ своими болѣе искренними друзьями, чтобы посовѣтоваться, какъ дѣйствовать. Къ числу этихъ друзей принадлежалъ и адмиралъ Франціи *Каспаръ Колиньи*, изъ дома Шатильонъ, человѣкъ высокоуважаемый за свою храбрость, рѣшительность и воинскую опытность, также братъ его

Данделотъ—самый отважный и неустрашимый французъ, какихъ производила когда либо эта страна, и оба они съ совершеннымъ безстрашіемъ исповѣдывали кальвинскую вѣру. Вслѣдствіе этого послѣдняго, когда большая часть собравшихся на свиданіе готова была, повидимому, принять безразсудно смѣлый планъ—съ оружіемъ въ рукахъ прекратить деспотизмъ господствующей партіи, Колиньи, не надѣясь на успѣхъ,—такъ какъ враги были гораздо многочисленнѣе,—соглашался съ общимъ предположеніемъ только подъ условіемъ союза съ исповѣдниками новой вѣры, которые, хотя угнетаемы были и преслѣдуемы, однакожъ были многочисленны и распространены по всей Франціи, чтобы так. обр. не только расположить къ себѣ могущественную партію въ самой Франціи, но и обезпечить за собой, въ тоже время, помощь протестантовъ въ Германіи и Англіи. Такой планъ былъ встрѣченъ всеобщимъ одобреніемъ. Такимъ образомъ единогласно заключили низвергнуть Гизовъ съ помощію протестантовъ и поручили адмиралу, съ братомъ его Данделотомъ и Видамомъ Шартрскимъ, изъ дома Бурбоновъ вандейскихъ, привлечь на свою сторону представителей кальвинизма, обѣщая имъ довести дѣло до того, что кальвинизмъ будетъ пользоваться такими же правами во Франціи, какъ и католичество. *Такимъ-то образомъ союзъ Екатерины Медичи съ ультра-католическими Гизами вызвалъ противоположную партію, а именно Бурбоновъ съ доселѣ незначительными въ политическомъ отношеніи протестантами.*

Но этотъ союзъ въ самомъ началѣ привелъ протестантовъ въ крайне опасное положеніе. Случилось такъ, что одинъ протестантскій дворянинъ, по имени *Ла-Реноди*, человѣкъ смѣлый, будучи раздраженъ несправедливостями, которыя приходилось ему терпѣть за свою вѣру, въ надеждѣ на поддержку со стороны Бурбоновъ, соединился со многими другими недовольными, чтобы уничтожить правителей Гизовъ, находившихся тогда со всѣмъ дворомъ въ г. Блоа, и такимъ образомъ принудить Франциска поручить правленіе принцу Конде—защитнику кальвинизма. Планъ однако открылся, и Гизы перевели тогда короля изъ Блуа въ крѣпкій замокъ амбуазскій; окруживши замокъ окопами, они стянули туда всѣ войска, какія были у нихъ подъ рукой. Однако, когда Ла Реноди подошелъ съ своею

храброю толпою къ замку и грозилъ взять его штурмомъ, гер
цогъ рѣшилъ употребить хитрость и выслалъ къ предводител
недовольныхъ кальвинистовъ герцога Немура, обѣщаясь тот
часъ удовлетворить требованіямъ протестантовъ, если они бу
дутъ предложены честнымъ образомъ. Ларенодп повѣрилъ обѣ
щанію и послалъ 500 своихъ храбрыхъ товарищей въ качеств
посредниковъ въ Амбоазъ, но едва они вступили въ замокъ
были схвачены какъ мятежники и затѣмъ тотчасъ растрѣлян
Послѣ такою низкаго вѣроломства, Лареноди пошелъ на штурм
Гизы однако воспользовались временемъ, которое шло въ пе
реговорахъ, чтобы подкрѣпить себя новыми войсками и поэтом
кальвинисты, подавленные превосходствомъ силъ, потерпѣл
значительное пораженіе. Большая часть изъ нихъ пали на пол
битвы, не мало взято ихъ въ плѣнъ и только нѣкоторымъ уда
лось избѣгнуть кровавой бани. Съ плѣнными, впрочемъ, рас
права была короткая: всѣ они на другой же день были ил
утоплены, или повѣшены, или обезглавлены, а молодой корол
равно какъ и братъ его и мать и всѣ фрейлины двора, смотрѣ
ли на эти казни, какъ на увеселительныя зрѣлища!

Такимъ образомъ такъ называемый амбоазскій заговоръ (1
марта 1560 г.) окончился гибелью всѣхъ заговорщиковъ. Н
этимъ Гизы не удовольствовались; убѣдившись, что кальвини
сты, или гугеноты (это насмѣшливое прозваніе получили ре
форматы со времени амбазскаго заговора *) ихъ опаснѣйшіе
непримѣримѣйшіе враги, они рѣшили ихъ совершенное унич
тоженіе и по всѣмъ дорогамъ Франціи разослали строжайше
повелѣніе совершенно подавить протестанство. Хотя и н
вездѣ, однакоже въ большей части провинцій, особенно въ До
фине, управляемомъ герцогомъ Гизомъ, и въ Провансѣ, гд

*) Такъ обыкновенно объясняютъ названіе «гугенотовъ». Въ городѣ Тур
господствовало суевѣріе, будто давно умершій король «Гуго» ходитъ по ночам
какъ привидѣніе по улицамъ города и потомъ изчезаетъ за такъ называемым
«гуговыми воротами». И кальвинисты города Тура въ началѣ имѣли обыкнове
ніе собираться тайно, ночью, а сверхъ того еще въ одномъ домѣ, находившемс
близъ гуговыхъ воротъ. Такимъ образомъ кальвинистовъ въ Турѣ прозвал
въ насмѣшку «гугенотами». А такъ какъ случайнымъ образомъ первыя нит
амбоазскаго заговора открыты были въ Турѣ, то первоначальное насмѣшливо
прозваніе, данное турскимъ кальвинистамъ, распространено было и на всѣх
кальвинистовъ во Франціи.

генералъ-губернаторомъ былъ Таваннъ, повелѣніе исполнялось ревностно и королевскіе жандармы стали распоряжаться здѣсь чисто по звѣрски. Не противъ только низшихъ классовъ воздвигнуто было гоненіе, но и противъ высшихъ. Велѣно было схватить даже принца Конде и при посредствѣ парижскаго парламента (судилище совершенно отъ нихъ зависимое) 26 ноября осудить на смерть, а въ тоже время принуждали короля подписать парламентское опредѣленіе и потомъ немедленно велѣть привесть его въ исполненіе. Между тѣмъ въ это же самое время опасно занемогъ Францискъ II и вскорѣ за тѣмъ (2 декабря 1560 г.) умеръ, оставивъ приговоръ неподписаннымъ. Взошедшему послѣ него на престолъ старшему изъ оставшихся братьевъ Францисковыхъ, *Карлу IX* было только десять лѣтъ и слѣдов. открывалась необходимость въ опекунскомъ правленіи. Всѣхъ больше имѣла права на такое правленіе *Катерина Медичи*, какъ мать короля; но она опасалась притязаній герцоговъ Гизовъ, потому что изъ многихъ случаевъ, когда послѣдніе два мѣсяца она была въ союзѣ съ ними, узнала, какъ безгранично было ихъ властолюбіе. По этому она въ самоскорѣйшемъ времени сблизилась съ королемъ наварскимъ и обѣщала тотчасъ помиловать принца Конде и его братьевъ, если онъ поддержитъ ее своею партіею и своимъ вліяніемъ, далѣе остановить казни гугенотовъ и, наконецъ, созвать государственное собраніе, на которомъ должны быть законнымъ образомъ приведены въ порядокъ дѣла кальвинистовъ. На это условіе согласился король наваррскій, и слѣдствіемъ этого было то, что Екатерина Медичи его стараніемъ объявлена была правительницею государства и опекуншею короля.

Такая быстрая перемѣна въ правленіи вдругъ поставила франц. протестантовъ въ совершенно другое положеніе, и вмѣсто гоненій, которымъ досолѣ подвергались, имъ настамъ теперь періодъ терпимости. Королева регентша издала даже 17 янв. 1562 г. эдиктъ, предоставлявшій гугенотамъ совершенную свободу исповѣдывать свою религію во всѣхъ городахъ Франціи. Однако эта терпимость не могла быть продолжительна, потому что папа Пій IV такъ былъ огорченъ этимъ, что рѣшился прибѣгнуть къ самымъ рѣшительнымъ средствамъ, какія употреблялись до сихъ поръ для подавленія протестан-

ства. Его намѣреніе было соединить всѣхъ католическихъ государей, а въ особенности германскаго императора, испанскаго короля, герцога савойскаго и итальянскихъ князей съ главами католичества во Франціи, чтобы этимъ сильнымъ союзомъ постоянно давить все протестантское. Планъ былъ великолѣпный и Гизы тотчасъ согласились съ нимъ, соединившись для выполненія его даже съ коннетаблемъ Монъ-Моранси, своимъ прежнимъ врагомъ и нѣкогда пылкимъ католикомъ; папа же послалъ кардинала феррарскаго и генерала іезуитовъ Лайнеса, съ цѣлымъ воинствомъ нищенствующихъ монаховъ, во Францію, чтобы приготовить народъ, а въ особенности бароновъ и вельможъ государства къ предстоящей борьбѣ; изъ деревни въ деревню, изъ города въ городъ переходили монахи и возбуждали всѣхъ взяться за оружіе противъ протестантовъ. Еще большую дѣятельность обнаружили іезуиты, потому что имъ удалось даже поселить вражду между самими Бурбонами, и слабаго кардинала Бурбона и короля наваррскаго большими обѣщаніями *) привлечь на свою сторону; но не смотря на это, дѣла гугенотовъ были вовсе не дурны, потому что ихъ ученіе распространялось въ особенности въ средѣ низшихъ дворянъ и лучшей части населенія, такъ что число реформатскихъ общинъ тогда заходило за 2,000. Въ Нормандіи почти въ каждомъ городѣ, въ каждой деревнѣ большинство состояло изъ реформатовъ, тоже самое было въ Гвіенѣ, Лангедокѣ, Свеннахъ, въ княжествѣ Оранскомъ, въ Шампаніи, Дофине и т. д. Короче, никогда во Франціи не было столько протестантовъ, какъ въ это время, и если бы дѣло дошло до войны между обѣими партіями, то борьба должна бы быть столько же кровавая, сколько и продолжительная.

Герцогъ Гизъ сдѣлалъ первое нападеніе. Ѣдучи съ своимъ братомъ, кардиналомъ лотарингскимъ въ Парижъ, онъ остановился со свитою въ 200 вооруженныхъ людей въ городкѣ *Васси* въ Шампаніи.

*) Папа не постыдился обѣщать титулярному королю наваррскому, что принудитъ испанскаго короля, фактическаго владѣтеля Наварры, очистить для него Наваррское королевство, если онъ приступитъ къ ихъ союзу. Если же испанскій король не согласится на очищеніе Наварры, то онъ, папа, предоставитъ ему островъ Сардинію. Подобныя обѣщанія предлагаемы были и другимъ предводителямъ протестантовъ, но были съ презрѣніемъ отвергнуты.

Было воскресенье, и реформатскіе жители Васси совершали свою молитву предъ городскими стѣнами въ одномъ сараѣ, именно въ то время, когда проѣзжалъ герцогъ. Замѣтивъ это, всадники Гизовы окружили сарай, смѣялись и ругались самымъ жестокимъ образомъ надъ находящимися тамъ, и когда реформаты на насмѣшки отвѣчали насмѣшками, употребили въ дѣло оружіе, ворвались въ импровизированную церковь, стали рубить всѣхъ безъ разбора: мужщинъ, женщинъ и дѣтей. Болѣе 60 безоружныхъ гугенотовъ остались убитыми на мѣстѣ и нѣсколько сотъ было тяжело ранено, такъ что прозваніе „*рѣзня въ Васси*," которое дали этому безчестному поступку, конечно справедливо. Однако, хотя теперь въ Васси произошло всеобщее возстаніе, чтобы уничтожить убійцъ, герцогу удалось уйти далѣе безъ всякой потери. Теперь онъ могъ себѣ представить, что не замедлятъ возстать всѣ гугеноты, и поэтому онъ, соединившись съ нѣсколькими тысячами приверженцевъ, съ возможною поспѣшностію отправился въ Парижъ, чтобы обезпечить за собой столицу государства. И это ему удалось, потому что большая часть истинно католическаго населенія Парижа была на его сторонѣ и встрѣтила его съ торжествомъ. Тотчасъ онъ перевелъ малолѣтняго короля вмѣстѣ со всѣмъ дворомъ для безопасности въ Мелунъ, вооружилъ всѣхъ преданныхъ ему парижанъ, велѣлъ поджечь домы въ предмѣстіи, гдѣ собирались гугеноты, позволилъ грабить и убивать всѣхъ еретиковъ и въ заключеніе донесъ папѣ и королю испанскому о первой побѣдѣ своего оружія, требуя въ тоже время, чтобы ему прислана была обѣщанная по договору помощь.

Началась упорная война: ее называютъ *первою гугенотскою войною*, потому что принцъ Конде, по отпаденіи своего брата, признанный главою гугенотовъ, тотчасъ направилъ первыхъ и важнѣйшихъ членовъ своей партіи къ Орлеану, и овладѣвши этимъ городомъ 2 апр., при помощи реформатовъ, рѣшился здѣсь силѣ противопоставить силу *). Немедленно

*) Для доказательства того, какіе сильные господа пристали къ протестанству, приведемъ нѣсколько именъ. Вотъ они: Колиньи, Danделотъ, Антонъ фонъ Круа, принцъ Портинскій, Францискъ Ларошъ Фуко, могущественный графъ Пуатусскій, графъ Роганъ, глава реформатовъ въ Бретани, графъ Грамонтъ изъ Гаскони, графъ Монтюмери изъ Нормандіи и т. п. 11 апр. всѣ они

Конде издалъ манифестъ ко всѣмъ реформатскимъ церквамъ во Франціи, которымъ приглашалъ ихъ въ возможной скорости послать опытныхъ въ войнѣ въ Орлеанъ, а также написалъ къ протестанскимъ государямъ Германіи, особенно къ курфирсту пфальцскому и къ королевѣ англійской, чтобы тѣ оказали съ своей стороны помощь. Манифестъ Конде не остался безъ послѣдствій.

Не только массы вооруженныхъ стекались къ Орлеану, но даже гугеноты овладѣвали всѣми тѣми городами, напр. Ліономъ, Руаномъ, Ла-Рошелью, Нимомъ, Греноблемъ, всего болѣе 20 городовъ, въ которыхъ было больше католиковъ, при чемъ, конечно, не всегда обходилось безъ кровопролитія. Почти такой же тактикѣ слѣдовали Гизы и ихъ приверженцы. 21 апр. они пригласили всѣхъ франц. дворянъ явиться къ нимъ вооруженными, чтобы одолѣть „худыхъ христіанъ" и заставили состоявшаго въ ихъ власти малолѣтняго короля издать эдиктъ, въ которомъ объявлялось, что во всей Франціи должна быть одна вѣра, именно римско-католическая. И они также овладѣвали всѣми городами, гдѣ протестанты составляли меньшинство, но поступали въ такихъ случаяхъ совершенно другимъ способомъ, т. е. проливали крови гораздо болѣе, чѣмъ ихъ противники, потому что держались того правила, чтобы не только „одолѣть," но „истребить враговъ." Такимъ-то образомъ началась религіозная война, превосходившая жестокостію всѣ извѣстныя религіоз. и другія войны. Грабежъ и раззореніе, убійства и поджоги—вотъ средства, которыми католики старались доставить себѣ побѣду: примѣръ употребленія такихъ средствъ къ побѣдѣ показалъ авиньонскій комендантъ, дѣйствовавшій по инструкціи папы; завоевавши 6 іюня городъ Оранъ, онъ велѣлъ всѣхъ реформатовъ, даже дѣтей, стариковъ и женщинъ предать мучительнѣйшей казни. Съ особенною жадностію бросались приверженцы Гизовъ на реформ. проповѣдниковъ, которыхъ папа приказывалъ сожигать всѣхъ безъ исключенія. Каждый воскресный и праздничный день во всѣхъ католическихъ церквахъ доказывалось, что убіеніе гугенотовъ—жертва угодная

подписали актъ союза, которымъ обязывались, не щадя имѣній и жизни, не слагать оружія до тѣхъ поръ, пока не освободятъ короля изъ рукъ Гизовъ и не завоюютъ себѣ свободу религіи.

Богу; послѣ такого объявленія, понятно, въ короткое время составилась шайка воровъ, разбойниковъ и убійцъ, чтобы, подъ покровомъ религіи, совершать всякія преступленія, внушаемыя имъ ненавистью, страстью къ грабежу и убійству. Не вдаваясь въ подробное описаніе всѣхъ ужасовъ, совершившихся въ эту войну, выставимъ болѣе крупныя изъ нихъ, напр. маршалъ С. Андре, взявши 1 авг. городъ Пуатье, въ теченіи восьми дней позволилъ его грабить и велѣлъ безъ всякаго изключенія всѣхъ реформатовъ повѣсить на оконныхъ рамахъ; въ городѣ Барѣ на Сенѣ не только перебиты были всѣ мужчины, женщины и дѣти, но и надъ ихъ трупами ругались самымъ страшнымъ образомъ; въ г. Труа, гдѣ совершалось тоже самое, королевскій прокураторъ Рале велѣлъ повѣсить собственнаго своего сына за исповѣданіе новой вѣры; въ г. Масонѣ губернаторъ С. Пуанъ, дворецъ котораго стоялъ подлѣ Схонскаго моста, каждый разъ, для удовольствія посѣщавшихъ его домъ, приказывалъ бросать съ моста по полдюжинѣ пойманныхъ реформатовъ: Монтемонъ, бывшій впослѣдствіи франц. маршаломъ, никогда не выѣзжалъ иначе, какъ въ сопровожденіи двухъ палачей, и открыто хвастался, что никто больше его не казнилъ тугенотовъ; въ Провансѣ, гдѣ главнокомандующимъ былъ Соммернъ, исповѣдниковъ реформ. вѣры не только разстрѣливали, обезглавливали, вѣшали, не только побивали камнями, открывали жилы, или живыми зарывали въ землю, или съ высокихъ домовъ бросали на разставленныя внизу копья, но и у живыхъ еще отнимали или выдергивали члены, разрѣзывали животъ и внутренности бросали собакамъ и свиньямъ, отсѣченными головами убитыхъ играли какъ кегельными шарами; въ тѣла живыхъ мужчинъ и женщинъ втыкали колъ, на которомъ ихъ, обнаженныхъ, до тѣхъ поръ вертѣли, пока онѣ обезумѣвъ отъ жесточайшей боли не испускали духъ среди богохульствъ. Изъ этого краткаго перечисленія видно, что эта война жестокостію и свирѣпостію превосходитъ всѣ другія войны. И гугеноты, сначала строго соблюдавшіе военную дисциплину, наконецъ не вытерпѣли и отплачивали католикамъ тою же монетою, напр. генералъ Дюрасъ, по взятіи небольшой крѣпости Лоцерты, велѣлъ заколоть болѣе 500 человѣкъ, въ числѣ которыхъ было 174 католическихъ священника, искавшихъ себѣ здѣсь спасенія; одна-

кожъ справедливость требуетъ сказать, что протестанты не совершали и десятой доли тѣхъ жестокостей, какими ознаменавали себя католики.

Цѣлый годъ так. обр. длилась война, наконецъ на равнинѣ у Дрекса 10 декабря 1562 г. произошло рѣшительное сраженіе, въ которомъ Конде былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ. Герцогъ Гизъ послѣ этого (главнаго укрѣпленаго мѣста) подступилъ къ Орлеану, чтобы взятіемъ этого главнаго укрѣпленнаго мѣста протестантовъ положить конецъ войнѣ, но въ полдень 18 февр. 1563 г., когда онъ хотѣлъ укрыться въ замокъ Корне, гдѣ была его главная квартира, въ него коварнымъ образомъ выстрѣлилъ одинъ протестанскій дворянинъ Жанъ Польтро де Мерай, сказавшійся дезертиромъ изъ протестанскаго лагеря, и такъ тяжело ранилъ, что отъ этой раны Гизъ 24 февр. умеръ. Потеря эта была невознаградима, и Катерина Медичи такъ это чувствовала, что немедленно рѣшилась заключить съ реформатами миръ. 7 марта начались переговоры, а 12 уже состоялся договоръ. Протестантамъ предоставлялась свобода совѣсти и позволялось открыто совершать свое богослуженіе въ предмѣстьяхъ большихъ городовъ, за исключеніемъ Парижа, запрещалось только строить церкви. Такимъ образомъ тутъ не было вовсе свободы религіи, а только терпимость, объ уравненіи правъ съ католиками и рѣчи не могло быть; однакожъ католическіе прелаты, а особенно римскій первосвященникъ, въ высшей степени были недовольны такою „поблажкою нечестивымъ еретикамъ,“ какъ выразился папа, и желалъ сколько возможно скорѣе уничтожить договоръ. Эта война, хотя продолжалась только одинъ годъ, поставила Францію на край погибели. Безчисленные деревни и города были разграблены, опустошены и превращены въ пустыни. Тысячи людей, лишившись собственности, скитались какъ нищіе. Воровство, грабежъ, убійства и другія преступленія воцарились, о религіи или даже о нравственности думали уже не многіе. Коротко, состояніе Франціи было самое печальное и только продолжительный миръ могъ ее исправить.

Но что думалъ о такомъ положеніи дѣлъ папа? Выгода его требовала, чтобы договоръ былъ уничтоженъ, чтобы снова началась война. Поэтому онъ отлучилъ королеву

наваррскую за то, что она противилась ввѣрить своего сына, впослѣдствіи короля Генриха IV, исключительно католическому воспитанію и въ тоже время далъ повелѣніе испанскому инквизитору *Эспинозѣ*, хитростію или силою, захватить находившуюся тогда въ Беарнѣ, на границѣ Испаніи, королеву вмѣстѣ съ сыномъ, чтобы препроводить ихъ обоихъ въ инквизиціонную тюрьму въ Севильѣ. Такой насильственный поступокъ былъ бы, конечно, совершенъ, если бы благоразумная королева не поостереглась и не съумѣла перехитрить генералъ-инквизитора. Но если не посчастливилась эта затѣя, за то удалась другая. Именно, хитрый кардиналъ *Антинори*, который посланъ былъ папою съ тайными порученіями во Францію, въ замкѣ *Руссильонѣ* у Віенны устроилъ между королевою Франціи Катериною и королевою Испаніи договоръ, въ которомъ приняли участіе знаменитый герцогъ Альба, герцогъ Савойскій, равно кардиналы Лотарингскій, Арманьякъ, Штроцы и Монтлюкъ. На этомъ „*тайномъ конгрессѣ*,“ душою котораго былъ Антинори, среди блестящихъ празднествъ, которыми хотѣли прикрыть истинную цѣль сходки, уговорились, чтобы, во 1-хъ, всѣ католики во Франціи, Испаніи и Италіи образовали одну священную лигу, или братство для охраненія славы Божіей, (ad majorem Dei catholicaeque ecclesiae gloriam) католич. церкви и папства; во 2-хъ, чтобы совершенно подавлена была реформація во Франціи, захвачены были прежде всего предводители гугенотовъ, и такъ или иначе уничтожены, и что всеобщее избіеніе еретиковъ— единственное средство, которое могло бы даровать Франціи продолжительный религіозный миръ *). Только окончательно уговорившись на счетъ способа дѣйствованія, обѣ королевы разстались, и разсуждающая поверхностно публика была того мнѣнія, что царственныя дамы назначали себѣ свиданіе въ Руссильонѣ только для того, чтобы повеселиться и покутить.

Истинная цѣль свиданія открылась, разумѣется, не вдругъ, однакожъ у реформатовъ и тогда уже запало нѣкоторое подозрѣніе, потому что королева регентша тогда же велѣла навер-

*) Герцогъ Альба былъ того мнѣнія, что безполезный трудъ ловить лягушекъ «но что гораздо важнѣе упражняться въ ловѣ лососей и др.» большихъ рыбъ, такъ какъ сто тысячъ лягушекъ не стоятъ и одной головы лосося.

бовать 6 тысячь швейцарцевъ, да сверхъ того изъ перехваченныхъ писемъ явствовало, что католич. партія замышляетъ новый ударъ. Тогда и Конде, вмѣстѣ съ Колиньи, въ авг. 1567 г., пригласили своихъ храбрѣйшихъ генераловъ на тайный военный совѣтъ, на которомъ постановлено было, ни въ какомъ случаѣ не дожидаться, пока ихъ связанныхъ по рукамъ и ногамъ поведутъ на эшафотъ въ Парижъ. Гугенотамъ ясно было, что малѣйшее съ ихъ стороны промедлѣніе будетъ для нихъ гибельно, потому что враги превосходили ихъ числительною силою, да сверхъ того они владѣли всѣми крѣпкими пунктами Франціи. Имѣя это въ виду, военный совѣтъ опредѣлилъ 29 сентября 1567 г., чтобы предупредить враговъ, произвести возстаніе одновременно во всей Франціи. Это былъ настоящій заговоръ, и заговорщикамъ удалось не только сохранить тайну заговора до назначеннаго дня, но и захватить въ свои руки не менѣе какъ пятдесятъ укрѣпленныхъ мѣстъ; какъ напр. Нимъ, Альба, Орлеанъ, Монтпелье и т. д. Представлялся имъ случай въ г. Мо завладѣть особою короля, но на выручку явились только что навербованные 6 тысячь швейцарцевъ. Такимъ-то образомъ королева мать счастливо выбралась изъ Мо въ Парижъ и призвала къ оружію всѣхъ вѣрныхъ католиковъ. Сверхъ того она послала курьеровъ въ Мадритъ и Римъ, взывая о немедленной помощи, и въ самомъ дѣлѣ къ королевской арміи тотчасъ присоединилось восемъ ротъ испанско-нидерландскихъ жандармовъ, и три полка пѣхоты подъ предводительствомъ герцога Арамберга, между тѣмъ какъ за ними шелъ папскій военачальникъ Людвигъ Гонзага съ 14,000 итальянцевъ и швейцарцевъ, нанятыхъ на церковные капиталы. Такому превосходству силъ не могли противостоять гугеноты, и потому Конде, оказавъ чудеса храбрости въ сраженіи при С. Дени, гдѣ нашелъ свою смерть коннетабль Монморанси, отступилъ въ Шампань, для соединенія съ пфальцграфомъ Іоанномъ Казимиромъ, который привелъ ему изъ Германіи 6 тысячь конныхъ и три тысячи пѣшихъ. Дѣла гугенотовъ такимъ образомъ снова поправились, тѣмъ болѣе, что итальянскіе солдаты, по соединеніи съ королевскою арміею, стали пренебрегать военною дисциплиною. Побуждаемая этимъ и, опасаясь потерпѣть почти неизбѣжное пораженіе, королева мать предложила миръ, кото-

рый 23 марта 1568 г. былъ заключенъ на тѣхъ же условіяхъ, какъ и миръ 1563 г. По заключеніи мира войска Конде разошлись, нѣмецкіе наемные солдаты тоже возвратились въ свое отечество.

Опять Франція получила миръ, но какой? Тотчасъ по заключеніи его разсѣялись вездѣ іезуиты и нищенствующіе монахи и открыто и громко проповѣдывали, что нѣтъ нужды держать слово, данное еретикамъ, но что каждый добрый христіанинъ обязанъ вооружиться для истребленія гугенотовъ. Возбужденные такими проповѣдями, католики во многихъ мѣстахъ дружно нападали на реформатовъ и въ теченіи апрѣля, мая и іюня перебили ихъ болѣе десяти тысячь. Конечно, реформаты жаловались, но ни судъ, ни дворъ, ни королева-регентша не слушали ихъ жалобъ. Напротивъ, легко было замѣтить, какое было намѣреніе у Екатерины Медичи, когда папа Пій V въ маѣ 1568 г. разрѣшилъ ей продать церковныя имущества, цѣнностію до трехъ милліоновъ ливровъ, за обѣщаніе употребить всѣ мѣры къ искорененію реформат. ученія. Вскорѣ регентша выступила и открыто, въ сентябрѣ обнародовала два эдикта, въ которыхъ повелѣвалось протестантамъ въ теченіе двухъ недѣль сложить съ себя всѣ должности и званія, и потомъ запрещалось подъ страхомъ смерти и конфискаціи имущества исповѣдывать во Франціи другую религію, кромѣ католической. Вслѣдствіе этого возгорѣлась *третья гугенотская война*, для которой папа, какъ и слѣдовало ожидать, опять послалъ свое вспомогат. войско, предводимое его незаконнымъ сыномъ, графомъ Сантафіоре, а гугеноты получили подкрѣпленія изъ Англіи деньгами изъ Германіи солдатами. Два года военное счастіе колебалось съ одной стороны на другую, наконецъ регентша увидѣла, что невозможно побѣдить протестантовъ вооруженною силою и потому 8 августа 1571 г. заключила въ Ст. Жерменѣ третій миръ, по которому протестантамъ предоставлены были гораздо большія права, именно: они получили не только свободу въ отправленіи богослуженія, не только право доступа ко всѣмъ должностямъ и званіямъ, но и ключи отъ городовъ Ла-Рошели, Монтобала, Коньяка и Ла-Шарите, въ залогъ того, что съ ними будутъ поступать честно.

Такъ казалось, что этотъ миръ будетъ проченъ, и это припи-

сывали тому обстоятельству, что король Карлъ IX. достигнувъ теперь 21 лѣтняго возраста, сталъ обнаруживать большее вліяніе на дѣла правленія, чѣмъ прежде. Этотъ монархъ, которому сама мать, женщина въ высшей степени подлая, внушала правила самыя безнравственныя, и въ словахъ и въ движеніяхъ такъ научился лицемѣрить и притворяться, что обманывалъ не только всѣхъ своихъ придворныхъ, но даже за-частую свою мать. Потому онъ, когда, во время переговоровъ о мирѣ, не только обошелся дружески съ гугенотскими депутатами и искренно, но даже храброму Ла-Ну, прозванному „желѣзною рукой“ (отстрѣленную правую руку онъ замѣнилъ желѣзною) и рыцарственному графу Телиньи, зятю Колиньи самымъ дружественнымъ образомъ высказалъ, что онъ въ интересахъ Франціи (и потому что внѣшнею войною всего скорѣе можетъ быть остановлено возобновленіе религіозныхъ безпокойствъ внутри) станетъ помогать противъ испанскаго короля протестанскимъ Нидерландамъ, хлопотавшимъ тогда о завоеваніи себѣ свободы и въ тоже время въ обезпеченіе религіознаго мира выдастъ свою сестру Маргариту за сына недавно умершаго короля наваррскаго Антона; при такомъ обхожденіи короля, въ гугенотахъ пробудилась совершенная довѣренность къ нему. Адмиралъ Колиньи рѣшился даже послѣдовать приглашенію короля, явился къ двору и, когда Карлъ IX предъ собравшимся въ Блуа дворомъ принялъ его самымъ почетнѣйшимъ образомъ, назвалъ его вторымъ отцемъ и со слезами объявилъ, что въ жизни его не было дня прекраснѣе настоящаго, такъ какъ онъ увѣренъ, что навсегда положенъ конецъ безпокойствамъ въ его царствѣ,—Колиньи совершенно убѣдился, что король честно подружился съ гугенотами и навсегда отказался отъ нетерпимости свойственной папизму. И кто могъ думать иначе, особенно когда Карлъ сталъ дѣйствительно теперь дѣлать приготовленія къ свадьбѣ своей сестры съ Генрихомъ Наваррскимъ и въ тоже время назначилъ Колиньи главнокомандующимъ въ предстоявшемъ походѣ противъ Испаніи?

Не много спустя, въ началѣ 1572 г., папа Пій V послалъ своего внука, или, какъ нѣкоторые думаютъ, своего сына, кардинала Александрію, къ французскому двору, съ порученіемъ уговорить короля выдать замужъ принцессу Маргариту не за

принца наваррскаго, а за короля португальскаго, это, покрайней мѣрѣ была видимая сторона миссіи кардинала, истинною же цѣлію было еще болѣе обмануть гугенотовъ на счетъ истинныхъ чувствъ короля. Въ самомъ дѣлѣ, кардиналъ прибылъ за тѣмъ, чтобы напомнить королю, что пора наконецъ привесть въ исполненіе давній планъ противъ еретиковъ, о которомъ уговорились въ Русильонѣ. „Тайно" король далъ свое обѣщаніе, а въ торжественной аудіенціи въ присутствіи всего двора, съ жесткостію отвергъ предложеніе папскаго легата на счетъ бракосочетанія Маргариты и даже высказалъ потомъ вдовствующей королевѣ наваррской, которая тогда съ своимъ сыномъ Генрихомъ, съ принцомъ Конде, съ графомъ Нассаускимъ и съ многочисленною свитою прибыла ко двору въ Блуа,—что она для него дороже папы, и если послѣдній откажетъ въ разрѣшеніи на бракъ принца Генриха съ принцессой Маргаритой по причинѣ ихъ близкаго родства, то онъ самъ поведетъ свою сестру къ вѣнцу. Такимъ то образомъ удалось королю обмануть весь свѣтъ на счетъ истинныхъ своихъ намѣреній, и особенно обманутъ былъ адмиралъ Колиньи, совершенно убѣдившійся, какъ сказано выше, въ честности монарха. Конечно, нѣкоторые изъ единовѣрцевъ Колиньи, бывшіе въ Ла-Рошели, напоминали ему о непримиримой ненависти католиковъ къ реформатамъ, о клятвѣ королевы Екатерины уничтожить всѣхъ еретиковъ, о характерѣ короля, съ молодыхъ лѣтъ усвоившаго себѣ макіавелевскія правила, равно и о папскомъ декретѣ, въ силу котораго не слѣдовало держать слова, даннаго еретикамъ; но адмиралъ съ настойчивостію объявилъ, что уже нѣтъ никакого повода къ недовѣрчивости и подозрѣнію, потому что „Богъ явно произвелъ перемѣну въ мысляхъ короля;" съ убѣжденіемъ Колиньи все болѣе и болѣе соглашались и гугеноты, а Карлъ IX умѣлъ поддержать въ нихъ такое убѣжденіе,; онъ расположилъ даже юнаго герцога Гиза, сына убитаго Франциска Гиза, помириться съ Колиньи, не смотря на то, что партія Гизовъ его считала виновникомъ, покрайной мѣрѣ нравственнымъ, смерти стараго Гиза. Когда, такимъ образомъ, 18 августа дѣйствительно совершилась свадьба короля Генриха Наваррскаго съ принцессой Маргаритой (свадьба эта, по причинѣ послѣдовавшей 10 іюня смерти королевы Наваррской, т. е. матери

Генриха, была на нѣсколько недѣль отсрочена), то уже безразсудно было бы сомнѣваться болѣе въ благонамѣренности короля Карла. Таково было положеніе дѣлъ въ Парижѣ, какъ одинъ опрометчивый поступокъ едва не разстроилъ всѣ тайные планы Карла. Именно, когда адмиралъ Колиньи, 22 авг. 1572 г. изъ Лувра, гдѣ онъ былъ вмѣстѣ съ королемъ, возвращался домой, изъ окна одного дома, возлѣ котораго онъ остановился, послѣдовалъ выстрѣлъ, оторвавшій у адмирала указательный палецъ на правой рукѣ и тяжело ранившій въ лѣвую. Конечно, проводники его тотчасъ вломились въ домъ, и хотя они не поймали самаго убійцу, ускакавшаго на приготовленной лошади, однакоже явно было, что на жизнь адмирала покушался не кто другой, какъ *Николай Лувьеръ де Мореверть*, который и прежде коварнымъ образомъ убилъ искренняго друга Колиньи, и который принадлежалъ къ числу вѣрныхъ слугъ герцога Гиза. Сверхъ того домъ, откуда послѣдовалъ выстрѣлъ, принадлежалъ Виллемюиру, бывшему прежде гофмейстеромъ герцога Гиза, и служилъ обыкновенно пристанищемъ его прислугѣ, когда самъ герцогъ бывалъ въ Парижѣ. По всему этому нельзя было сомнѣваться въ томъ, что виновниковъ злодѣянія надобно искать въ средѣ партіи Гизовъ, и гугеноты высказывали это довольно открыто, заявивъ въ тоже время чрезъ посредство короля Наваррскаго и принца Конде королю о своемъ желаніи оставить Парижъ, гдѣ жизнь ихъ подвергалась явной опасности. Но что же сдѣлалъ король съ своей стороны? Онъ тотчасъ призвалъ короля Наварскаго Генриха, своего уже шурина, а равно принца Конде, съ главнѣйшими изъ гугенотовъ, прикинулся страшно раздраженнымъ на злодѣевъ, покушавшихся на жизнь Колиньи, и далъ имъ священную клятву перевѣшать и зачинщиковъ и преступниковъ, и даже тѣхъ, кто зналъ о покушеніи, какое бы высокое положеніе ни занимали они. Чтобы придать больше вѣры своей клятвѣ, онъ всюду разосылалъ гонцовъ для преслѣдованія убійцы, нарядилъ особую коммиссію для изслѣдованія преступленія, велѣлъ арестовать герцога Гиза, вслѣдствіе чего послѣдній принужденъ былъ нѣкоторое время (двое сутокъ) скрываться. Не ограничившись этими мѣрами, онъ на другой день, въ сопровожденіи своей матери и своихъ обоихъ братьевъ, вмѣстѣ съ многими другими высоко-

поставленными дамами и кавалерами, посѣтилъ раненнаго адмирала, съ необыкновеннымъ участіемъ бесѣдовалъ съ нимъ, выражалъ самую глубокую скорбь о случившемся и торжественно клялся, что накажетъ злодѣевъ самымъ примѣрнымъ образомъ. Точно въ такомъ родѣ говорила и королева мать и такимъ образомъ имъ удалось разсѣять всѣ подозрѣнія и адмирала Колиньи, и его зятя, графа Телиньи, и принца Конде, и короля Наваррскаго, и большей части гугенотовъ. Они остались съ своими спутниками въ Парижѣ, потому что съ Шартрскимъ видедомомъ, настаивавшемъ или тотчасъ отмстить герцогу Гизу и слѣдовательно, возобновить войну съ католиками, или покрайней мѣрѣ немедленно оставить Парижъ и собраться въ Ла-Рошели,—согласились лишь не многіе и тѣмъ вынудили его почти безъ проводниковъ выѣхать изъ Парижа, гдѣ онъ ни за что не хотѣлъ оставаться.

Не смотря на то, король увидѣлъ, что трудно было совершенно изгладить впечатлѣніе, произведенное опрометчивымъ поступкомъ Мореверта, и что многіе изъ гугенотовъ, коренныхъ жителей Парижа, естественно, должны были сдѣлаться осторожнѣе, вслѣдствіе возбужденнаго недовѣрія, и потому онъ рѣшился *„поскорѣе сдѣлать то, что онъ хотѣлъ сдѣлать“*, именно, исполнить теперь же обѣщаніе, данное папѣ—немедленно произвесть давно предположенное повальное избіеніе гугенотовъ. Послѣ визита, сдѣланнаго Колиньи, возвратившись въ Луврь, онъ имѣлъ продолжительное совѣщаніе съ своею матерью, и потомъ избраннѣйшіе изъ католической партіи приглашены были на вечеръ въ Тюльерійскій садъ, для совѣщанія о приведеніи въ исполненіе королевскаго рѣшенія. Этотъ страшный трибуналъ, собравшійся тамъ ночью въ девять часовъ, составляли, кромѣ короля и его матери: герцоги Анжуйскій и Наварскій, великій пріоръ Ангулемскій, хранитель печати Бигаро, маршалъ Таваннъ и графъ Гонди-Рецъ. Король раскрылъ свой планъ и за тѣмъ тотчасъ единогласно рѣшено было выполнить его безусловно. Это было рѣшеніе—*истребить гугенотовъ за одинъ разъ во всей Франціи*. Относительно Парижа, наступающая ночь должна была быть ночью смерти, а между тѣмъ различнымъ окружнымъ губернаторамъ хотѣли чрезъ особыхъ гонцовъ сообщить повелѣніе, чтобы и въ провинціяхъ сдѣ-

лано было по примѣру столицы. Такъ уговорились папа и к роль, и потому послѣдній поклялся любимою своею клятв „смертію Господа“ что *„не оставить ни одного реформата, кот рый бы могъ потомъ упрекнуть въ кровавомъ злодѣяніи, за искл ченіемъ двоихъ только, именно: короля Наваррскаго и принца К де, ради ихъ родства съ королевскимъ домомъ, и то въ такомъ сл чаѣ, если они обратятся въ лоно католической церкви.“* Едва толь рѣшено было это, какъ стали приготовляться къ выполнен плана съ поспѣшностію, таинственностію и энергіею по исти изумительными. Прежде всего призванъ былъ въ замокъ ге цогъ Гизъ, который послѣдніе два дня „оффиціально скрыва ся,“ и на него возложено было заправлять повальнымъ избі ніемъ, въ особенности ему поручено было убить Колиньи, чѣм должна была открыться эта страшная трагедія. Герцогъ н медленно собралъ главныхъ швейцарцевъ, а равно и началі никовъ королевскихъ войскъ, и въ присутствіи короля объ вилъ имъ его волю. Потомъ призвалъ перваго бургомистр Парижа, по имени Харона, и купеческаго старшину, Клавді Марцела, въ Лувръ и приказалъ имъ (также въ присутствіи к роля) тотчасъ запереть всѣ городскіе ворота и вооружить всѣх католич. гражданъ. Наконецъ съ маршаломъ Таванномъ согла сились они дѣйствовать по слѣдующей программѣ: „послѣ по ночи войска разставить подъ Лувромъ, а городскую милиці предъ ратушей, особымъ отрядамъ вооруженныхъ гражданъ ра зойтись по всѣмъ кварталамъ Парижа и католикамъ для отличі имѣть на шляпѣ бѣлый крестъ и бѣлую повязку на лѣвой рук съ первымъ ударомъ въ колоколъ Луврской башни, всѣ выход городскіе оцѣпить, а всѣ дома католиковъ освѣтить зажжен ными смоляными факелами: солдатамъ и вооруженнымъ граж данамъ тотчасъ врываться въ домы гугенотовъ и рубить без пощады все, называющееся еретичествомъ.“

(Окончаніе впредь).

НАШИ РОДИЧИ И СОСѢДИ.

Не вѣрю чести игрока,
Любви къ Россіи поляка,
Не вѣрю я француза дружбѣ,
И безкорыстной нѣмца службѣ.—

Пушкинъ.

Нашъ поэтъ жестоко и, какъ иные думаютъ, довольно метко, охарактеризовалъ этимъ четверо—стишіемъ отношенія къ намъ нашихъ родичей и сосѣдей. Но, если эта характеристика, положимъ, справедлива, то, надобно прибавить, и слишкомъ безпощадна. Не можетъ быть, чтобы между поляками не нашлось безпристрастныхъ и добросовѣстныхъ людей, которые любятъ Россію, столь снисходительную и благодѣтельную къ нимъ. Изъ уваженія къ человѣческому уму и сердцу *вообще*, мы готовы утверждать, что такихъ поляковъ очень много даже въ настоящее время, послѣ неудавшихся двухъ революцій, и даже среди непрестающей работы невидимаго революціоннаго ржонда, строющаго ковы на окончательную погибель своей отчизны. Не можетъ быть, чтобъ и между французами не было такихъ достойныхъ людей, на дружбу которыхъ мы могли бы положиться съ полною безопасностью. Еще менѣе можно допустить то обидное для насъ предположеніе, будто служба нѣмецкая неразлучна съ корыстолюбіемъ и исключаетъ всякое самопожертвованіе. Напротивъ, мы скорѣе можемъ похвалиться усердіемъ нѣмцевъ, которые только своею нѣмецкою аккуратностью могутъ иногда невиннымъ образомъ навлекать на себя несправедливые упреки въ неправыхъ видахъ. Что же касается до «чести игроковъ», то, если поэтъ разумѣлъ не отъявленныхъ и презрѣнныхъ

шулеровъ, а просто «игроковъ», въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, то надобно сказать, что большинство этихъ господъ—самые любезные, учтивые, гуманные, добрые, даже готовые къ пожертвованіямъ на общую пользу люди. Однимъ словомъ: эпиграмма поэта слишкомъ обобщаетъ взглядъ на нравы людей и обязана своимъ происхожденіемъ желанію поостриться, да случайному, вѣроятно, желчному расположенію его души. Конечно, поэтъ могъ бы указать много недѣлимыхъ, своими къ намъ и Россіи отношеніями подтверждающихъ истинность его сарказма; но неумолимая логика требуетъ, чтобы мы изъ нѣсколькихъ частныхъ случаевъ не выводили общаго заключенія, и чтобы исключеній не возводили въ значеніе правила. Дѣло не въ возможныхъ исключеніяхъ, но въ нормальномъ образѣ дѣйствій и отношеній большинства, которое мы назвали нашими родичами и сосѣдями. Будемъ называть это большинство вообще *національностью*, и на этотъ разъ остановимъ вниманіе на польской національности. А имѣя дѣло съ національностью *вообще*, мы устраняемъ отъ себя всякое подозрѣніе въ поползновеніи оскорбить чью-либо личность, и надѣемся, что никто изъ благоразумныхъ и честныхъ людей не будетъ принимать нашихъ словъ и мнѣній за *личную* обиду.

И такъ—«не вѣрю я любви къ Россіи поляка»??

Несчастная Польша! несчастная сестра Россіи! За что ты не любишь Россію? За что не любишь насъ?.. Неужели за то, что обѣ вы: и Россія и ты, происходите отъ однихъ и тѣхъ же родоначальниковъ, славянъ? Нагляднымъ доказательствомъ единоплеменности нашей служатъ языки, русскій и польскій. Польскіе историки сохранили преданіе, что въ древности эти два языка были почти тождественны, чему доказательствомъ служатъ оставшіяся и доселѣ въ польскомъ языкѣ многія русскія слова, какъ-то: названія королей, городовъ, рѣкъ, и проч. *). И въ настоящее время, поляки и русскіе очень легко и скоро

*) Chrobry, Krasny staw, Ostrow, Bohorodzica, etc... Dzieje Krol. polskiego, przez J. S. Bandke. 1820. T. I., стран. 67.

понимаютъ другъ друга, даже не учившись одинъ языку другаго. Напрасно поляки захотѣли разрознить и отчуждить свой языкъ отъ русскаго языка, принявши несвойственный себѣ латинскій алфавитъ, съ пристройкою къ нему разныхъ знаковъ для изображенія славянскихъ звуковъ, неизвѣстныхъ латинянамъ. Если бы Цицеронъ, Виргилій и Горацій увидѣли польскій текстъ, изображенный латинскими буквами, они изумились бы такому злоупотребленію своего алфавита, не умѣли бы прочитать ни одной строчки, и присвоеніе поляками латинскаго алфавита назвали бы *профанаціей* латыни. Бѣдные труженники! чтобъ изобразить одинъ славянскій звукъ щ, поляки набираютъ цѣлую фалангу латинскихъ буквъ (szcz); а для прочихъ славянскихъ звуковъ, то ломаютъ букву I, то надъ латинскими буквами, сверху и снизу, ставятъ баррикаду изъ крючковъ, точекъ и запятыхъ... Къ чему вся эта архитектура и перестройка чужихъ буквъ, когда у васъ есть свой, славянскій алфавитъ, пригодный для всѣхъ звуковъ вашего языка? Признайтесь, любезные братья, что вы это дѣлаете, и отцы ваши дѣлали изъ ненависти къ русскому языку, чтобы написанный славянскими буквами текстъ польской рѣчи не былъ похожъ, на русскую рѣчь. Польскіе историки свидѣтельствуютъ, что древніе поляки употребляли славянскій алфавитъ, но папа Іоаннъ XIII, буллою 968 года, запретилъ имъ этотъ алфавитъ, назвавъ его *еретическимъ*, а на папскомъ соборѣ 1059 года выдумана была и пущена въ ходъ нелѣпая ложь и клевета, «же письмо то походзиць мяло одъ якѣгось кацержа Методіуша, ктуры за таконъ религіи католицкей образе нагло былъ смерціо одъ Бога укараны 1).» Какъ вамъ угодно, братья, а это похоже на ребячество, которое даже не имѣетъ чести быть жалкимъ, а которое просто—смѣшно. Еще смѣшнѣе та нелюбовь (чтобъ не сказать злоба), съ какою нѣкоторые, quasi ученые, поляки хотѣли бы отказать русскому языку въ его славянскомъ происхожденіи, и по причинѣ

1) Pamiętniki o dziéjach, piśmiennictwie i prawodawstwie słowian. Pierwotne dzieje chrześciańskiego kościoła u słowian. Wydał W. A. Maciejowski. Pamiętnik 1. Стран. 76. 117.—(1839 года).

какихъ-нибудь десяти татарскихъ словъ, залѣзшихъ въ русскій языкъ, во время татарскаго порабощенія, называютъ цѣлый языкъ русскій монгольскимъ, а братьевъ своихъ, русскихъ, честятъ названіемъ какихъ-то турановъ и монголовъ. Помилосердуйте, панове, надъ самими собою! При нынѣшнемъ просвѣщеніи въ Европѣ, едва ли найдется въ ней хоть одинъ, столь услужливый вамъ невѣжда, который бы повѣрилъ такой генеалогіи, какую вы сочиняете для единокровной вамъ Россіи и для единоплеменнаго вамъ русскаго языка. Пожалѣйте себя и не говорите, и не пишите такихъ нелѣпостей: вѣдь васъ же осмѣютъ за это всѣ, сколько нибудь развитые люди. А если вы стыдитесь *славнаго* родства славянскаго съ нами, то выдумывайте для себя какое вамъ угодно происхожденіе, только ужъ позвольте исторіи нашей оставаться неприкосновенной и не замѣняйте ее вашими баснями. Развѣ вы не замѣчаете, что на дорогѣ, поперекъ всѣмъ вашимъ генеалогическимъ сочиненіямъ, стоитъ славяно-русское племя, равно родственное и вамъ и намъ,—племя малороссійское, которое вы пробовали (хоть и безуспѣшно) ополячивать, и еще недавно, во время прошедшаго мятежа вашего, разсѣевали между нимъ ваши золотыя грамоты о вольности. Всѣми подобными продѣлками вашими вы невольно *признались* предъ всѣмъ свѣтомъ въ своемъ родствѣ съ этимъ племенемъ, а чрезъ него и въ коренномъ родствѣ со всѣми русскими. Такъ же точно и провинціальное русское нарѣчіе украинскаго племени вы хотѣли было преобразовать въ польскій языкъ, доказывая, что малороссійское нарѣчіе есть тотъ же польскій языкъ, только безъ примѣси мазурскихъ словъ, принятыхъ поляками, между тѣмъ какъ сами малороссы утверждаютъ, что ихъ провинціальное нарѣчіе есть тотъ же древне-русскій языкъ, только испорченный полонизмами, насильно навязанными имъ на шею вмѣстѣ съ бывшимъ ярмомъ польскаго владычества. Братья! опомнитесь! Общая наша родоначальница—*слава!* Другіе народы не имѣютъ такого знаменательнаго родоначалія.—А что вамъ иногда угодно бываетъ называть насъ москалями, или московитами (отъ имени столичнаго города Москвы), мы за

это не сердимся на васъ, надѣясь, что и вы не разсердитесь, если бы мы вздумали называть васъ краковяками, или варшавцами. Зовите насъ, пожалуй, даже поляками, а мы будемъ называть васъ русскими, — это все равно, вѣдь мы съ вами одна плоть и кровь. За что же вы не любите насъ?..

Неужели за разность нашихъ вѣроисповѣданій?

Плохо же вы знаете вашу собственную исторію, которая свидѣтельствуетъ, что у насъ—русскихъ и у васъ—поляковъ были одни и тѣ же апостолы: св. Андрей Первозванный, и св. Кириллъ и Меѳодій, и что вся древняя Польша первоначально исповѣдывала христіянскую вѣру, согласно апостольской проповѣди, по восточному обряду. Согласитесь по крайней мѣрѣ съ тѣмъ, что христіянство перешло съ востока на западъ, а не на оборотъ, и что Іерусалимъ, въ которомъ совершилось великое таинство искупленія рода человѣческаго, важнѣе Рима. Изъ вашей собственной исторіи извѣстно также и то, что въ древней Польшѣ, гораздо раньше Мечислава I-го, восточное богослуженіе было совершаемо на славянскомъ языкѣ, а не на латинскомъ, который долго не нравился полякамъ (nie przemawiał do polakow) даже послѣ отторженія ихъ отъ православія и совращенія въ римское католичество 1). А начали ваши предки оставлять православіе только послѣ Мечислава I; древняя Польша примкнула къ западной р. католической Европѣ на правахъ вассальной державы въ отношеніи къ римскому (т. е. нѣмецкому) императору въ дѣлахъ свѣтскихъ и на такихъ же правахъ въ отношеніи къ римскому папѣ въ дѣлахъ духовныхъ. Читайте вашихъ историковъ, о которыхъ вы не можете сказать, чтобъ они были подкуплены *„московскими рублями“*,—и вы изъ добросовѣстныхъ сказаній ихъ должны убѣдиться, что имя *схизмы* неотъемлемо принадлежитъ западу, а не востоку, Польшѣ, а не Россіи. Схизматикъ—значитъ *отдѣлившійся*. Кто же отъ кого отдѣлился? Русскіе какъ стояли, такъ и те-

1) Pierwotne dzieje chrzescianskiego kościoła u Słowian. Maciejowski. 1839. Стран. 70, 77, 58, 148, 149.

перь стоятъ въ восточномъ благочестіи, а поляки изъ восточнаго перешли въ западное, слѣдовательно—*они отдѣлились* отъ своей прародительской церкви. Вы не можете равнодушно говорить о схизмѣ, и когда сердитесь, то всегда браните насъ именемъ *схизматиковъ*, а если *вы сердитесь, то вы и виновны,* то вы схизматики, а не мы. Насъ скорѣе можно упрекнуть въ чрезмѣрной религіозной терпимости, чуть не въ индифферентизмѣ, нежели въ фанатизмѣ, безъ котораго никогда не существовала никакая религіозная схизма, и которымъ именно отличается вся ваша исторія, со времени принятія вашей націей римскаго католичества. Этотъ фанатизмъ и погубилъ вашу несчастную Польшу. Прочитайте исторію уніи. Русскіе епископы Поцѣй и Терлецкій, а равно и несчастный Іосафатъ Кунцевичъ, были только орудіями въ рукахъ іезуитовъ, а вся унія, со всѣми ея кровавыми явленіями, была изобрѣтеніемъ и дѣломъ іезуитизма, погубившаго Польшу. О чемъ шло дѣло? О томъ, чтобы христіяне восточнаго исповѣданія, кромѣ Спасителя Іисуса Христа, вѣрили еще и въ римскаго папу, признавая его духовнымъ царемъ всего міра и, въ этомъ смыслѣ—намѣстникомъ Христа, который самъ о себѣ сказалъ, что Его царство не отъ міра сего. Не входя въ теологическіе споры съ римскимъ католичествомъ, мы съ братскою любовью просимъ васъ подумать о томъ: можно ли изъ царства любви, каковымъ должна быть Христова церковь, дѣлать мірское царство, вооруженное ружьями и пушками, жандармами и артиллеріей? Если Іисусъ Христосъ никого изъ грядущихъ къ нему не отгоняетъ отъ себя, то какъ же смѣетъ папство утверждать, что для христіянина нѣтъ спасенія внѣ римской церкви?!.. Св. Апостолъ спрашивалъ: кто убо есть Павелъ? Кто же ли Апполосъ? А мы, согласно съ Апостоломъ, продолжаемъ: Кто же есть папа римскій? Развѣ раздѣлился Христосъ? Развѣ папа распялся за васъ? Развѣ во имя папы вы крестились? (1 Кор. 1. 13. III. 5). Мы говоримъ это не для того, чтобы побудить васъ, любезные братья—поляки, къ возвращенію въ нѣдра общей нѣкогда нашей православной церкви,—это дѣло Божіе, кто угоденъ Богу, того Онъ призоветъ и возвратитъ,—

а обращенія въ православіе изъ корыстныхъ или политическихъ видовъ мы не одобряемъ,—нѣтъ! Мы говоримъ это единственно изъ желанія вамъ побольше безпристрастія и справедливости, — чтобы вы перестали ненавидѣть Россію за разность ея православной вѣры отъ римскаго католичества. Оставайтесь, если вамъ угодно, папистами, а мы останемся, по прежнему, восточными христіянами; только перестаньте ненавидѣть насъ такъ, какъ язычники ненавидѣли христіянъ въ первые вѣки христіянства. Трудно опредѣлить: когда больше было христіянскихъ мучениковъ, во время ли гоненія римскихъ языческихъ императоровъ на христіянство, или во время римской инквизиціи и послѣ брестской уніи... Нероны и Діоклетіаны по крайней мѣрѣ не прикрывали своего варварства лицемѣрнымъ именемъ *святости,* а инквизиція и унія, обѣ облитыя христіянскою кровью, имѣли святотатскую дерзость называться святыми: Sacro-Sancta Inquisitio, Sacro-Sancta Unio... Никто не скажетъ, чтобы мы, русскіе были виновны во всѣхъ этихъ кровопролитіяхъ... За что же вы не любите Россію?..

Не ужели за уничтоженіе польскаго королевства? Но— вы сами знаете и убѣждены въ томъ, что ваша *Польша не умѣла быть ни королевствомъ, ни республикой, а потому и сдѣлалась ничѣмъ,* вслѣдствіе неотразимаго накопленія причинъ, зависѣвшихъ отъ нея самой. Кто изъ умѣющихъ читать не знаетъ теперь того, что Польша погибла самоубійственною смертью, такъ что этотъ трупъ нельзя уже было оживить ни подъ именемъ Варшавскаго Герцогства, ни подъ именемъ Царства Польскаго? Сваливая на Россію причину своей смерти, загробное привидѣніе погибшей Польши обнаруживаетъ чрезъ то свою безсильную и жалкую зависть къ этой живой сестрѣ своей, которая не только устояла среди напора враждебныхъ силъ, стремившихся разрушить ее, подобно Польшѣ, но еще, съ Божіей помощью, побѣдила всѣхъ своихъ враговъ и окрѣпла въ своемъ государственномъ строѣ. Завидовать не только грѣшно, но даже безполезно, а для васъ, братья-поляки, даже вредно—потому, что ваша *зависть* благосостоянію Россіи, какъ вы сами знаете, всегда превраща-

ется въ *ненависть* къ этой могущественной славянской державѣ, которая *одна* изъ всѣхъ европейскихъ державъ всегда желала вамъ добра, если бы только вы умѣли пользоваться имъ. Отказавшись, сколько возможно, отъ зависти и злобы, вслушайтесь внимательнѣе въ слѣдующіе историческіе вопросы, предлагаемые вамъ съ искреннею братскою любовью:

Исторія Польши раздѣляется на двѣ половины. Одна половина—отъ Мечислава I-го до смерти послѣдняго Ягеллона, Сигизмунда—Августа, когда короли ея вступали на престолъ *по праву наслѣдства;* а другая — отъ смерти послѣдняго Ягеллона до окончательной смерти самой Польши, *при короляхъ избираемыхъ.* Не смотря на свѣтлыя имена королей Болеслава Великаго или Храбраго, Казиміра II или Справедливаго, Казиміра III Великаго, Стефана Баторія, и Іоанна Собіескаго, одна половина исторіи Польши мрачнѣе другой, и какъ будто силится одна превзойти другую въ грустномъ и фатальномъ стремленіи къ разрушенію всякаго благосостоянія и порядка. Прекрасная часть славянскаго края, Польша, при самомъ началѣ своего политическаго развитія, измѣнила православію и славянству и, примкнувши къ западной Европѣ, невольно приняла отъ тевтоновъ, саксовъ и франковъ обычаи ихъ, образъ политической жизни и законы. Такимъ образомъ, съ неестественнымъ славянству феодализмомъ, вошло въ Польшу изъ среднихъ вѣковъ и *кулачное право,* право личной мести за обиду, безъ участія законовъ (pochwałki i odpowiedzi), наѣзды, разбои, поединки, самоуправство аристократіи. Напримѣръ, вмѣсто законной кары за убійство человѣка, въ Польшѣ былъ установленъ платежъ за голову убитаго (głowszczyzna): 10 грошей за убитаго крестьянина, 15 грошей за шляхтича, и—это продолжалось даже до 1768 года!! Не смотря на такую дешевизну человѣческой головы, каждый шляхтичъ почиталъ себя равнымъ воеводѣ, а магнатъ—равнымъ королю; вельможи не слушали королей, духовенство нерѣдко проклинало ихъ... Скажите же по совѣсти, не правда ли, что Польша, скоро послѣ рожденія своего, уже носила въ самой себѣ сѣмя

своего разрушенія? И положа руку на сердце, отвѣчайте: не ужели въ этомъ виновна Россія?

Едва только начинала крѣпнуть въ Польшѣ королевская власть, сейчасъ подстерегали республиканскіе *сеймы* эту угрожавшую своеволію ихъ опасность, и постоянно принимали самыя возмутительныя мѣры къ ослабленію благодѣтельной монархической власти. Польскіе сеймы состояли исключительно изъ дворянства и духовенства. Напрасно Сигизмундъ I-й пробовалъ два раза вводить въ сеймъ депутатовъ отъ мѣщанъ,—буйная шляхта выгнала ихъ изъ сейма, и себѣ присвоила названіе польскаго народа. А крестьяне, составлявшіе преимущественную, по своей численности, *массу народа*, въ 1496 году, въ слѣдствіе приговора піотрковскаго сейма, потеряли личную свободу, лишились права собственности надъ принадлежавшею имъ землею, были обращены въ панскихъ невольниковъ и были признаваемы за рабочій скотъ (bydło). Чтобы разорвать всякую связь между королемъ и этимъ несчастнымъ *народомъ*, сеймы отняли у своихъ королей право собирать войско, чеканить монету и даже употреблять при своемъ имени титулъ *господина* (pana i dziedzica) *), а паны присвоили себѣ надъ крестьянами право жизни и смерти.

Обращаемся къ вамъ, потомки такихъ предковъ: скажите откровенно, долго ли могла Польша существовать при такомъ разстройствѣ внутренняго ея состава? И—Россія ли виновна въ этомъ?

До 1642 года всѣ дѣла на польскихъ сеймахъ вершились по большинству голосовъ, хотя въ приговорахъ и была соблюдаема фраза о *«единогласномъ согласіи»;* но съ того времени сеймы начали требовать единогласныхъ рѣшеній, и почти каждый сеймъ былъ «разрываемъ» крикомъ какого-нибудь пьянаго шляхтича: *«не позваллямъ»*. По крайней мѣрѣ мы просимъ васъ, братья—поляки: потрудитесь сами сдѣлать разысканіе въ вашихъ хроникахъ, не ошибаемся ли мы, если скажемъ, что съ 1642 года по день

---

*) Historya książąt i królów Polskich. Teod. Wagi. Стр. 210, 211.

окончательной погибели Польши, *только два сейма* прошли спокойно и не были *разорваны,* а именно—такъ называемый *нѣмой сеймъ* 1717 года, бывшій подъ вліяніемъ русскаго императора Петра Великаго, искренно желавшаго добра Польшѣ, и—другой сеймъ, такъ—называемый *миротворительный* (pacyfikacyiny) 1736 года, хотя — надобно признаться—ни тотъ ни другой сеймъ не принесъ желаемаго добра и мира больному организму Польши, зараженному гангреной фанатизма и своеволія.

Въ польскихъ сеймахъ сосредоточивалась верховная власть законодательная и правительственная; сеймъ рѣшалъ миръ и войну, возвышалъ и понижалъ налоги, издавалъ законы, и вообще установлялъ все, что касалось до управленія Польши. А если всѣмъ и каждому извѣстно, что постановленія сеймовъ почти никогда не были утверждаемы *единогласіемъ* всѣхъ депутатовъ и, слѣдовательно, не были приводимы въ исполненіе, то неизбѣжно слѣдуетъ вопросъ: какое же было правленіе въ Польшѣ? И даже — было ли въ ней какое-нибудь правленіе?... На этотъ вопросъ уже отвѣтилъ историкъ Польши Нарушевичъ, поднося свою исторію королю польскому; вотъ-что онъ сказалъ: «трудно обманывать себя,—*мы никогда не имѣли правленія, и никогда не были счастливы*» (*). Къ этой печальной картинѣ надобно прибавить еще и то, что постояннаго войска никогда въ Польшѣ не было, кромѣ придворной гвардіи, число которой, въ самое лучшее время, не превышало одной тысячи человѣкъ. А собиравшееся по временамъ всеобщее ополченье (pospolite ruszenie) никогда не отличалось ни воинскою дисциплиной, ни гражданскою нравственностью и, по окончаніи войны, расходилось по домамъ, оставляя нерѣдко своихъ командировъ безъ всякихъ средствъ воспользоваться плодами завоеванія, или побѣды. Паны заводили свои *дворы,* на подобіе королевскихъ, держали свой придворный штатъ, придвор-

---

(*) Trudno Sobie pochlebiać, Nayiaśnieyszy Panie: nigdyśmy nie byli narodem Systematycznie rządnym, a zatym i szczęśliwym. Tom VII. (1804) do Króla.... Стран. 8.

ныхъ воиновъ, и сами собою управлялись, презирая всякіе законы; нѣкоторые изъ нихъ шли войною даже противъ своего короля. Вся тяжесть государственныхъ податей лежала только на крестьянахъ, а шляхта ничего не платила. Скажите на милость: что такое была тогда Польша, о которой вы вздыхаете?.. И неужели Россія была виновна въ такомъ жалкомъ состояніи ея, приблизившемъ ее къ уничтоженію??...

Съ половины XVI вѣка Польша, не оглядываясь, побѣжала къ своей погибели:

Въ 1566 году кардиналъ Гозіусъ ввелъ въ Польшу іезуитовъ.

Въ 1569 году Польша объявила свой престолъ избирательнымъ.

Въ 1596 году состоялся въ Брестѣ-Литовскомъ соборъ о церковной уніи.

Со времени сотворенія міра много было между людьми злоупотребленій самыми священными предметами, но ни одно изъ нихъ не можетъ сравниться съ тѣмъ поруганіемъ божественнаго имени Господа нашего Іисуса Христа, какое сдѣлали и продолжаютъ дѣлать люди, дерзнувшіе называться *іезуитами*—e Societate Jesu (!). Прикрываясь наружностью христіанскихъ добродѣтелей и даже монашескихъ обѣтовъ, іезуиты краеугольнымъ камнемъ своего учрежденія полагаютъ неограниченное повиновеніе папѣ, и хотя цѣлію своею объявляютъ распространеніе христіанской вѣры (разумѣется, римскаго исповѣданія), но эта цѣль всегда у нихъ обращается въ средство, а цѣль у нихъ другая—утверждать и распространять власть папы и своего ордена, т. е., какъ выразился мѣтко народъ въ своей пословицѣ: работать *не для Іисуса, но для хлѣба куса. Всѣ средства* къ достиженію этой цѣли, какъ бы онѣ ни были противузаконны, у нихъ считаются *позволительными;* а потому на всѣхъ поприщахъ своей дѣятельности іезуиты признаны людьми лукавыми, корыстолюбивыми, пронырливыми и вредными. Многія правительства, преимущественно р.-католическія, выгнали ихъ изъ своихъ странъ. Наконецъ даже папа Климентъ XIV, *якобы* уничтожилъ этотъ

орденъ, вредный для человѣчества,—т. е. хотя de jure считается этотъ орденъ уничтоженнымъ, но de facto продолжаетъ и теперь существовать; потому что и папство, основанное на неправдѣ, не могло бы продолжать своего существованія безъ такихъ помощниковъ. Такихъ-то всемірныхъ агентовъ папства Гозіусъ ввелъ въ Польшу на ея погибель! Іезуиты тотчасъ овладѣли въ Польшѣ воспитаніемъ юношества и повально все молодое поколѣніе Польши заразили фанатизмомъ и обскурантизмомъ. Всѣ науки были преподаваемы ими съ особенною, придуманною отъ нихъ цѣлію, напримѣръ: логикѣ учили они не для того, чтобы научить правильно мыслить., но чтобы умѣть изъ правды дѣлать неправду (*). Вмѣстѣ съ тѣмъ они завладѣли цензурою книгъ и на площадяхъ городскихъ сожигали, рукою палача, многія книги, несогласныя съ ихъ направленіемъ,—въ томъ числѣ сожгли даже святую Библію, переведенную въ Гданскѣ въ 1532 году на польскій языкъ... Продолжая такимъ образомъ *просвѣщать* несчастную Польшу, іезуиты овладѣли совѣстью всѣхъ знатнѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ поляковъ, начиная съ короля Сигизмунда III, и постоянною задачею для жизни своихъ духовныхъ чадъ, равно и непремѣннымъ условіемъ для вѣчнаго ихъ спасенія указали имъ: истребленіе своихъ согражданъ—иновѣрцовъ (диссидентовъ), т. е. воздвигли самое упорное и кровавое междоусобіе, помогли Польшѣ поднять на самую себя свою самоубійственную руку... Вотъ кого ненавидѣть должны вы, несчастные поляки! Вотъ гдѣ ищите причинъ уничтоженія вашей отчизны!—

Когда всѣ прочіе престолы въ Европѣ изъ избирательныхъ обращались въ потомственно—наслѣдственные, тогда именно, какъ будто на перекоръ общему порядку вещей, урокамъ исторіи, Польша дѣйствовала на оборотъ, и на люблинскомъ сеймѣ (1569) объявила свой престолъ избирательнымъ. Имѣя не правленіе, а какой-то призракъ правленія, составленный изъ странной смѣси анархіи съ

(*) O zakładach naukowych i o Skutkach oswiaty u słowian, przez Maciejowskiego. Стран. 332, 333.

деспотизмомъ, Польша не была уже похожа на королевство, но во всѣхъ актахъ тщеславно именовала себя республикой (rzeczpospolita), а между тѣмъ — выбирала себѣ короля!! Выбирала единственно для того, *чтобы побурить, покутить, почваниться правомъ выбираня,* чтобы торговаться о коронѣ, и всегда выторговывать что-нибудь въ пользу аристократіи; при чемъ рѣдко обходилось безъ подкуповъ и безъ предательства собственной своей отчизны... Идея *республики, имѣющей короля*, оказалась на практикѣ такою уродливою, что не допускала никакой надежды на продолжительное существованіе этой несчастной державы, потому что уроды вообще не долговѣчны. Король Генрихъ Валуа бѣжалъ съ польскаго престола. Умный Баторій, предвидя погибель Польши, хотѣлъ—было утвердить въ ней наслѣдственный престолъ съ предоставленіемъ королю должныхъ правъ, но не могъ сдѣлать этого, по причинѣ мятежнаго характера пановъ, неспособныхъ ни къ какому правленію и порядку. Янъ—Казиміръ еще яснѣе предвидѣлъ погибель Польши и торжественно отказался отъ правленія, сложивши съ себя корону 16-го сентября 1668 года на варшавскомъ сеймѣ. Обливаясь слезами, онъ произнесъ къ бывшимъ своимъ подданнымъ прощальную рѣчь съ такимъ пророчествомъ: «О, еслибъ я былъ лживымъ пророкомъ! Но, увы, то несомнѣнно, что безъ вѣрнаго наслѣдства престола ваша республика будетъ раздѣлена между сосѣдними народами: Русь возметъ себѣ Литовское Княжество; бранденбургскій курфирстъ присоединитъ къ себѣ великую Польшу и пограничныя съ Пруссіей провинціи; австрійскій домъ завладѣетъ Краковскою областью».—Когда, послѣ Яна—Казиміра, избраніе въ короли пало (19 іюня 1669) на Михаила Корибута—Вишневецкаго, то онъ со слезами отказывался отъ избранія, и искренно (хотя безуспѣшно) говорилъ своимъ избирателямъ: «да мимо меня идетъ чаша сія»... Наконецъ дошло до того, что никто уже не хотѣлъ быть королемъ польскимъ и, какъ прежде, по смерти короля являлись многіе кандидаты на польскій престолъ, такъ послѣ смерти предпослѣдняго короля Августа III, никто уже не искалъ

себѣ этой сомнительной чести, кромѣ сына умершаго к
роля, да и тотъ объявилъ себя кандидатомъ не по со
ственному желанію, а изъ угожденія честолюбивой супру
своей.—Неужели Россія довела несчастную Польшу до т
кого жалкого состоянія? Скажите, ради Бога, чѣмъ пр
винилась Россія, если Промыслу угодно было отдать
третью часть Польши?

Сколько противорѣчія было между именемъ *іезуито*
и дѣлами ихъ, столько же — между именемъ уніи и
проявленіями: не *соединеніе*, а разрывъ и междуусоб
внесла унія въ Польшу. — Территорія Польши была
большая; жителей въ ней, настоящихъ поляковъ, было
много; а потому умные поляки давно уже были убѣждены
что маленькому отечеству ихъ не можно существовать
соединившись съ Россіей, — если на первый разъ не
всею, то, по крайней мѣрѣ, съ тою частью сосѣдней Ро
сіи, которая тогда называлась Вел. Литовско-русским
княжествомъ (*). Ягелло положилъ первое основаніе та
кому соединенію, а на люблинскомъ сеймѣ 1569 года, по
видимому, было довершено соединеніе двухъ народовъ
польскаго и русскаго, въ одно политическое тѣло. Поля
ки уже начали—было сообщать жителямъ присоединенных
областей свой безобразный образъ правленія и пріучал
ихъ къ польской вольности; самый языкъ русскій въ тѣх
областяхъ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе уже портил
ся отъ смѣшенія съ польскимъ языкомъ. Оставалась по
камѣстъ неприкосновенною только русская, греко-восточна
вѣра, которая, составляя главную стихію русской націо
нальности, сильно напоминала этимъ областямъ о древ
немъ единеніи ихъ съ московскою Русью. Поляки рѣши
лись стушевать и эту черту русской національности, т. е
обратить литовскую Русь восточнаго исповѣданія къ рим
скому исповѣданію. Средствомъ къ этому они избрали—
унію. Встрепенулась вся литовская Русь; поднялись ко
заки, началась рѣзня, запылали города и села, полилась

(*) Состоявшимъ изъ нынѣшнихъ русскихъ губерній: Виленской, Ковенской Минской, Гродненской, Витебской, Могилевской, Черниговской, Кіевской, Волынской и Каменецъ-подольской.

христіянская кровь!... Увольняемъ себя отъ описанія ужасовъ уніи; только укажемъ вамъ, братья — поляки, на кровавыя тѣни Косинскаго, Наливайки, Павлюка, Остряницы, Даніила Кушнира и на запертые православно—*христіанскіе храмы, отданные поляками на откупъ жидамъ...* Довольно! — Надобно имѣть безпримѣрное въ исторіи безстыдство, чтобы доказывать, будто Россія виновна въ погибели Польши.—

Неизбѣжность этой погибели, по причинѣ рѣшительной неспособности Польши существовать, была такимъ настоятельнымъ требованіемъ времени, что еще въ царствованіе Сигизмунда III молдавскій господарь *Михаилъ* задумалъ—было раздробить Польшу—съ тѣмъ, чтобы Россіи отдать Литовское княжество, Швеціи Ливонію, Австріи Браковскую область, а остальную часть присоединить къ Молдавіи. Неизвѣстно, чѣмъ бы кончилось это предпріятіе, если бы тогда не спасъ Польшу доблестный Замойскій, который, при изумительной апатіи Рѣчи Посполитой къ угрожавшему ей уничтоженію, собралъ на свои счетъ войско и разбилъ Михаила. Даже султанъ турецкій понималъ, что Польшѣ нельзя существовать больше и, въ 1770 году, предлагалъ австрійскому посланнику Тугуту раздѣлить Рѣчь-Посполитую между Австріей и Турціей. Какъ будто нарочно для того, чтобъ еще болѣе усилить въ Европѣ всеобщее убѣжденіе въ необходимости уничтоженія Польши, тогдашніе поляки — конфедераты сперва объявили своего короля Станислава Августа лишеннымъ престола, а потомъ напали на него среди улицы и хотѣли — было язять его въ плѣнъ.—

При такихъ вопіющихъ признакахъ посягательства Польши на всякое безчиніе, на цареубійство и даже на самоубійство, сосѣднія государства, естественно, должны были подумать, изъ чувства состраданія и самосохраненія, объ укрощеніи Польши. Вотъ—императрица австрійская Марія-Терезія повелѣла своимъ войскамъ занять польскую область,—староство Спижское съ соляными копями Велички и Босніи; а Фридрихъ II, король прусскій ввелъ свое войско въ воеводства Кульмское и Познанское.... Совер-

шился первый раздѣлъ Польши!.. При этомъ случаѣ Бѣлая Россія возвратилась отъ Польши къ прежнему своеı соединенію съ Великою Россіей, и Россійская имперія (сл шайте!) не взяла себѣ отъ Польши *ни одной пяди пол ской земли,* а только возвратила *свою* Бѣлоруссію.

Послѣ перваго раздѣла, Польша еще оставалась самобы ною съ пространствомъ болѣе 10 тысячъ квадр. миль и 8-ю милліонами жителей. Наказаніе вразумило ее толы на 12 лѣтъ,—съ 1775 по 1788 годъ, въ продолженіе эт го времени она наслаждалась тишиною, безпримѣрною в ея исторіи. Но дальнѣйшій срокъ благоразумія и тиш ны былъ не по силамъ тогдашнимъ полякамъ: вскорѣ п слѣ того они разсорились между собой и распочали стра ное междоусобіе за *конституцію 3-го мая.* Одна ко федерація выступала противъ другой и, безъ сомнѣнія перерѣзали бы одна другую, если бы сосѣднія державы, *п соглашенію самихъ поляковъ,* не вмѣшались въ это дѣл Такимъ образомъ—послѣдовалъ *второй раздѣлъ Польши* при которомъ Россія также (слушайте! слушайте!) *не взя ла себѣ ни одной пяди польской земли,* а только воз вратила себѣ свои природныя русскія области: *волын скую, подольскую* и *минскую.*

И послѣ втораго раздѣла поляки, къ удивленію и к сожалѣнію, не поняли, *кто* и *что* было причиною несча стія ихъ и, въ своемъ заблужденіи, считали всему вино Россію! Въ безсильной злобѣ своей, они напали на безо ружныхъ русскихъ солдатъ въ ихъ квартирахъ, и зарѣзали болѣе двухъ тысячъ человѣкъ.... Послѣ сего, въ предсмертныхъ судорогахъ ярости, возстала вся Польша противъ сосѣднихъ державъ и преимущественно противъ Россіи. Кровь зарѣзанныхъ ею русскихъ воиновъ вопіяла на небо.... Finis Poloniae, сказалъ самъ диктаторъ Польши Косцюшко, и... эта несчастная сестра Россіи испустила послѣднее дыханіе.... —При этомъ третьемъ, окончательномъ раздѣлѣ, Россія опять—таки (слушайте! слушайте! слушайте!) *не прикоснулась къ родовитой польской землѣ,* а возвратила себѣ отъ Польши свои древнія области *литовскую* и *гродненскую*, да къ нимъ присоединила

еще Курляндію, которая никогда не составляла существенной части Рѣчи-Посполитой, а зависѣла только отъ нея по ленномъ правѣ. Напрасно вы, поляки, называете *«забраннымъ краемъ»* тѣ русскія коренныя провинціи, которыя, по троекратномъ раздѣлѣ Польши, возвратились изъ-подъ польскаго ига къ прежнему своему соединенію съ Великою Россіей: это—*возвращенный край*, а не «забранный»; это—коренная, древняя Русь, случайно, во время татарскаго погрома, подпавшая власти литовскихъ князей, и потомъ, съ своими князьями, попавшая въ союзъ съ Рѣчью-Посполитою, которая не умѣла дорожить этимъ союзомъ и безпримѣрно угнетала бѣдную Русь. Жители этихъ русскихъ областей, возвратившись въ давно-желанное ими соединеніе съ единокровною себѣ Россіей, благословляли и доселѣ благословляютъ свою судьбу. За что же вы не любите насъ? Неужели за это?.. Но мы еще разъ повторяемъ вамъ, что при всѣхъ трехъ раздѣлахъ вашей Польши Россія не взяла себѣ *ни одной пяди польской земли!* Вся польская земля была тогда раздѣлена между нѣмцами и ваша столица Варшава досталась тогда пруссакамъ.

Если бы Варшава доселѣ находилась во власти нѣмцовъ, какъ была послѣ послѣдняго раздѣла до учрежденія эфемернаго Варшавскаго герцогства, то на свѣтѣ уже давно бы не было поляковъ; всѣ они уже превратились бы въ нѣмцовъ, и всѣ эти паны Заржембскіе и Пршибыльскіе давно бы съ гордостью назывались *фонъ-Зарембергими* и *фонъ-Прибильгофами*. Но—Наполеону І-му, при его непрестанныхъ войнахъ, нужно было учредить между поляками постоянное депо рекрутъ для комплектованія своей арміи; вотъ онъ, изъ отнятыхъ имъ у Пруссіи и Австріи польскихъ провинцій, и устроилъ такое депо подъ именемъ *Варшавскаго герцогства*. Надежды поляковъ воскресли! Мечты разыгрались! И они смотрѣли на Наполеона, какъ на будущаго возстановителя всей бывшей ихъ Рѣчи Посполитой.—Напрасныя надежды!...

Съ паденіемъ Наполеона, пало и Варшавское герцогство.—Наступила рѣшительная для поляковъ минута: *быть или не быть?!!* Божіей волею, Александръ Благословен-

ный сказалъ на вѣнскомъ конгрессѣ: *быть,*—и явилось *Царство Польское,* съ своимъ собственнымъ благоустроеннымъ войскомъ, съ арсеналомъ, съ сенатомъ, университетомъ, съ казначействомъ полнымъ денегъ, и съ прочими принадлежностями благоустроеннаго царства.—*Неужели вы, поляки, за это не любите Россію ??* Вы же сами называли нашего Благословеннаго «*Воскресителемъ Польши !*

Десятилѣтнее существованіе Царства Польскаго подъ правленіемъ всероссійскаго императора Александра I-го было самымъ счастливымъ, безпримѣрно - счастливѣйшимъ временемъ во всей польской исторіи. Ну, почему бы вамъ, братья—поляки, не продолжать такъ жить, какъ жили въ эти десять лѣтъ?.. Нѣтъ! вамъ захотѣлось чего-то лучшаго, мечтательнаго и несбыточнаго. Вы забыли, что le mieux est l'ennemi du bien, и—давай бунтовать противъ благодѣтельной вамъ Россіи!.... Вамъ никто и ничѣмъ не можетъ угодить; сколько вамъ ни давай, вамъ все кажется мало; вамъ не угодила даже и автономія, дарованная вамъ во время управленія Царствомъ маркиза Велепольскаго.. Не будемъ разстравлять вашихъ, несчастные братья, горячихъ ранъ воспоминаніемъ о вашихъ революціяхъ противъ русскаго правительства... Вы безотвѣтны предъ судомъ исторіи и потомства, такъ точно какъ безотвѣтны и на слѣдующій вопросъ: *за что вы не любите Россію?!*

Г. Нѣжинъ.

IV.

ЗАПИСКИ ВОЛОСТНАГО ПИСАРЯ *).

Прибывъ изъ внутреннихъ великороссійскихъ губерній на службу въ сѣверо-западный край, я посланъ былъ на должность волостнаго писаря въ м. С—ву, ...скаго уѣзда. Пріѣздъ мой и назначеніе меня на должность совпало съ тѣмъ временемъ, когда энергическія мѣры, бывшаго тогда начальника края уже сильно охладили кипучую кровь польскихъ патріотовъ и, слѣдовательно, когда, вопреки всѣмъ опасеніямъ моихъ родныхъ и знакомыхъ, жизни и личности моей вообще не угрожала никакая опасность. Но все таки, уѣхать за тысячу верстъ отъ родины, почти лишиться надежды когда нибудь опять увидѣть ее и поступить на незавидную должность волостнаго писаря, мнѣ было очень и очень тяжело; но когда я увидѣлъ себя въ кругу людей не только мирныхъ, но даже уже черезъ чуръ запуганныхъ и забитыхъ, когда я узналъ, что мнѣ пришлось имѣть дѣло не съ польскими патріотами, а съ простыми людьми, не измѣнявшими Россіи, сердце мое успокоилось.

Съ замираніемъ сердца взглянулъ я на новое мѣсто моего жительства; когда пара еврейскихъ лошадокъ притащила меня къ крылечку волостнаго правленія. Съ сильнымъ душевнымъ волненіемъ переступилъ я порогъ новаго, непривлекательнаго моего жилища; съ невольнымъ страхомъ встрѣтился я съ тѣми лицами, отъ милости которыхъ зависѣло мое благополучіе. Мнѣ показалось, что и тѣ то лица встрѣтили мою особу съ непонятными для меня въ то

*) Волостные писаря, по своей близости къ народу, могли бы при всей скромности своей профессіи, подарить нашу прессу «весьма интересными наблюденіями.»

Ред.

время чувствами не то сомнѣнія, не то опасенія. Впрочемъ, въ это время въ волостномъ правленіи собственно было одно лицо, которое встрѣтило меня съ неподдѣльнымъ испугомъ. Да, помню тебя, мой незабвенный предмѣстникъ, панъ Б—ичъ! когда руки твои принимали отъ меня роковой сѣрый полулистикъ мироваго посредника...

Въ мірѣ житейскихъ суетъ все смѣняется одно другимъ: радость смѣняется слезами, слезы радостію. Зналъ я это твердо на—твердо и, заручившись этою опытною истиной, сталъ утѣшать себя: что бываетъ съ другими, будетъ и со мною; послуживъ немного, я забуду первыя непріятныя впечатлѣнія, привыкну къ своему положенію и, Богъ дастъ, все пойдетъ хорошо. Новыя лица, неизвѣстныя мнѣ обычаи и нравы жителей этого края давали поводъ молодому воображенію моему рисовать въ будущемъ пріятныя и утѣшительныя картины; но не такъ вышло: восемь мѣсяцевъ службы волостнымъ писаремъ было такимъ тяжелымъ для меня временемъ, которое нести еще разъ въ жизни я бы ни за какія блага не рѣшился.

Какъ ни странно, а приходится начать разсказъ свой съ погоды, потому что она имѣла огромное вліяніе и на мое здоровье, и душевное настроеніе. И такъ, въ первые дни моего служенія писаремъ, погода стояла самая непріятная и скучная; это были обманчивыя первыя числа апрѣля мѣсяца. Какъ быть, чѣмъ заниматься въ свободное время отъ службы? О книгахъ нечего и говорить, такъ какъ ихъ не имѣлось ни у кого изъ обывателей мѣстечка, исключая, конечно, книгъ въ родѣ польскихъ молитвенниковъ, катихизисовъ, или букварей. Нужно было завести знакомство, но съ кѣмъ? Ближе не было ко мнѣ человѣка по мѣсту жительства, какъ мой предмѣстникъ Б—ичъ. Онъ одинъ только могъ бы сколько нибудь помочь коротать время, которое подвигалось впередъ невыносимо лѣниво. Б—ичъ не отказался быть моимъ знакомымъ, онъ даже самъ заискивалъ моего знакомства.

Наружность Б—ича очень обыкновенная; зачесывалъ волоса онъ по извѣстной причинѣ съ затылка и висковъ на макушку, хотя ему лѣтъ было и не много. Лицо полное, глаза маленькіе, блестящіе и какъ будто масляные; Б—ичъ носилъ огромные длинные усы, что придавало его лицу нѣчто воинственное. Самъ про себя онъ разсказывалъ, что онъ трусъ; сильно побаивался начальства,

въ особенности когда-то бывшаго мировымъ посредникомъ нѣкоего В—каго; но я ему не вѣрилъ: онъ только остороженъ и хитръ Одежда Б—ича изъ домашняго сѣраго сукна, сапоги съ длинными голенищами и въ придачу шапка изъ сѣрыхъ барашковъ, говорилъ Б—ичъ всегда тихо, мягко, сквозь зубы и часто употреблялъ въ разговорахъ предлогъ *съ*, неизвѣстно отъ кого усвоенный имъ. Б—ичъ, съ своей точки зрѣнія, понималъ свое дѣло очень хорошо и исполнялъ писарскія обязанности усердно. Каждая дѣловая бумажка, побывавшая въ его рукахъ была аккуратно пришита къ прочимъ бумагамъ. Порусски писалъ онъ не совсѣмъ правильно. Онъ также не много музыкантъ: умѣлъ играть на скрипкѣ, предлагалъ и мнѣ пользоваться своимъ инструментомъ. Кромѣ этого мнѣ не отказывалъ въ самоварѣ, даже самъ часто напоминалъ о немъ, когда наступало время чаепитія; но почти всегда отказывался выпить со мною стаканъ чаю. О происхожденіи своемъ Б—ичъ говорилъ, что онъ дворянинъ, только, за потерею документовъ на дворянство, герольдіей не утвержденъ въ этомъ почетномъ званіи; говорилъ еще, что онъ обучался въ гимназіи, но не кончилъ курса.

Жена Б—ича, хотя говорятъ, что онъ женился по любви, была очень дурна собою. Отличалась живымъ характеромъ, питала необыкновенную страсть къ сплетнямъ и держала мужа своего въ строгомъ повиновеніи. Почтенный мужъ сильно ея боялся; онъ ничего не смѣлъ дѣлать безъ ея позволенія, а во многихъ даже случаяхъ онъ не рѣшился бы и просить позволенія. Такъ, когда бывало кто нибудь позоветъ его въ корчму за весьма понятнымъ дѣломъ (Б—ичъ былъ не безъ грѣха), онъ долженъ былъ всячески хитрить, чтобы скрыть свое намѣреніе отъ зоркихъ глазъ своей супруги. Къ его ли благополучію или несчастію, только корчма находилась подъ самыми окнами волостнаго правленія; чтобы побывать въ корчмѣ, онъ, бывало, идетъ въ совершенно противоположенную отъ нея сторону, потомъ осторожно, разными закоулками, пробирается къ ней и заходитъ въ корчму задними воротами. Но и послѣ такихъ хитрыхъ предосторожностей, похожденія Б—ича рѣдко оставались тайною для его жены, а потому и безъ должнаго возмездія. Впрочемъ Б—ича я никогда не видалъ сильно пьянымъ.

Къ біографіи жены Б—ича можно еще прибавить, что, за ея сплетни и сварливость, сосѣди и сосѣдки ее не любили;

а частыя перебранки изъ за пустяковъ съ старухою—женою сторожа, ясно говорили, что она не могла жить безъ брани и сплетней. За дѣтьми она мало смотрѣла, мало заботилась объ ихъ чистотѣ и опрятности. Наконецъ дома и сама любила подъ часъ выпить горькаго, но корчмы не посѣщала: крестьяне обязаны были приносить ей на домъ.

Такъ вотъ съ какими личностями я прежде всего имѣлъ несчастіе познакомиться.

— Вы все скучаете, г. П.? обращался обыкновенно ко мнѣ Б—ичъ, появляясь въ моей комнатѣ.

— Да, г. Б—ичъ, мнѣ скучно. Увѣренъ, что и вамъ не весело: мое неожиданное появленіе на вашемъ мѣстѣ, чувствую, очень непріятно вамъ.

— Что же дѣлать-съ? ни вы, ни я тому не причиною... Если бы васъ на мое мѣсто не прислали, другаго бы прислали; мнѣ все равно—больше не служить.

Послѣ такого отвѣта, г. Б—ичъ держитъ бывало рѣчь къ отсутствующимъ мятежникамъ, какъ виновникамъ его несчастія, ублажая ихъ разными энергическими наименованіями.

Однако, отзываясь неласкаво о мятежникахъ, почти безъ повода къ тому съ моей стороны, на болѣе подробные вопросы о мятежѣ, какъ напримѣръ: кто изъ пановъ больше принималъ въ немъ участія, дѣйствовалъ и побуждалъ къ мятежу, Б—ичъ отказывался отвѣчать подъ благовиднымъ предлогомъ не знанія. Спросишь бывало его: за что такой-то ксендзъ арестованъ, за что имѣніе такого-то помѣщика секвестровано или конфисковано, за что штрафована такая-то пани, Б—ичъ отвѣчалъ общими мѣстами: говорятъ за то, что допустилъ пѣніе возмутительныхъ гимновъ въ костелѣ, а вѣрно не знаю; говорятъ, что доставлялъ провизію мятежникамъ, да многіе увѣряютъ, что это не правда; говорятъ за то, что носила трауръ, пѣла гимны въ костелѣ, но я не видалъ ее въ траурѣ, не слыхалъ ея пѣнія. Такъ отдѣлывался Б—ичъ. Быть можетъ онъ и не принималъ въ мятежѣ фактическаго участія, но быть можетъ что онъ сочувствовалъ мятежникамъ, нѣкоторые же изъ его родственниковъ открыто принадлежали къ мятежу и взяты въ плѣнъ, по разбитіи шаекъ русскими войсками.

О крестьянахъ Б—ичъ отзывался также не дружелюбно: «Это грубый, необразованный, неблагодарный народъ! вопіялъ онъ. За-

мѣчательно, что отзываясь такъ о крестьянахъ за глаза, въ глаза онъ льстилъ имъ и при томъ безъ всякаго къ тому повода и основанія. Вообще Б—ичъ человѣкъ ловкій и практичный. Крестьяне разсказывали, что онъ, до поступленія на должность писаря, промышляя обученіемъ крестьянскихъ дѣтей польской грамотѣ, былъ голъ какъ соколъ, когда же сдѣлался волостнымъ писаремъ, въ короткое время успѣлъ прилично устроиться, обзавестись и коровами и другими животными. Такое счастье, при очень ограниченномъ жалованьи, можетъ быть объяснено только умѣньемъ служить. За то многіе изъ крестьянъ были просто безъ души отъ угодливости Б—ича: онъ и прошенія имъ строчилъ, и волостные порядки превосходно велъ, да и не брезгалъ выпить съ ними. Комната его постоянно была набита крестьянами: о чемъ они тамъ совѣщались, одному Богу извѣстно.

Какъ-то, въ самомъ началѣ моей службы, проѣзжалъ чрезъ м. С—ву одинъ изъ чиновниковъ и остановился у ксендза. Въ С—вѣ ему нужно было перемѣнить лошадей и сторожъ отправился за ними въ деревню. Только проходитъ часъ, проходитъ другой и третій, наступаетъ и вечеръ, а лошадей все нѣтъ, да нѣтъ.

Синкевичъ! (фамилія сторожа) скоро ли лошади придутъ? неоднократно спрашивалъ я сторожа.—«Не вѣдаю», неоднократно, отвѣчалъ мнѣ сторожъ. Иди опять за лошадьми,—и Синкевичъ опять пойдетъ. Однакожъ путешествія Синкевича были безуспѣшны: лошадей все нѣтъ, а ночь на дворѣ; чиновникъ, не обращая ни на что вниманія, требуетъ лошадей. Наконецъ вижу, что мнѣ самому приходится идти въ древню за лошадьми и проводить поскорѣе разгнѣвавшагося чиновника, и пошелъ я вмѣстѣ со сторожемъ; общими усиліями достали лошадей. Возвращаясь домой, сторожъ обратился ко мнѣ съ слѣдующимъ вопросомъ:

— Вамъ извѣстно, что крестьяне хотятъ подать на васъ прошеніе мировому посреднику?

— Нѣтъ не слыхалъ.

— Б—ичъ ужъ и прошеніе имъ приготовилъ.

— Чтожъ онъ писалъ въ прошеніи?

— То, что крестьянѣ не хотятъ имѣть васъ писаремъ;—для нихъ любъ прежній.

— Если меня крестьяне хотятъ смѣнить, Б—ичу все таки не

придется занять мое мѣсто; потому что другаго русскаго пришлють, добавилъ я Синкевичу.

— Хвала Богу! воскликнулъ сторожъ.

— Чтожъ, развѣ не хорошъ былъ для тебя Б—ичъ?

— Еслибъ вы, паничъ, знали, сколько зла дѣлаетъ мнѣ этотъ панъ Б—ичъ, какъ зла его жена, то поняли бы, какъ я съ моею старухою радъ, что намъ прислали русскаго писаря!.. Не дай Боже, чтобы тебя отъ насъ отняли!

— Не безпокойся, Синкевичъ, просьбу крестьянъ въ этомъ случаѣ посредникъ не уважитъ.

— Вотъ что еще, паничъ! крестьяне говорятъ: если посредникъ не разберетъ нашей просьбы, мы подадимъ и губернатору, а все таки настоимъ, что его не будетъ.

— Я сказалъ тебѣ: если меня не будетъ, вѣдь и Б—ича не будетъ,—русскаго опять пришлютъ.

Старикъ какъ будто успокоился.

Синкевичъ былъ крѣпостнымъ, помѣщикъ хотѣлъ сдать его въ рекруты, но онъ избавился отъ рекрутчины тѣмъ, что у него не было на правой рукѣ двухъ пальцевъ. Въ свое время онъ былъ веселый, развеселый *хлопецъ* и пьяница; но однажды зимою, хвативъ черезъ чуръ, онъ едва не замерзъ въ полѣ и съ тѣхъ поръ перестал навсегда пить водку. Когда то онъ былъ высокій стройный дѣтина, а теперь сталъ сгорбленный, беззубый семидесятилѣтній старецъ. Отъ всего прежняго Синкевича осталось только то, что онъ подъ часъ пошутитъ, подъ часъ затянетъ какую нибудь русскую пѣсню,—запоетъ хорошо, весело, непринужденно, вспоминая свою молодость, а кончитъ грустно и многознаменательными словами: «О! когда-то я былъ!.»

Извѣстіе, сообщенное сторожемъ, не показалось мнѣ новостью: я былъ увѣренъ, что не обойдется безъ интриги и происковъ. Всѣ крестьяне С—ской волости—римско-католики и, естественно, послѣ фанатической пропаганды, не могли сразу почувствовать довѣрія къ русскому человѣку, я долженъ быть безъ вины виноватъ. Я понималъ, что прошеніе крестьянъ останется безъ успѣха, потому что всѣмъ извѣстно, что писарей поляковъ велѣно удалять отъ должности. При томъ, какую уважительную причину могъ выставить Б—ичъ въ прошеніи крестьянъ за что бы слѣдовало меня отставить? Я сознавалъ, что поведеніе мое было безупречно, что

канцелярскій порядокъ велъ я исправно; а что крестьянамъ нравился Б—ичъ, а не я, эта причина мнѣ казалась слишкомъ недостаточною къ увольненію меня.

Тѣмъ не менѣе извѣстіе сторожа нѣсколько меня огорчило; я досадовалъ не столько на Б—ича, сколько на самаго себя; я расканвался даже и въ томъ, что поѣхалъ въ этотъ край на службу.

Однако, едва прошло первое впечатлѣніе, какъ я одумался и на другой же день, послѣ разговора со сторожемъ, я даже виду не подалъ Б—ичу, что знаю его замыслы; мои наружныя отношенія къ нему ни сколько не измѣнились.

Все это происходило передъ самымъ праздникомъ Пасхи.

Первые дни этого праздника я провелъ въ Вильнѣ. Какъ встрѣтилъ и провдилъ я праздникъ, объ этомъ говорить много не стоитъ. Изъ нѣсколькихъ рублей, которые имѣлъ я, ко времени возвращенія изъ Вильны въ С—ву у меня осталось нѣсколько лишь копѣекъ, на которыя нужно было жить болѣе мѣсяца до полученія жалованья. Такія стѣснительныя обстоятельства невольно вызывали въ моемъ духѣ самыя мрачныя размышленія: въ головѣ моей возникалъ страшный вопросъ: чѣмъ буду я существовать, если меня, по просьбѣ крестьянъ, лишатъ и писарской должности? Къ счастію, дѣло мое приняло благополучный для меня исходъ.—Возвращаясь изъ Вильны, я заѣхалъ къ мировому посреднику узнать, не будетъ ли отъ него какихъ бумагъ или распоряженій. Вхожу въ переднюю, которая исправляла въ тоже время и должность канцеляріи посредника; посредникъ сидитъ на диванѣ, куритъ и читаетъ какую-то бумагу; передъ нимъ стоитъ С—скій старшина.

— Имѣю честь...

— Добро пожаловать, перебилъ меня посредникъ... Послушайте, началъ опять онъ,—вотъ вы не успѣли поступить на должность, а крестьяне ужъ жалобы подаютъ на васъ... Такъ не годится служить! Вы обязаны жить согласно съ крестьянами, они вѣдь вамъ за труды платятъ, сколько вы получаете съ нихъ?

— Сто рублей и четыре четверти ржи. Позвольте узнать: за чтоже жалуются на меня крестьяне?

Прочитай.

При этихъ словахъ посредникъ передалъ мнѣ прошеніе крестьянъ и тетрадку, содержаніе которой сейчасъ я объясню. Крестьянамъ выдавались изъ казначейства окладные листы съ обозна-

ченіемъ количества оброка, слѣдуемаго ко взносу съ каждаго сельскаго общества въ пользу помѣщиковъ; а затѣмъ крестьяне сами должны были дѣлать раскладку, по скольку оброка приходилось на каждаго хозяина, пользующагося надѣломъ земли. Эта тетрадка и содержала въ себѣ сказанную раскладку оброка, когда каждому изъ нихъ нужно было записывать въ выданныя имъ книжки взносимую повинность, и, для ускоренія дѣла и по другимъ соображеніямъ, на этой тетрадкѣ ставилъ мѣтку изъ маленькаго креста противъ тѣхъ, кто уплатилъ оброкъ, ни чуть не подозрѣвая, что изъ за этихъ крестиковъ можетъ выйдти непріятность. Прочиталъ я прошеніе, осмотрѣлъ и тетрадь. Прошеніе состояло въ томъ, что вотъ мы де крестьяне, вѣрные своему правительству и послушные властямъ, желаемъ, что бы у насъ былъ писаремъ опять Б—ичъ, а назначеннаго вновь, т. е. меня, мы не хотимъ, такъ какъ онъ порядковъ нашихъ не знаетъ. Почему и просимъ в. в—діе сдѣлать свое начальничье распоряженіе по сему предмету. За тѣмъ слѣдуютъ подписи человѣкъ семидесяти крестьянъ, изъ коихъ многіе, быть можетъ, и не думали подавать на меня прошеніе. Нечего говорить, что сочинялъ и переписывалъ даже прошеніе мой предшественникъ Б—ичъ, по всей вѣроятности, не предполагавшій что мнѣ придется его сочиненіе читать у посредника и даже встрѣтиться тамъ глазъ на глазъ съ старшиною.

— Ну, чтоже ты скажешь на это? обратился ко мнѣ посредникъ, когда замѣтилъ, что я кончилъ читать прошеніе.

— Прошеніе это сочинялъ и переписывалъ Б—ичъ: я хорошо знаю, какъ онъ сочиняетъ и переписываетъ. Также знаю, и то, что онъ же и научилъ крестьянъ подать на меня прошеніе.

— Мнѣ дѣла нѣтъ до того, кто писалъ и переписывалъ прошеніе,—вопросъ въ томъ: зачѣмъ вы испачкали нужную и важную бумагу? Посредникъ началъ горячиться.

— Я не вижу, чтобъ эта бумага на столько была неприкосновенной, чтобы я могъ отвѣчать за сдѣланныя мною на ней, едва замѣтныя и для меня нужныя, помѣтки. Позвольте вамъ доложить; что тетрадь эта ни кѣмъ даже не скрѣплена, стало быть я могу переписать ее, если это только нужно или вамъ угодно.

Посредникъ недовѣрчиво осмотрѣлъ тетрадь, покачалъ головою, потомъ съ ногъ до головы осмотрѣлъ меня, наконецъ старшину, который безмолствовалъ какъ рыба, изрѣдка только почесы-

валъ затылокъ и откашливался осторожно въ кулакъ; наконецъ посредникъ улыбнулся и сказалъ.

И въ самомъ дѣлѣ, старшина, бумага-то неважная,—изъ чего же ты съ крестьянами поднимаешь такую тревогу? Меня только напрасно отрываете отъ дѣла и писаря своего хотите очернить напрасно. Онъ не маленькій,—посредникъ указалъ на меня,—чтобы не понималъ своего дѣла... а когда подольше послужитъ, вы увидите, что онъ лучше стараго вашего писаря. Только вотъ что, старшина! скажи крестьянамъ, чтобъ они жалованья—то ему прибавили... сто рублей маловато.

— Я, баринъ, постараюсь.

Старшина, съ согласія самаго посредника, называлъ его бариномъ потому, что многіе изъ крестьянъ, объясняясь съ нимъ величали его и сіятельствомъ, и превосходительствомъ.

— Ну то-то, постарайся. Да смотри, чтобы впередъ подобныхъ прошеній я не видалъ!— А тому писарю скажи, чтобы онъ квартиру себѣ искалъ, ему давно пора оставить волостное правленіе. Слышишь?

— Слушаю, баринъ!... Я не виноватъ, что крестьяне подали прошеніе; я давно имъ говорилъ, что изъ этого ничего не выйдетъ, сколько бы они не просили.

— Ты вѣдь слышалъ распоряженіе начальства, чтобы поляковъ писарями не держать: они только мутятъ крестьянъ.

— Слушаю, баринъ! А крестьянамъ что сказать? Вѣдь они послали меня съ прошеніемъ.

Крестьянамъ я бумагу напишу. Теперь идите съ Богомъ, да живите ладно, не ссорьтесь. А вы, молодой человѣкъ дѣла ведите такъ, чтобъ и вамъ и другимъ было хорошо.

Нечего говорить, что эта сцена у посредника была далеко мнѣ не по душѣ. Я съ трудомъ могъ удержаться, чтобы не заплакать, а скрывалъ слезы потому, что мнѣ казалось стыдно плакать при свидѣтеляхъ. Всю дорогу отъ Вильны до С—вы я ѣхалъ въ самомъ мрачномъ настроеніи духа. Кромѣ служебныхъ непріятностей, сама природа располагала меня къ безсознательной, но глубокой тоскѣ. Скучно было ѣхать по пустынной, каменистой дорогѣ. Свинцовое небо, порывистый вѣтеръ, однообразный цвѣтъ сосенъ и елей, иногда ветхія хатки возлѣ дороги,—все это такъ тоскливо смотрѣло мнѣ въ глаза, что просто плачь—да и только.

Подъ конецъ дороги, когда горе мое не много поутихло, я старался разговориться съ крестьяниномъ, который везъ меня.

— Паничу скучно, началъ крестьянинъ.

— Отъ чего же быть веселому? спросилъ его въ свою очередь.

— Извѣстное дѣло, когда паничъ одинъ, а то все чужіе.

— Скажи, пожалуйста, перебилъ я его;—ты знаешь, что на меня крестьяне подали прошеніе?

— Слышалъ, да не знаю о чемъ они тамъ писали.

— Ты изъ какой деревни?

— Изъ М—шекъ.

— А имя твое?

— Винцентій Томашевичъ.

— Ты подписывался подъ прошеніемъ?

— Нѣтъ, я не подписывался, а должно быть сами подписали.

— Кто сами?

— Извѣстное дѣло кто, они? Б—ичъ и крестьяне.

— А ктожъ научилъ крестьянъ подать на меня прошеніе,—вѣрно, Б—ичъ?

— Извѣстное дѣло онъ, ктожъ больше?.. Я тогда бывъ, когда крестьяне говорили, что вотъ молъ молодой писарь порядковъ нашихъ не знаетъ и съ нами не хочетъ знаться. И Б—ичъ тоже самое говорилъ, а тотъ крестьянинъ, которому паничъ сказалъ, чтобы онъ въ канцеляріи трубки не курилъ, да въ шапкѣ не сидѣлъ, первый подхватилъ, что намъ не нужно такого писаря... Ну и присудили всѣ: писать, такъ писать!

— Ты былъ тогда въ волостномъ правленіи, когда я сказалъ тому крестьянину, чтобы онъ не курилъ трубки и не сидѣлъ въ шапкѣ въ волостномъ правленіи?

— Былъ, я оброкъ тогда приносилъ.

— А если бы ты случился на мѣстѣ того крестьянина, обидѣлся ли бы, если бы тебѣ сказали, что тутъ не мѣсто курить трубку и не годится сидѣть въ шапкѣ?

— Извѣстное дѣло, когда паничъ сказалъ, то нужно слушать.

— Я объяснилъ Томашевичу, съ какимъ уваженіемъ они должны относиться къ мѣсту ихъ судилища, и Томашевичъ не преминулъ и на этотъ разъ вполнѣ со мною согласиться.

Нельзя тутъ не замѣтить объ одной общей чертѣ крестьянъ этого края, чертѣ, какъ мнѣ кажется весьма знаменательной. Здѣ-

ній крестьянинъ повидимому, всегда соглашается съ мнѣніемъ лица, которое имѣетъ надъ нимъ власть или стоитъ выше его въ умственномъ развитіи. Онъ никогда не станетъ противорѣчить, но за то и на самомъ дѣлѣ убѣдить его въ чемъ нибудь маломальски выходящемъ изъ круга его понятій почти невозможно. «А такъ, пане! Разумѣю, пане»! Вотъ всѣ его отвѣты на самые убѣдительные и на самые очевидные доводы. Слыхалъ я отъ одного духовнаго лица про одинъ случай, бывшій въ Жировицахъ еще во времена уніи. Въ первый день Пасхи на литургіи читали евангеліе нѣсколько священниковъ, на разныхъ языкахъ, между прочимъ, и на еврейскомъ языкѣ. Читавшій на этомъ языкѣ привлекъ всеобщее вниманіе стоящихъ въ церкви, такъ что его плотно окружили слушатели—крестьяне. Въ промежуткѣ чтенія, читавшій священникъ замѣтилъ между слушателями его окружавшими-крестьянина, съ особеннымъ вниманіемъ слѣдившаго за чтеніемъ, и спросилъ у него: понялъ ли онъ, что сейчасъ читалось?—«А якже, пане! понялъ»,—отвѣтилъ простодушно крестьянинъ.

И Томашевичъ не былъ исключеніемъ изъ общаго правила: онъ во всемъ соглашался, но едва ли чему нибудь вѣрилъ. Съ такимъ собесѣдникомъ долго вести разговоръ невозможно и потому до самаго мѣстечка, между мной и Томашевичемъ длилось безмолвіе, изрѣдка нарушаемое только понуканіями, обращаемыми къ лошадямъ.—Хвала Богу! вотъ видно и костелъ,—и Томашевичъ указалъ кнутовищемъ на виднѣвшееся вдали высокое, бѣлое зданіе съ красною крышею.

Открытіе Томашевича мнѣ было очень пріятно; дорога, хоть и недальняя, утомила меня; холодъ становился все чувствительнѣе, такъ что я съ большимъ удовольствіемъ сталъ мечтать о теплѣ и покоѣ. Еще какихъ нибудь полчаса — и я въ своей квартирѣ. Отблагодаривъ чѣмъ могъ Томашевича и простившись съ нимъ, я, входя въ свою комнату, на порогѣ встрѣтилъ сторожа Синкевича, объявившаго мнѣ, что онъ для моего пріѣзда печь натопилъ жарко, а то, дескать, паничъ перезябъ въ дорогѣ, такъ ему треба согрѣться. Не успѣлъ я раздорожиться, какъ явился панъ Б—ичъ, а за нимъ и другая важная персона, панъ Я—на, о которомъ мнѣ придется еще говорить. Оба пана, судя по ихъ довольнымъ физіономіямъ и нетвердымъ ногамъ, какъ видно проводили время предъ моимъ пріѣздомъ не скучно:

— Мое ушанован... мое почтеніе, запѣлъ панъ Б—ичъ, между тѣмъ какъ панъ Я—на утиралъ губы, приготовляясь къ изліянію своихъ чувствъ въ поцѣлуяхъ.

Здравствуйте, г. Б—ичъ,—отвѣтилъ я съ возможною сухостію, желая избѣжать дальнѣйшихъ любезностей; но это не помогло: поцѣлуи противъ моей воли посыпались безъ счету. Я вполнѣ увѣренъ, что Б—ичъ, цѣлуя меня á lá іуда; съ своей стороны и я принималъ его лобзанія съ полнѣйшимъ отвращеніемъ, но нужно же было соблюсти приличіе: мы цѣловались до истомы. Послѣ Б—ича приступилъ ко мнѣ и панъ Я—на, еще издали протягивая не только руки, но и губы, не заботясь о томъ, пріятно ли другимъ лобызать измятую и вѣчно не бритую его физіономію, — отъ прикосновенія которой на лицѣ жертвы оставались разные слѣды. Мнѣ много разъ приходилось испытывать удовольствіе такихъ лобзаній.

— Что новенькаго слышно въ Вильнѣ? били у посредника?... началъ было закидывать меня вопросами панъ Б—ичъ.

— Вы прежде меня знаете о новостяхъ, разумѣя, конечно, тѣ, которыя касаются меня и васъ. Я хотѣлъ заразъ покончить съ Б—ичемъ, но онъ не понялъ, или не хотѣлъ понять меня.

— Что вы лукавите, г. Б—чъ! обратился я опять къ нему, и на этотъ разъ со всею откровенностію.—Будто не догадываетесь, о чемъ я говорю вамъ? Вы научили крестьянъ подать на меня прошеніе; это прошеніе сами же вы сочиняли и переписывали; я его собственными глазами видѣлъ и читалъ у посредника въ то время, когда тамъ былъ и старшина для подачи его. Вотъ вамъ доказательство, что я правду говорю. При этихъ словахъ я показалъ ему извѣстную тетрадку, — аргументъ моей неопытности. Вы ничего не можете сказать въ свое оправданіе ни слова. Ни одинъ крестьянинъ во всей волости не умѣетъ писать порусски, стало быть, только вы могли такъ безсовѣстно перетолковать имъ мои мѣтки на тетради, достать ее изъ шкафа и приложить ее къ прошенію,—и все это для того, чтобы сдѣлать вакантнымъ мѣсто волостнаго писаря и снова занять его.

Б—ичъ, во все время моей обличительной рѣчи, кривлялся на все-возможныя манеры, чтобы состроить невинную рожу; но на этотъ разъ притворство ему измѣнило: онъ могъ выразить на лицѣ своемъ что-то, чего я не могу передать. Панъ Я—на, который

во все время разговора издавалъ какіе-то неопредѣленнаго свойства звуки, по окончаніи его, дернулъ Б—ича за рукавъ, желая вѣроятно выразить этимъ, что имъ нечего больше со мною говорить. И точно Б—ичъ и Я—на поспѣшили оставить мою комнату, чему, безъ сомнѣнія, былъ я очень радъ.

Но этимъ дѣло не кончилось, хотя конецъ былъ не далеко. Б—ичъ и крестьяне еще почему-то имѣли надежду спихнуть меня съ должности. Поведеніе Б—ича, отсутствіе довѣрія и невыносимо дерзкое обхожденіе со мною нѣкоторыхъ крестьянъ, доказывали, что я еще не на мѣстѣ и что крестьяне все еще надѣются сбыть меня съ рукъ. Положеніе мое было такъ тяжело, что хотя я не имѣлъ ни копѣйки, ни куска хлѣба и ровно ничего въ перспективѣ, но я согласенъ былъ потерять мѣсто лишь бы не страдать. Распоряженіе посредника, чтобы крестьяне не смѣли безъ уважительной причины подавать прошенія на писарей, назначенныхъ правительствомъ, равно отказъ крестьянамъ въ ихъ прошеніи оставить прежняго писаря, обезоружили моихъ недоброжелателей, а Б—ичъ принужденъ былъ очистить квартиру. Нужно было видѣть Б—ича, какъ онъ перемѣнился, когда насталъ часъ разлуки со мною!

Съ отъѣздомъ Б—ича я сталъ покойнѣе; крестьяне ко мнѣ сдѣлались довѣрчивѣе, такъ что начали обращаться за совѣтами непосредственно ко мнѣ. Впрочемъ, не многосложныя обязанности волостнаго писаря, въ особенности въ рабочіе лѣтніе мѣсяцы, когда въ недѣлю едва ли кто изъ крестьянъ завернетъ въ волостное правленіе, исключая воскресныхъ и праздничныхъ дней,—оставляли мнѣ довольно времени, которымъ я могъ располагать по своему усмотрѣнію. Но какъ и на-что я могъ употреблять время? Прежде всего я пересмотрѣлъ и перечиталъ всѣ дѣловыя бумаги, имѣющіяся въ волостномъ правленіи отъ самаго его основанія, не исключая повѣстокъ тысяцкимъ и пятисоцкимъ о высылкѣ какой нибудь солдатки въ становую квартиру; перечиталъ по нѣскольку разъ всѣ циркуляры и распоряженія высшаго начальства; пробѣжалъ всѣ наличные №№ Виленскихъ Губернскихъ Вѣдомостей; со всѣми припечатанными въ нихъ объявленіями; но на все это не много потребовалось времени,—какихъ нибудь недѣли

двѣ. А дальше что? опять скука. Неистощимый по видимо[му] Синкевичъ, сторожъ и слуга мой, и тотъ истощилъ весь запас[ъ] своихъ свѣдѣній, которыя онъ собиралъ съ 1812 по 1864 годъ, и которыми дѣлился со мною на досугѣ.

Мнѣ хотѣлось познакомиться съ кѣмъ нибудь, кромѣ сторож[а] и пана Б—ича. Къ счастію моему, сосѣдъ мой ксендзъ С—каг[о] прихода не веселѣе меня проводилъ время. И онъ и я, н[е] смотря на разность убѣжденій — религіозныхъ и политическихъ, почти по неволѣ, протянули другъ другу руки и познакомились. Общими силами доставали мы въ Вильнѣ газеты и журналы хоть и отсталые, но на русскомъ языкѣ; читали, судили, спорили и все таки подъ часъ скучали, потому что и отъ этого удоволь[c]ствія времени оставалось довольно. За то въ праздничные дн[и] скучать рѣшительно было нѣкогда. Въ эти дни, съ ранняго утр[а] до поздней ночи, народу въ волостномъ правленіи всегда было. Кромѣ желанія побывать въ костелѣ, его влекло въ правлен[іе] или желаніе принести жалобу, или выслушать рѣшеніе, или усл[ы]хать какую нибудь новость, или, наконецъ, просто повидаться с[ъ] кумомъ или кумою и покутить въ корчмѣ, которая помѣщает[ся] какъ разъ противъ волостнаго правленія.

Содержаніе жалобъ крестьянъ С—ской волости не выходи[ло] изъ ряда обыкновенныхъ явленій крестьянскаго быта. Потравы причиненныя скотомъ сосѣда, побои, нанесенные недружелюбно[ю] рукою и наконецъ семейные раздѣлы. Разбирательство жалоб[ъ] производилось или избранными очередными судьями, или старш[и]ною, или цѣлымъ сельскимъ обществомъ, къ которому принад[ле]жали тяжущіеся. Разбирательство почти всегда было своеобразн[о], чтобы не сказать—нелѣпо. Всякій изъ присутствующихъ, был[ъ] ли то судья или посторонній зритель, при разбирательствѣ дѣл[а] признавалъ за собою право голоса и никто не признавалъ за с[о]бою обязанности молчать; поэтому при отправленіи волостна[го] правосудія, всегда былъ страшный крикъ и шумъ. Многія дѣ[ла] оканчивались миромъ, по нѣкоторымъ рѣшенія судей записывали въ книгу, но исполненія по нимъ никогда не производилось. Ина[че] виновнаго присуждали уплатить штрафъ деньгами, но онъ е[го] никогда не платилъ, и никто за этимъ не настаивалъ. Вод[ка] примиряла самыхъ ожесточенныхъ враговъ, хотя не надолго, нерѣдко — до слѣдующаго праздничнаго дня. Весьма часто и

приходилось видѣть такого рода случаи: обиженный клялся предъ людьми всѣмъ священнымъ, что онъ не проститъ врагу; если волостной судъ рѣшитъ дѣло неудовлетворительно, то онъ обратится съ жалобою къ мировому посреднику, къ губернатору, — а дѣло кончивалось тѣмъ, что обиженный съ своимъ непримиримымъ врагомъ позже всѣхъ выходили изъ корчмы, одинъ другаго поддерживая и ублажая самыми задушевными ласкательными эпитетами. Конечно такая дружба мимолетна: въ слѣдующій волостной судъ опять клятвы, опять угрозы—мщенія и опять взаимное угощеніе до поздней ночи, до взаимной поддержки и задушевныхъ изліяній.

Тяжело было присутствовать при семейныхъ раздѣлахъ, причиною которыхъ бывали по большей части ссоры между женщинами. Въ волостномъ правленіи, предъ лицомъ достопочтенныхъ судей и родныхъ, прекрасный полъ не стѣснялся высказывать всегда громко, а подъчасъ очень не благопристойно самые сокровеннѣйшіе грѣшки своихъ соперницъ и самыя незначительныя добродѣтели собственныхъ душъ и сердецъ. Часто все имущество хозяина состоитъ изъ какихъ нибудь пары воловъ, старой—престарой лошаденки, трехъ-четырехъ овецъ, двухъ поросенковъ, полуразвалившагося жилья... Ну что тутъ, кажется, дѣлить? а дѣлятъ...

Вообще о С—скомъ волостномъ судѣ можно сказать то, что онъ подобенъ непостоянному вѣтру, дующему то съ одной, то съ другой стороны. Дѣла рѣшались тамъ не большинствомъ голосовъ, не по силѣ закона и здраваго смысла, а силою болѣе крикливаго одного голоса, или изъ какихъ бы то нибыло видовъ. Перевѣсъ бывалъ то на правой, то на лѣвой сторонѣ, смотря потому, на чьей сторонѣ слышался болѣе громкій голосъ.

Былъ одинъ забавный случай, когда весь волостной сходъ кромѣ старшины, дружно принялся рѣшать одно дѣло. Можно себѣ представить безобразный шумъ, какой подняли нѣсколько непрошенныхъ судей. Дѣло шло о побояхъ, нанесенныхъ шляхтичемъ Я—ною двумъ крестьянкамъ, или на оборотъ, о побояхъ, нанесенныхъ двумя крестьянками шляхтичу Я—нѣ. Дѣло, помнится, состояло въ томъ, что животныя, принадлежащія жалующимся крестьянкамъ, вздумали прогуляться по полю, арендуемому Я—ною. Я—на, увидя животныхъ, счелъ нужнымъ, наказать

ихъ за своеволіе и согнать съ поля; крестьянки, въ с
увидали, какъ Я—на наказывалъ животныхъ, вступи
и своимъ судомъ расправились съ нимъ. Я—на, ков
нялся отъ двухъ фурій и произошло побоище; на ст
раснаго пола была сила количественная, на сторонѣ
качественная, словомъ—арміи были равносильны. Кре
несли жалобу первоначально въ волостное правленіе
Я—на принесъ въ послѣдствіи жалобу на крестьяно
приставу, и-загорѣлось дѣло. Кто правъ, кто винова
было трудно, очевидцевъ событія, кромѣ животных
обѣ стороны считали себя обиженными, а свидѣтели
ими давали такія показанія, что не только не разъя
но еще болѣе путали и явно противорѣчили самому дѣ
узнавъ о происшествіи, закипѣла сильнѣйшимъ проти
Я—на негодованіемъ. Насталъ воскресный день, соб
стной сходъ. Какъ поступить съ Я—ной? Чѣмъ см
нанесенный, въ лицѣ двухъ особей, прекрасному полу
сти? Болѣе дальновидные и деликатные крестьяне рѣ
гласить, чрезъ особо наряженную депутацію, пана Я-
лостное правленіе. Многіе усумнились: нойдетъ ли,
сюда къ намъ. Опять присудили: просить вѣжливо и
его прежде времени, а когда придетъ, тогда сообрази
нимъ дѣлать. Послали и съ нетерпѣніемъ ожидали,
ныя предположенія и догадки объ успѣхѣ посольства
идетъ, идетъ! раздались голоса въ сходѣ. Дѣйствите
Я—на, неровной, разгоряченной походкой. Вошелъ вт
окинулъ всѣхъ гнѣвнымъ взоромъ. Но, ужасъ! вмѣсто
проникнуться должнымъ благоговѣніемъ предъ шляхет
побитыя бабы завопили на Я—ну изо всего своего бабье
сыпая его всѣми проклятіями, какія подвернулись на
этотъ, впрочемъ, разъ потокъ проклятій удержанъ бы
приказаніемъ судей—молчать. Тишина водворилась,
надолго.

Пане Я—на,—началъ старѣйшій, почетнѣйшій
цати волостныхъ судей,—на васъ принесли жалобу во
стьянки,—вы ихъ побили.

Я—на началъ было говорить по польски, но то
остановленъ голосомъ схода, что теперь прошло вре

въ присутственныхъ мѣстахъ по польски, а *треба* говорить по русски. Я—на сдался, но не потерялся.

Кто? я билъ?... Меня избили, мнѣ грудь всю отмяли, бока переломали,—вскинулся Я—на. Бабы не выдержали, и поднялся такой крикъ, что хоть затыкай уши. «Тихо, хихо, смирно»!... Кричали судьи, но долго нужно было ждать, пока водворилась тишина.

Предложили Я—нѣ разсказать, какъ было дѣло. Онъ, при дружной помѣхѣ противной партіи, расказалъ, какъ крестьянки сами загнали на его огородъ скотину и,—когда онъ хотѣлъ согнать ее, онѣ начали бить, бросать въ него камнями, а наконецъ схватили и повалили его на землю и били столько, сколько ихъ душѣ угодно. Бабы толковали со всѣмъ другое, именно, что скотина вовсе не была на огородѣ, а только проходила мимо огорода, что Я—на сталъ бить ее, а за что — бабы не знаютъ. Когда же они стали говорить ему, за что онъ бьетъ скотину, онъ бросился и на нихъ съ палкой, ударивъ одну по спинѣ, другую по други. Въ подтвержденіе истины, явились въ натурѣ и спина и грудь крестьянокъ. Я—на не вытерпѣлъ, онъ обнажилъ свою грудь и бока, чтобы показать всему честному сходу нанесенные побои. При всеобщей суматохѣ, рѣшительно не было возможности разобрать: кто правъ, кто виноватъ. Спрашивали и свидѣтелей; свидѣтели, какъ выше замѣчено, ни мало не разъяснили путаницы. Что тутъ дѣлать? Одна благоразумная судейская голова, соскучившись, безъ сомнѣнія, длиннымъ разборомъ дѣла, предложила покончить его миромъ. Предложеніе было одобрено цѣлымъ сходомъ, мало того, принято было съ удовольствіемъ и тяжущимися. Благоразумная голова торжествовала, что успѣла такъ скоро распутать такое темное дѣло,—но не надолго. Мужья побитыхъ крестьянокъ выступили впередъ и объявили, что они не прочь помириться, если панъ Я—на согласится уплатить каждому изъ нихъ, по 15 рублей, а всего 30 рублей. Я—на былъ уступчивѣе: онъ соглашался взять съ каждой бившей его крестьянки по 10 рублей, а всего 20 рублей. Однимъ словомъ—и крестьянки считали себя невинно побитыми, и Я—на — крайне обиженнымъ и изуродованнымъ: миръ стало быть не могъ состояться. Дѣло началось снова; опять спросы и допросы; опять тѣже отвѣты и показанія; опять шумъ и крикъ. Благоразумная судейская голова

почесала затылокъ, придумывая еще какія нибудь мѣры подѣйствительнѣе и, къ общему удовольствію цѣлаго схода, придумала.

— Ребята! чѣмъ попусту кричать да тратить время, вотъ что я вамъ скажу: ты, пане купи ведро пива и вы, обращаясь къ мужьямъ побитыхъ крестьянокъ, по ведру, и все дѣло разомъ покончили бы; сами выпьете и намъ поднесете.

Хорошо придумано, да не всѣмъ эта дума по нраву. Отъ чего не выпить, если только найдутся добрые люди, которые согласны поднести. Къ счастію, или точнѣе къ несчастію, въ волостномъ правленіи не нашлось человѣка, готоваго сдѣлать угощенія судьямъ. Первые отказались купить пива крестьяне, говоря, что ихъ женъ искалѣчили, и еще требуютъ угощать за то судей пивомъ! Вотъ нашли дураковъ!

— Изъ чего вы взяли, что бы я сталъ угощать другихъ за то только, что меня избили?... Да и кого угощать! панъ Я—на хотя не досказалъ, кого угощать, но мысль его понята была всѣми.

— Послушай, пане! отозвался одинъ изъ среды судей, теперь не то время, что было прежде. Ужъ прежняго не воротить!... Когда ты былъ экономомъ у помѣщика Н Н, тебѣ любо было мучить насъ? Теперь настала наша очередь не хочешь съ нами жить мирно, такъ давай судиться!...

На сторону судьи оратора сталъ весь волостной сходъ. Тяжело было Я—нѣ слушать жестокіе упреки разгнѣваннаго схода; ему не давали слова выговорить въ свое оправданіе. Я—на терпѣлъ, терпѣлъ, и наконецъ не вытерпѣлъ, онъ взялъ шапку въ охапку и домой, не дождавшись приговора волостнаго схода. Крестьяне проводили его дружнымъ хохотомъ и самыми оскорбительными насмѣшками.

Честь и слава старшинѣ за то, что онъ во все время сказаннаго разбирательства подавалъ самый скромный, но вліятельный голосъ, хотя на него, среди всеобщей неурядицы, мало обращали вниманія. По возможности укрощая глумящую публику, онъ въ тоже время внимательно прислушивался къ каждому сужденію, выходившему изъ устъ многорѣчивой толпы, прислушивался, но ничего, кажется, дѣльнаго не выслушалъ. Весь міръ судилъ пристрастно, потому что имѣлъ личное неудовольствіе на Я—ну и къ тому же негодовалъ на все шляхетство, когда-то угнетавшее его.

— Романовичъ! обратился старшина къ одному изъ мужей по-

битой жены, твою бабу побилъ Я—на, и ты принесъ на него жалобу мнѣ. Я тебѣ и тогда говорилъ и судьямъ говорилъ, что волостной судъ не можетъ судить шляхтича, если онъ добровольно не пойдетъ на мировую; а *треба* на него писать бумагу къ становому приставу. Становой приставъ знаетъ, какъ повести это дѣло.

— Правда пане старшина! отозвались нѣкоторые.

— Вѣдомо же правда, подтвердили всѣ.

И такъ мудрые судьи вышли на правый путь только тогда, когда, промучившись часа три, изъ опыта узнали, что они не могутъ осудить шляхтича, хотя законъ этотъ знали, и предъ самымъ судомъ онъ былъ прочитанъ и объясненъ имъ.

— Напишите рапортъ къ становому приставу, обратился ко мнѣ старшина; а вы бабы, раскажите г. писарю, какъ у васъ было дѣло съ Я—ною.

Крестьянки разсказали, я написалъ съ ихъ словъ прошеніе, старшина подписался и рапортъ былъ отправленъ по принадлежности. Крестьяне разошлись, толкуя о происшедшемъ. Въ свое время и Я—на подалъ жалобу становому приставу на крестьянокъ, причинившихъ ему потраву и побои. Не знаю чѣмъ это дѣло кончилось; знаю только то, что враждовавшія партіи часто были вызываемы для отвѣтовъ и показаній. Мнѣ не пришлось видѣть конца этого дѣла, потому что я, спустя полгода послѣ его начала, выѣхалъ изъ этой волости на другую должность. Впрочемъ теперь, какъ я слыхалъ, подобныя дрязги и кривосудія постепенно сокращаются въ своемъ качествѣ.

Поставить на своемъ общая слабость всего человѣческаго рода, хотя бы выигрышъ не стоилъ и пареной рѣпы. Вездѣ есть Иваны Никифоровичи, повсюду встрѣчаются Иваны Ивановичи. Между крестянами тяжебныя дѣла не могутъ имѣть крупныхъ размѣровъ, потому что ихъ средства малы.

Бѣдность этихъ средствъ объясняется время препровожденіемъ праздничныхъ дней. Сходить въ костелъ въ день праздничный, отслушать обѣдню съ поученіемъ, вотъ и вся религіозность съ небольшими добавленіями. Отбывъ въ урочное время праздничныя обрядности, крестьянинъ остатокъ святаго дня посвящаетъ наслажденію пробыть въ корчмѣ Работать по праздникамъ народъ считаетъ великимъ грѣхомъ, пробыть дома безъ дѣла тяжело; удо-

вольствій, мало мальски облагороженныхъ не имѣется,
на долю еврея и выпала счастливая обязанность приним
каждый праздничный день гостей мужескаго и женскаго
сѣтители угощаются больше всего водкою, отъ которо
одинъ только винный запахъ, и пивомъ, или правильнѣ
какою то бурдою: эта бурда носитъ громкое названіе м
пива. Корчемныя угощенія не лишены, впрочемъ, своег
тереса.

Въ хорошую лѣтнюю погоду, когда собраніе моля
костелѣ бываетъ многочисленно, то по окончаніи мессы г
не могутъ помѣститься въ корчмѣ, а располагаются н
противъ нея, образуя изъ себя небольшіе кружки человѣк
шесть и болѣе. Одинъ изъ кружка отряжается за п
водкою, смотря по надобности, а женщины кладутъ на
приготовленную закуску: мясо, сыръ, масло, хлѣбъ и
ожиданіи посланнаго, гости ведутъ себя чинно, благо
разговоры между ними отрывисты и касаются какихъ ниб
учительныхъ и религіозныхъ предметовъ, какъ напримѣ
повѣди, говоренной въ тотъ день ксендзомъ, или о че
подобномъ. Въ разговорахъ одинъ другаго не называют
а величаютъ словами: *вацпанъ, вацпани.* Являетс
ный. Не безъ церемоній и препирательствъ каждый
стаканъ, уступая первенство выпить другому, разговоры
оживленнѣе: женщины не упускаютъ случая поговорит
дахъ, о сшитыхъ обновкахъ, пересудить и посмѣяться н
ствующими своими соперницами, мужчины толкуютъ о п
сѣвахъ, скотѣ и о прочихъ обыденныхъ предметахъ. *I*
вацпани уступаютъ мѣсто Томашамъ, Казюкамъ, В
Ганулямъ, Петрусямъ и прочимъ именамъ, или ласкател
раженіямъ въ родѣ слѣдующихъ: *рыбка моя, кохан*
Прекрасный полъ отъ нарядовъ и обновокъ незамѣтно п
къ свадьбамъ, родинамъ, крестинамъ, похоронамъ, съ уди
точностію опредѣляя, кто скоро женится, кто скоро умр
прекрасный полъ задаетъ и рѣшаетъ вопросы, какіе не
ли въ голову никакому министру, дѣлаетъ географически
такихъ земель, какихъ не найдете ни на какой картѣ
если еще въ кружокъ пирующихъ вотрется какой нибу
воинъ! Его разсказы о походахъ чуть не на облака, о

подвигахъ, героемъ которыхъ приходилось большею частію бывать ему, до того удивительны и страшны, что только и слышны вздохи да охи слушающихъ. Заподозрить же разскащика въ справедливости его словъ никто не посмѣетъ тѣмъ больше, что онъ выставляетъ свидѣтелей,—своихъ сослуживцевъ, проживающихъ гдѣ нибудь въ другомъ уѣздѣ или въ другой губерніи. Если же и придетъ кому нибудь изъ слушающихъ дерзкая мысль усумниться въ справедливости разсказываемаго, то воинъ положительно увѣряетъ, что все сказанное имъ правда, а если не вѣритъ кто, пусть самъ испытаетъ. «Вѣдомо же правда, когда такъ разсказываетъ;»—увѣряетъ себя каждый слушающій о чудесныхъ подвигахъ стараго воина.

Между кружками, бесѣдующими мирно о высокихъ предметахъ, попадаются кружки, которые разсуждаютъ о предметахъ довольно обыкновенныхъ, столкновенія рѣдко случаются на этихъ собраніяхъ, потому что сосѣди, какъ только заслышатъ крупный разговоръ, замѣтятъ порывистыя и размашистыя движенія, тотъчасъ принимаютъ участіе въ спорѣ и скоро примиряютъ разгорячившихся, резонно убѣждая, что стыдно при такомъ великомъ собраніи людей заводить ссоры.

Праздники на долинѣ противъ корчмы проходятъ весело и большею частію благополучно: попьютъ, потолкуютъ и расходятся по домамъ до свиданія въ слѣдующій праздникъ.

Не то бываетъ въ ненастную и холодную погоду: тогда гулять подъ дождемъ или на снѣгу не совсѣмъ удобно. Въ дурную погоду приходится всему обществу тѣсниться подъ гостепріимнымъ кровомъ корчмы; но тутъ нѣтъ такого простору, какъ на дворѣ; въ корчмѣ каждый вынужденъ помѣщаться потѣснѣе, такъ чтобы для всѣхъ гостей хватило мѣста. Благодаря распорядительности Лейбы и его домочадцевъ, вопреки явной почти невозможности, бывало, мѣста хватаетъ для всѣхъ. Болѣе почетнымъ и благонадежнымъ посѣтителямъ евреи уступаютъ даже заповѣдный свой чуланчикъ, спальню всего семейства, хранилище его шабашоваго платья и всѣхъ цѣнныхъ вещей. Когда гости размѣстятся по всѣмъ уголкамъ корчмы, и около печи, и, возлѣ порога; когда настанетъ самая средина разгула, развяжутся языки, душа распахнется,—тогда корчма представляетъ изъ себя что-то странное. Корчемный воздухъ самъ по себѣ переполненъ такими міазмами, что непривычному ды-

шать имъ трудно; а какъ еще раскурятся люльки, и стаканы нальются водкой еврейской передѣлки, въ корчмѣ, непривычный ея посѣтитель могъ бы впасть въ обморокъ. Чувства обонянія и вкуса нашихъ крестьянъ не такъ тонки и разборчивы, чтобъ изъ за убійственнаго воздуха отказать себѣ въ удовольствіи попировать и повеселиться въ праздникъ, если есть деньги. Крестьянинъ—на верху блаженства, когда онъ пьетъ за свой грошъ, сидитъ себѣ на почетномъ мѣстѣ, подлѣ него и жена и свояченица, и кумъ, и сватъ и братъ, да всѣ такіе веселые, разговорчивые. А еврей не знаетъ какъ и угодить имъ, и то предлагаетъ, и другое: и ржавую селедку, и прошлогодніе баранки, и вонючія яйца, и полученную въ наслѣдство отъ отца тарань; юлитъ между группами пирующихъ, словно бѣсъ передъ заутреней, проситъ и въ слѣдующій праздникъ не забывать его корчмы. Тутъ подъ часъ случится и скрыпачъ, забившійся съ своимъ инструментомъ въ самый уголъ и разыгрывающій разныя пѣсни и плясовыя не жалѣя струнъ.

Вотъ вѣрная картина праздничныхъ удовольствій крестьянъ с—ской волости. Разнообразія въ праздновaніи очень мало, по крайней мѣрѣ почти никакой праздникъ не обходится безъ корчмы. Даже и семейные праздники, какъ напримѣръ: свадьбы, крестины, и проч. на половину отправляются въ корчмѣ. Это обыкновеніе, какъ мнѣ приходилось видѣть и слышать, едва ли не повсемѣстно въ этомъ краѣ.

Съ первыхъ дней моего поступленія на должность, мнѣ, еще незнакомому съ этимъ краемъ, нѣкоторыя обыкновенія его жителей казались странными; но мало по малу я сталъ привыкать къ нимъ, и нашелъ во многихъ случаяхъ значительное сходство ихъ съ великорусскими, доказывающее единство племени. Я очень скучалъ во все время моей службы писаремъ; особенно, въ осеннее время дожди, вѣтеръ, грязь, безлюдье и бездѣлье такую тоску наводили, что не хотѣлось смотрѣть на свѣтъ Божій. Съ какою, бывало, радостію встрѣчаешь какого либо проѣзжающаго чиновника! А если чиновникъ еще ласковый, обходительный человѣкъ,— съ какимъ бывало удовольствіемъ стараешься услужить ему чѣмъ нибудь, удовлетворить его любопытству, разсказать ему что знаешь! это на долго успокоивало меня, возвышая меня въ собственныхъ глазахъ. Но сказать правду мало проѣзжало чрезъ м. С—ву чиновниковъ.

Мелкопомѣстная шляхта, съ которою волею не волею писарю приходится имѣть дѣла, воскуряла предо мною такой густой ѳиміамъ лести, угощала такимъ самоуниженіемъ, что я, изъ уваженія къ человѣческому достоинству и своей скромности былъ у двухъ шляхтичей по одному разу, да и закаялся.

Послѣ неоднократныхъ приглашеній, отправился я къ пану Я—нѣ, тому самому Я—нѣ, который подрался и судился съ крестьянками. Панъ Я—на не имѣетъ собственнаго поля и жилища, а арендуетъ то и другое у помѣщицы В. Жилище Я—ны больше смахиваетъ на хлѣвъ, такъ оно бѣдно и грязно, хотя съ разу можно замѣтить, что въ немъ помѣщается не простой смертный, а шляхтичъ: надъ койкой, гдѣ почиваетъ самъ панъ, развѣшенъ остатокъ какого то ковра, въ углу стоитъ трубка съ длиннѣйшимъ чубукомъ, шитый кисетъ для табаку, хотя самаго табаку давнымъ давно не водилось у пана; самоваръ глубокой древности, никогда не ставленный. Нужно, замѣтить, что Панъ Я—на вдовъ; отъ того, безъ сомнѣнія, онъ и живетъ такъ грязно. Съ нимъ проживаетъ единородный его сынъ, который не умѣлъ связать двухъ понятій, и съ которымъ я всегда избѣгалъ встрѣчи. Къ счастію моему, когда вздумалъ я пойдти къ пану Я—нѣ, *панича* не было дома,—онъ поѣхалъ къ своей невѣстѣ.

— Какъ здоровье пана? обыкновенно спрашивалъ панъ Я—на, послѣ самыхъ жаркихъ и обильныхъ поцѣлуевъ, оставлявшихъ разные слѣды на моей физіономіи.

Благодарю васъ, слава Богу.

Нѣтъ, видно по всему, что панъ скучаетъ... Прежде панъ былъ *ладнѣйшій,* а теперь совсѣмъ не то. Если бы панъ до насъ заходилъ, ему не было бы такъ скучно.

— Я съ удовольствіемъ ходилъ бы къ вамъ, да вы сами знаете, что у меня есть занятія.

— То правда, я знаю. Эти хлопы ни кому не дадутъ покоя: постоянно лѣзутъ до канцеляріи. Я ихъ хорошо знаю, Они видятъ, что панъ человѣкъ добрый, обходительный.... Можетъ быть, панъ не любитъ похвалъ? Но я люблю правду говорить!.. Сколько я ни зналъ русскихъ, всѣ они добрые люди. А панъ откуда къ намъ пріѣхалъ?

— Изъ Вильны.

— Какъ! панъ виленскій?

— Тульскій уроженецъ.

— Я подумалъ, что панъ на самомъ дѣлѣ, виленскій
сказалъ, что изъ Вильны пріѣхалъ. Тула славный городъ
многихъ слыхалъ, что славный городъ... Тамъ самовары д
ружья дѣлаютъ... Славный городъ! А Вильна пану понра

— Хорошій городъ.

— Что Вильна! Если бы панъ побывалъ въ Варшавѣ
ладный городъ!

— Я въ Петербургѣ былъ.

— Былъ панъ?.. Но и Варшава славный городъ... Та
ружья дѣлаютъ.

— Я читалъ объ этомъ.

— Гдѣ панъ читалъ?

— Въ газетахъ, во время мятежа.

— Не то пану я хотѣлъ сказать. Въ Варшавѣ есть ор
заводъ на самой Вислѣ.

— Объ этомъ я не слыхалъ.

— Висла большая рѣка.

— Да, большая.

— Отъ чего бы пану не поѣхать до Варшавы? Пану
ло бы лучше, чѣмъ тутъ... Панъ такой разумный, всегда
получить хорошее мѣсто въ самой Варшавѣ.

— Мнѣ и здѣсь довольно хорошо.

— Я знаю, что хорошо, а тамъ было бы лучше... I
панъ куритъ?

— Курю.

— Мой Альфонсъ (сынъ Я—ны) отправился въ од
весь табакъ съ собою взялъ, а то я пана угостилъ бы...
быть панъ имѣетъ свои папиросы?

— Есть... неугодно ли и вамъ?

— А какой это табакъ?

— Одесскій.

— О, Одесса хорошій городъ, торговый городъ, у сам
Ну, какъ пану понравились наши страны?

— Мало нахожу разницы отъ великороссійскихъ губе
— Когда панъ выучится попольски говорить, то с
будетъ такъ же, какъ и дома.

— Я чувствую, что никогда не выучусь говорить попо

— За чѣмъ такъ панъ говоритъ? Такому разумному пану все можно скоро понять... Я когда-то учился у піаровъ латинскому языку... А панъ учился этому языку?

— Учился.

— Наши ксендзы хорошо знаютъ по латинѣ... Панъ, я полагаю, знаетъ, что у насъ все богослуженіе на латинскомъ языкѣ отправляется.

— Это я знаю.

— Пану нравится наше богослуженіе?

— Я мало его понимаю.

— Я когда-то думалъ быть ксендзомъ; хотѣлъ совсѣмъ уже поступить въ семинарію, да раздумалъ.

И затѣмъ Я—на началъ разсказъ о томъ, какъ онъ учился, какъ готовился поступить въ семинарію, потомъ — въ ксендзы и почему не поступилъ. Панъ Я—на, разсказывая о себѣ, о своемъ воспитаніи, образованіи, не упускалъ случая похвалить и русское образованіе, и меня, и мою родину, и всѣ русскіе города, и всю православную Русь. Касался догматическихъ вопросовъ, которые рѣшалъ съ плеча, не находя, впрочемъ, никакой разницы въ вѣроученіи церквей восточной и западной. Разсуждалъ и о политикѣ,—однимъ словомъ, касался всего, о чемъ ему приходилось что либо слышать или хоть видѣть во снѣ.... Замѣтивъ, что Я—на расходился, такъ что не предвидѣлось конца его разсужденіямъ, я неоднократно пытался прервать его, хотя бы то на самыхъ глубокомысленныхъ выводахъ, стараясь поскорѣй убраться отъ словоохотливаго собесѣдника. Послѣ этого посѣщенія, у меня отбилась охота ходить въ гости къ пану Я—нѣ, хотя онъ не одинъ разъ заходилъ ко мнѣ самъ и усердно приглашалъ къ себѣ. И посѣщенія Я—ны были не безкорыстны: придетъ бывало подъ предлогомъ звать къ себѣ въ гости, а между тѣмъ выпроситъ въ займы, безъ отдачи, разумѣется, чаю съ сахаромъ, табаку,— объясняя недостачу этихъ продуктовъ тѣмъ, что Альфонсъ поѣхалъ въ Вильну за покупками, да еще не возвратился. На самомъ же дѣлѣ Альфонсъ и не думалъ никуда ѣхать. Раза три такъ было; однажды даже просилъ и денегъ въ займы, но я рѣшительно отказалъ ему и тѣмъ покончилъ свое съ нимъ знакомство.—Также точно отказался я отъ знакомства и съ прочими шляхетными особами, отговариваясь то недосугомъ, то болѣзнію, то еще чѣмъ

нибудь. Однимъ словомъ, дожилъ я до того, что вс
просить меня къ себѣ въ гости и, благодаря Бога, пе
ловать и ко мнѣ. Одинъ панъ органистъ не оставля
меня, возвращаясь изъ корчмы, со свадьбы, поминокъ
какого торжества. Панъ органистъ былъ веселый па
выпивши. Жаль его бѣднаго! Онъ, какъ я слыхалъ
бирая коледу предъ праздникомъ Р. Христова, отмо
пальцы на рукахъ, и чрезъ это, какъ неспособный
свою службу, лишился мѣста органиста.

Не помню личностей, которыя интересовали бы ме
ко, чтобы упомянуть о нихъ въ настоящихъ моихъ
Съ помѣщиками мнѣ не приходилось знакомиться;
вообще не любилъ, кромѣ одного ксендза Г—ска
ксендзъ д—скаго прихода нѣсколько заинтересовалъ—
но ненадолго и слишкомъ односторонно. Это старый-
піаръ... И этимъ — то ксендзомъ — піаромъ приходи
кончить свои скудныя записки.

Простился я съ С—вою и обитателями этого
мѣстечка равнодушно, какъ равнодушно и они разс
мною.

Г. Покро

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРН

ОСВЯЩЕНІЕ ЦЕРКВЕЙ И ПОЖЕРТВОВАНІЯ НА

Каменецкій благочинный, священникъ Будзилович
августа сего 1868 года за № 171, донесъ литовск
консисторіи, что дмитровицкая церковь надлежаще по
роенъ въ ней новый иконостасъ и освящена имъ бл
6 августа въ день Преображенія Господня въ сослужев
сосѣднихъ священниковъ и діакона, при многочисленн
народа.

Иконостасъ плотнической работы, очень красивой
рѣзьбою и позолотою—стоитъ 740 р.; иконы къ нем

изъ Москвы, живописи художника Титова за 225 р.; всего на устройство иконостаса употреблено 965 р.; деньги эти въ количествѣ 895 р. пожертвованы мѣстными прихожанами, 30 р. священникомъ дмитровицкой церкви о. Келестиномъ Будзиловичемъ, а недостающіе 40 р. взяты изъ церковной кружки. Въ собираніи на прописанный предметъ денегъ и въ производствѣ работъ оказали особенное усердіе мѣстный священникъ Будзидовичъ и члены приходскаго попечите ьства. Священнику Келестину Будзиловичу, членамъ приходскаго попечительства и прихожанамъ дмитровицкой церкви, за усердіе къ храму Божію, преподано благословеніе его высокопреосвященства и изъявлена благодарность епархіальнаго начальсава. Кромѣ того священника Келестина Будзиловича определено имѣть въ виду при представленіи въ настоящемъ году къ наградамъ духов. лицъ.

— Кобринскій благочинный, священникъ Пашкевичъ, отъ 20 августа за № 208, донесъ литовской духовной консисторіи, что указомъ оной, отъ 15 марта сего года за № 1960, разрѣшено было прихожанамъ ляховицкой церкви починить кладбищенскую церковь. Нынѣ священникъ означенной церкви Василій Лехачевскій донесъ, что таковая починка на счетъ прихожанъ уже кончена, и проситъ исходатайствовать разрѣшеніе на освященіе упомянутой церкви. А потому благочинный, представляя расчетъ въ израсходованіи денегъ, пожертвованныхъ на починку кладбищенской ляховицкой церкви, проситъ консисторію дать просимое разрѣшеніе на освященіе означенной церкви. Изъ расчетнаго листа видно, что 1) пожертвовано прихожанами ляховицкой церкви на починку кладбищенской своей церкви 190 руб. сереб.; 2) мѣстнымъ священникомъ Лехачевскимъ 10 р. сер.; 3) служащимъ прикащикомъ на ляховицкой мызѣ Давидовичемъ 1 руб. сер.; 4) по приглашенію священника, управляющимъ вотчинами князя Барятинскаго, Михаиломъ Мейеромъ пожертвовано 52 корня сосноваго дерева, стоимостію 30 руб. сереб.; 5.) продано оставшгося лѣснаго матеріала на 15 р. сереб.; кромѣ жертвы деньгами, прихожане еще много жертвовали своими работами, доставкою и очисткою матеріала. Итого на починку ляховицкой церкви, пожертвованныхъ

разными выше указанными лицами собрано было нал
гами, считая и вырученныя отъ продажи оставшагос
теріала, 216 руб. сереб., да еще лѣсомъ 52 коров
30 руб. сереб. Опредѣлили: и его высокопреосвящ
дилъ; 1) разрѣшить освященіе ляховицкой кладбище
2) жертвователямъ и мѣстному священнику Василію
за усердіе ихъ къ храму Божію, изъявить признате
хіальнаго начальства. О чемъ для вѣдома и надлеж
ненія послать указъ кобринскому благочинному, свяш
кевичу, съ тѣмъ, чтобы о времени освященія означ
донесено было консисторіи.

— Вилейскій благочинный, протоіерей Балицкій, от
сего года за № 381, донесъ литовской духовной кон
съ дозволенія епархіальнаго начальства, объявленнаго
товской духовной консисторіи, послѣдовавшимъ на ег
апрѣля за № 2950, каменная часовня, находящаяс
комъ кладбищѣ, обращена въ церковь кладбищенску
рительной починкѣ, которая состояла въ слѣдующемъ:
по размѣру своему довольно малой и невмѣстителы
деревянная пристройка, стѣны которой и крыша соеди
ніемъ часовни въ одинъ уровень;—стѣны часовни,
и сырости совершенно разсѣвшіяся, вновь скрѣплен
и желѣзомъ, затѣмъ въ часовнѣ и въ деревянной к
ройкѣ положенъ новый полъ, потолокъ и устроена
ніи новая крыша. На таковую починку часовни и п
ней деревяннаго притвора израсходованы всѣ пожерт
сей предметъ прихожанами деньги, а именно; сто пя
семъ руб., считая въ томъ числѣ матеріалъ и наемк
кромѣ чернорабочихъ, которые были даваемы отъ прих
платно. Что же касается внутренняго устройства п
го зданія, то таковое онъ благочинный принялъ на
но: на свои собственныя средства онъ устроилъ иконо
ми принадлежностями алтаря, считая тутъ же и по
рому прикрѣпленъ иконостасъ; украсилъ какъ иконос
стѣны новоустроенной церкви иконами, крыша на с

устроена имъ же, а на деревянной къ ней пристройкѣ—прихожанами: всего на внутреннее устройство кладбищенской церкви и на крышу ея израсходовано имъ благочиннымъ Балицкимъ сто восемь руб. сорокъ пять коп. Каковая сумма въ совокупности съ суммою пожертвованною прихожанами, равняется 266 руб. и 45 к. Въ настоящемъ видѣ все зданіе новоустроенной кладбищенской церкви довольно обширно и вмѣстительно—въ длину 17, а ширину 6½ аршинъ. Къ этой церкви пристроена новая колокольня о двухъ столбахъ съ крышею и на ней повѣшены три колокола: одинъ въ пудъ, другой въ полъ-пуда, а третій въ десятъ фунтовъ. Освященіе новоустроенной кладбищенской церкви совершено имъ въ сослуженіи священниковъ мѣстнаго благочинія 29-го іюля мѣсяца съ приличнымъ случаю торжествомъ. Протоіерею касутской кладбищенской церкви Балицкому и прихожанамъ, за ихъ усердіе къ храму Божію, преподано благословеніе его высокопреосвященства.

— Высоколитовскій благочинный, священникъ Красковскій, отъ 29 августа сего года за № 233, донесъ литовской, духовной консисторіи, что вслѣдствіе разрѣшенія даннаго изъ оной отъ 3 августа за № 6215, имъ совершено освященіе барщевской церкви въ 18 день прошлаго августа. Отецъ благочинный деньгамъ употребленнымъ на устройство въ сей церкви новаго иконостаса и другія работы при семъ представилъ на благоуваженіе епархіальнаго начальства, и просилъ признательности онаго мѣстному священнику Іоанну Паевскому и прихожанамъ оной, средствами которыхъ возобновлена сія церковь. Изъ представленнаго благочиннымъ при семъ расчетнаго листка видно, что пожертвовано прихожанами барщевской церкви 741 р. 39 к. Сверхъ того пожертвовано мѣстнымъ священникомъ на сверхъ—контрактныя работы 30 рублей. Прихожанамъ барщевской церкви и мѣстному священнику Іоанну Паевскому изъявлена признательность епархіальнаго начальства. О чемъ для вѣдома и надлежащаго исполненія посланъ указъ высоко-литовскому благочинному священнику Красковскому.

— Слонимскій благочинный, протоіерей Іосифъ Соловьевичъ, отъ 16 сего сентября за № 323, донесъ литовской духовной конси-

торіи, что 3-го числа сего сентября, въ бытность въ
нимѣ Г. Главнаго Начальника Сѣверо-Западнаго края
ка Гродненской губерніи, освященъ памятникъ, соор
г. Слонимѣ на пожертвованныя деньги въ память у
воиновъ староингерманладскаго пѣхотнаго полка, под
ми Слонимскаго уѣзда, въ дѣлѣ польскаго возстанія
совершалъ высокопреосвященный Михаилъ б. архіеп
скій, въ сослуженіи о. архимандрита жировицкаго мо
колая, соборнаго причта и другихъ священниковъ
уѣзда, въ присутствіи гг. главнаго начальника здѣш
начальника губерніи, при собраніи всѣхъ какъ военн
гражданскихъ чиновниковъ и многочисленномъ стеченіи
рочно собравшагося къ этому дню. Освященіе совер
ственно съ крестнымъ ходомъ къ памятнику изъ сло
бора и обратно такимъ же ходомъ въ соборъ.

(Лит, Еп

ОСВЯЩЕНІЕ ЧАУСОВСКАГО КОСТЕЛА ВЪ ПРАВ ЦЕРКОВЬ.

Въ виду незначительности чаусовскаго римско-к
прихода, состоявшаго всего изъ 158 городскихъ жи
іюля сего года, съ разрѣшенія г. главнаго начальни
паднаго края, послѣдовало, какъ сообщаютъ здѣшнія
закрытіе чаусовскаго костела, съ причисленіемъ прих
другимъ ближайшимъ костеламъ. Въ тоже время губ
чальствомъ, по соглашенію съ начальствомъ епархіал
нано было возможнымъ приспособить упраздненный ко
крытію православнаго богослуженія и, вслѣдствіе сего
ской Преображенской церкви, въ которой, по соверше
хости, еще въ 1863 году прекращено служеніе, перен
раздненный костелъ иконостасъ и въ зданіи костела
необходимыя передѣлки. Затѣмъ, 8-го сентября, про
сокопреосвященнѣйшимъ Евсевіемъ, архіепископомъ м
и мстиславскимъ, торжественное освященіе упраздне

въ присутствіи г. могилевскаго губернатора, находящихся въ городѣ Чаусахъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ и при многочисленномъ стеченіи городскихъ жителей и православнаго населенія окрестностей города.

При передѣлкѣ костела рабочими, 21-го августа, подъ доскою верхняго алтаря передъ распятіемъ Спасителя сдѣлана интересная находка: антиминсъ, который, какъ видно изъ имѣющейся на немъ надписи, освященъ въ 170 году архіепископомъ витебскимъ, могилевскимъ, оршанскимъ и мстиславскимъ.

(*Могил. Губ. Вѣд*).

ОБОЗРѢНІЕ СѢДЛЕЦКИХЪ УЧИЛИЩЪ.

Въ «Варш. Дн.» пишутъ изъ Сѣдльца, что министръ народнаго просвѣщенія, графъ Д. А. Толстой, въ сопровожденіи г. попечителя варшавскаго учебнаго округа, съ 25-го по 28-е сентября включительно, изволилъ осматривать въ Сѣдльцѣ мужскую и женскую гимназіи. Обозрѣвая гимназію, его сіятельство съ одинаковымъ вниманіемъ слушалъ всѣ предметы гимназическаго курса; но преимущественное вниманіе было обращено имъ на русскій языкъ. Въ низшихъ 4-хъ классахъ министръ нашелъ вполнѣ удовлетворительнымъ знаніе этого языка, а въ высшихъ, особенно въ 6-мъ классѣ, успѣхи учениковъ оказались неудовлетворительными. Не вполнѣ успѣшное знаніе учениками высшихъ классовъ русскаго языка должно отнести къ тому, что въ этихъ классахъ по программѣ удѣленъ на этотъ предметъ одинъ только часъ. Для устраненія этого недостатка, его сіятельство приказалъ усилить преподаваніе русскаго языка въ 3-хъ высшихъ классахъ. По другимъ предметамъ во всѣхъ классахъ отвѣты были вполнѣ удовлетворительны. Должно замѣтить, что сѣдлецкая гимназія преобразована изъ польской въ русскую 4-го сентября 1866 года, когда русскому языку почти совсѣмъ не учили. Теперь же, черезъ два года, новый порядокъ такъ развился, что заведеніе носитъ на себѣ русскій отпечатокъ. Г. министръ народнаго просвѣщенія обозрѣвалъ также женскую прогимназію и

остался совершенно доволенъ успѣхами учащихся по всѣмъ предметамъ и особенно по русскому языку.

(Сѣв. Поч.)

ПО ПОВОДУ ОСВЯЩЕНІЯ ХРАМА ПРЕЧИСТОЙ БОГОМАТЕРИ ВЪ ВИЛЬНѢ.

Въ библіотекѣ виленской классической гимназіи найдена брошюрка, на польскомъ языкѣ, коллежскаго совѣтника, профессора анатоміи и медицины бывшаго виленскаго университета, Ивана-Андрея Лобенвейна, заключающая въ себя Высочайшее повелѣніе объ отдачѣ «*митрополитскаго дома*» въ вѣдѣніе университета, и рѣчь, сказанную имъ въ 1815 году въ торжественномъ засѣданіи этого же университета, по случаю открытія «новаго театра *человѣческой* и *скотской* анатоміи».

Незначительная по своему объему, она тѣмъ не менѣе очень важна по содержанію, потому что заключаетъ въ себѣ одно изъ многочисленнѣйшихъ доказательствъ той неразборчивости средствъ, которыми всегда пользовалась въ здѣшнемъ краѣ польская пропаганда для подавленія и уничтоженія въ немъ и православно-русскихъ началъ, и величавой православно-русской старины.

Въ виду возобновленія вышепоименованнаго храма, т. е. одного изъ разрушенныхъ православно-русскихъ памятниковъ, мы думаемъ, не безъинтересно будетъ для читателей узнать причины и обстоятельства, сопровождавшія его разрушеніе.

По ходатайству бывшаго попечителя виленскаго учебнаго округа, кн. Адама Чарторыжскаго, министромъ народнаго просвѣщенія, гр. Завадовскимъ, былъ поднесенъ, 16 мая 1808 года, для подписанія Государю Императору Александру Благословенному всеподданнѣйшій докладъ слѣдующаго содержанія:

«Попечитель виленскаго университета, тайный совѣтникъ, князь Чарторыжскій представилъ мнѣ, что университетскій анатомическій театръ находится въ великомъ несовершенствѣ и на невыгодномъ мѣстѣ. *Прибытіе профессора скотолѣченія, котораго курсъ и школа*, по обширности предмета и по самой ново-

сти въ Вильнѣ, требуютъ многихъ пособій и просторнаго помѣщенія, еще болѣе стѣснило сей театръ, необходимый и для казенныхъ воспитанниковъ, приготовляемыхъ въ университетѣ для врачебной части. Дабы пособить сему, университетъ, сдѣлавъ планъ и смѣту, представилъ попечителю проектъ. Онъ состоитъ въ томъ, чтобы анатомическій театръ, который, *кромѣ тѣсноты своей, причиняетъ непріятность главной улицѣ въ городѣ*, перевесть изъ настоящаго мѣста и соединить со школою скотолѣченія *на пространномъ мѣстѣ въ сторонѣ отъ города и надъ рѣчкою Вилейкою*. Въ сей планъ входятъ не только два театра обѣихъ анатомій, кабинеты, жилище прозекторовъ, бани, кухни, ванны и прочее, но также лазаретъ для животныхъ и манежъ для гимнастическихъ упражненій. Къ помѣщенію всего того признано *единственно удобнымъ ветхое каменное строеніе, подъ названіемъ домъ митрополита унитскаго* *), который, по высочайшему повелѣнію въ 1805 году, назначенъ былъ для главной духовной семинаріи, а потомъ, когда опредѣленъ для оной Августинскій монастырь, остался свободнымъ для другаго употребленія. *Убѣждаясь имѣющею произойти отъ сего пользою*, попечитель представляетъ мнѣ объ исходатайствованіи Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества повелѣнія, чтобы деньги, потребныя на перестройку всего онаго употребить изъ общихъ остатковъ по-іезуитскаго дохода, и чтобы помянутый, *такъ называемый митрополитскій домъ*, для семинаріи уже ненужный, *обращенъ былъ нынѣ на сей предметъ и отданъ въ полное распоряженіе университета*.

«Представляя о семъ Вашему Императорскому Величеству испрашиваю на оное Высочайшаго соизволенія».

Резолюція: «Быть по сему».

Такимъ образомъ одна изъ древнѣйшихъ православно-русскихъ святынь въ Вильнѣ, представленная, по волѣ неразборчивой на

---

*) Въ непродолжительномъ времени мы помѣстимъ въ Вѣстникѣ болѣе обстоятельную, составленную на основаніи найденныхъ въ публичной библіотекѣ матеріаловъ,—статью о томъ, какимъ способомъ польской интригѣ удалось завладѣть и домомъ и соборомъ митрополичьимъ. Ред.

средства польской интриги, подъ вымышленнымъ названіемъ *«ветхаго строенія, или такъ называемаго митрополитскаю дома»*, была *пожертвована «пріятностямъ главной улицы»* и отдана подъ анатомическій театръ со школою скотолѣченія. Но крѣпко было это *ветхое строеніе*, когда вліяніе 60-ти безпощадныхъ дальнѣйшихъ лѣтъ не могло разрушить его, такъ что въ настоящее время потребовалось только возобновить его!...

Открытіе этого новаго анатомическаго и скотолѣчебнаго заведенія послѣдовало 13-го августа 1815 г. и, по обычаю университета, сопровождалось рѣчью. Вникните, читатель, въ эту рѣчь витіеватаго профессора анатоміи и подивитесь той его неслыханной безцеремонности, съ которою онъ искажаетъ историческую правду, и тому предумышленному невѣжеству, съ которымъ онъ глумится надъ русской православной святыней, уже принесенной въ жертву торжествовавшей тогда латинопольской идеѣ.

«*Исторія первоначальной закладки этихъ развалинъ*, говорилъ витія, *далеко отодвинута* отъ нынѣшнихъ поколѣній и *сокрыта во мракѣ вѣковъ*. Всѣ наши розысканія по этому предмету не достигли даже *почина*. Древнѣйшіе акты этой старожитной столицы, которые бы могли разъяснить это дѣло, по своей испорченности, не могли сполна удовлетворить нашимъ усиленнымъ желаніямъ. Быть можетъ, эпоха основанія этой, нѣкогда старожитной святыни Божіей кроется во глубинѣ тѣхъ временъ, когда еще письменность не имѣла надлежащаго развитія. Быть можетъ, наконецъ, гдѣ нибудь и находятся слѣды этого памятника, уважаемаго потомствомъ, но признаемся, что намъ не удалось найти ихъ раньше XV в.»

«Въ XV в., т. е. въ 1486 года, по свидѣтельству Семена Юрьевича кн. Ольшанскаго и архимандрита Лавришевскаго Ивана Глинскаго, ей приносили дары княжны Ольшанскія: Софья Дмитровна и Марья Семеновна. Если ей приносили дары, то, значитъ, она существовала раньше».

«Въ XV в. о ней упоминается чаще. Сигизмундъ 1-й привиллегіею 1511 г. позволилъ возобновить ее гетману князю Константину Острожскому. Въ концѣ же этого вѣка, т. е. въ

1588 г., константинопольскій патріархъ Іеремія поставилъ въ ней Михаила Рогозу митрополитомъ всея Руси.—Спустя два столѣтія она была соединена съ *каплицей* (т. е. часовнею) Пречистой Богородицы».

«Каплица эта, перешедшая на степень митрополитальной церкви, сохранялась очень хорошо въ продолженіе всего XVII ст. и даже значительной части XVIII. Но въ дальнѣйшемъ движеніи человѣческихъ дѣлъ, этотъ домъ, посвященный Божіей чести и сохранявшійся въ продолженіе 400 л., постепенно теряя свою świetność (ze stopnia świetności swoiej coraz bardziej zstępując) подвергся наконецъ общей участи твореній человѣческихъ рукъ. *Тяжело было для него даже собственное долголѣтіе*»!

«Упраздненная отъ всякихъ церковныхъ службъ, и эта церковь *служила только печальнымъ памятникомъ своего прежняго значенія. Никто не могъ поднять ее и возвратить ей потерянное.* Осмотрительному правительству, конечно, нужно было приспособить эти опущенныя и пренебреженныя развалины для какого нибудь другаго полезнаго предмета. Благодѣтельныя намѣренія нашего монарха, внимательнаго къ просвѣщенію сыновъ этой доброй ойчизны, предназначили имъ служить для извѣстной части просвѣщенія».

«Предположенная прежде для главной духовной семинаріи, она *оказалась неудобною*, по причинѣ своей *низменной и нездоровой для обитателей мѣстности*, болѣе пригодною оказалась для *анатоміи и ветеринаріи*. Это обстоятельство и было причиной высочайшаго повелѣнія».

«Такимъ образомъ, лучшая нѣкогда уніатская церковь, по волѣ высочайшаго и милостиваго покровителя и распространителя наукъ, теперь предназначена для общеобразовательныхъ цѣлей. Не слѣдуетъ также упускать изъ виду и того, что когда, согласно приведенной въ извѣстность воли монарха, приступлено было къ перестройкѣ за—ново строенія, какъ въ тоже самое время *громъ ударилъ въ старую башню, какъ бы указывая на то, что слѣдуетъ сбить и остальныя, для выполненія высочайшаго предназначенія*».

«На этомъ и оканчиваются историческія свѣдѣнія объ этой церкви, называемой Спасскою».

Далѣе авторъ распространяется объ анатоміи и приходитъ къ тому умозаключенію, что храмъ Божій, что анатомія—все равно, а потому, заключаетъ онъ, «и съ уничтоженіемъ мѣста, первоначально посвященнаго Божьей чести, никогда не можетъ исчезнуть богопочитаніе».

Нужно ли прибавлять, что такія рѣчи и такія успокоенія могутъ произносить только глубоко развращенныя прозелитизмомъ и ложью натуры.

С. Шолковичъ.
(Вил. Вѣст.)

СВОДЪ ГАЗЕТНЫХЪ СУЖДЕНІЙ О ПРЕДПОЛАГАЕМОМЪ СОБОРѢ ВЪ РИМѢ.

I.

По поводу новаго собора, который созываетъ папа въ Римъ на 8-е декабря 1869 года, въ «Вечер. Газетѣ» пишутъ: можетъ быть, яснѣе, чѣмъ всѣмъ другимъ, *древній* языческій міръ отличается отъ *новаго* христіанскаго міра изолированностію народовъ. Съ тѣхъ поръ, какъ вавилонское столпотвореніе разогнало человѣческій родъ въ разныя стороны, поселилась въ народахъ страсть къ обособленію, къ отчужденію; первый призывъ къ единенію, къ союзу, къ братству, къ совмѣстной дѣятельности услышалъ міръ изъ устъ всемогущаго Учителя—изъ тѣхъ самыхъ устъ, которыя произнесли человѣчеству приговоръ разъединенія, недовѣрія и отчужденія между племенами и народами. Истины Христовой вѣры были первыми узами, которыми началъ связываться человѣческій родъ снова во едино; вселенскіе соборы церкви христіанской были въ свое время единственными обнаруженіями того духа братства и любви, который въ настоящее время имѣетъ органами своими разнообразныя международныя собранія по разнымъ вопросамъ науки и жизни. И чѣмъ болѣе распространяется просвѣщеніе, чѣмъ образованнѣе дѣлаются на-

роды, чѣмъ больше промышленная предпріимчивость и научная любознательность покоряютъ власти христіанскихъ государствъ или, по крайней мѣрѣ, дѣлаютъ доступными человѣческому знанію малоизвѣстныя племена и страны,—тѣмъ больше міръ подвигается къ исполненію молитвеннаго слова Основателя христіанства, *да вси едино будутъ*, тѣмъ больше онъ пріобрѣтаетъ средствъ къ установленію вселенскаго единства и внутренней цѣлости.

Но міръ и доселѣ еще только находится на пути къ всемірному единству, достоиніе котораго составляетъ пока только предметъ полусознательныхъ его стремленій. И пока еще только въ одной области—въ области вѣры—были испробованы и оказали великія благодѣянія человѣчеству опыты всемірнаго, вселенскаго обсужденія и рѣшенія вопросовъ. Но начала древняго языческаго міра, начала отчужденности, національной исключительности и господственнаго отношенія даже къ рѣшенію вопросовъ вѣры оказались живучими въ столицѣ древняго міра, и Римъ отпалъ отъ единства вселенской церкви для безпрепятственнаго упражненія своихъ господственныхъ притязаній на западѣ. Съ тѣхъ поръ вселенскій способъ рѣшенія церковныхъ вопросовъ уже болѣе не употреблялся въ христіанской церкви, хотя Римъ и послѣ многимъ своимъ соборамъ придавалъ названіе вселенскихъ, которыхъ, вмѣсто признанныхъ семи, онъ теперь насчитываетъ уже двадцать. Провозглашенный папою на 8 декабря будущаго года соборъ будетъ, такимъ образомъ, уже двадцать первымъ вселенскимъ соборомъ по латинскому счету. Можно напередъ сказать, что будущій соборъ останется вселенскимъ только по имени, потому что духъ *вселенства* давно уже отлетѣлъ отъ римской церкви.

Уже извѣстны тѣ главные предметы, которые папа предложитъ собору, это: 1) соединеніе римской церкви съ греческою; 2) установленіе отношеній между церковію и государствомъ, въ виду повсемѣстнаго преобразованія управленій въ конституціонныя; 3) отношенія католическаго духовенства и женскихъ монастырей къ «революціи, обнявшей весь италіанскій полуостровъ;» конечно теперешняя революція въ Испаніи также сдѣлается пред-

метомъ разсужденій собора, хотя она доселѣ не могла войти въ его программу; 4) лучшія средства къ устройству религіознаго преподаванія, чтобы поставить преграды распространенію безбожія, разрушающаго нравственность и вѣру. Всѣ перечисленные предметы, за исключеніемъ третьяго, конечно вполнѣ достойны того, чтобы сдѣлаться предметомъ обсужденій вселенскаго собора, если бы только папа могъ составить его теперь, и мы не сомнѣваемся, что древніе соборы никейскіе, константинопольскіе не отказались бы прилѣжно заняться такими важными вопросами, если бы они возникли въ ихъ время. Но мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что въ глазахъ папы и его ближайшихъ совѣтниковъ первое по важности мѣсто занимаетъ именно третій пунктъ о революціи въ Италіи, лишившей папу свѣтской власти, что вопросъ объ этомъ именно и былъ главнымъ побужденіемъ къ созванію quasi-вселенскаго собора.

Триста лѣтъ назадъ папство находилось въ такомъ же критическомъ положеніи, въ какомъ находится теперь; противъ успѣховъ и распространенія реформаціи оно искало тогда помощи во вселенскомъ же соборѣ. Составился самый важный въ глазахъ римской церкви—тридентинскій соборъ, который продолжался съ перерывами около двадцати лѣтъ, во время преосвященства трехъ папъ, и котораго опредѣленія доселѣ считаются на западѣ главнымъ закономъ вѣры, нравственности и церковной дисциплины. На этотъ соборъ не были приглашены епископы православнаго востока. Въ настоящій разъ папа Пій IX, можетъ быть, для того, чтобы по крайней мѣрѣ по внѣшности придать римскому собору 1869 года значеніе вселенскаго, разослалъ пригласительныя посланія протестантамъ и епископамъ православной восточной церкви. Но относительно протестантовъ возникаетъ серіозный вопросъ: епископовъ у нихъ, за исключеніемъ англиканской церкви, нѣтъ; какія же лица со стороны ихъ могутъ по праву явиться представителями на соборѣ, и будутъ ли такіе представители имѣть здѣсь право «*рѣшающаго*», не совѣщательнаго только, голоса, который принадлежитъ лишь епископамъ или ихъ уполномоченнымъ? Впрочемъ, это мимоходомъ. Для насъ гораздо важнѣе приглашеніе

на соборъ восточныхъ епископовъ. Поставивъ, между прочимъ, своею задачею соединеніе церквей западной и восточной, папа не могъ не пригласить на соборъ предстоятелей восточныхъ церквей. Посланіе это, безъ сомнѣнія, или уже получено, или будетъ получено и святѣйшимъ всероссійскимъ сунодомъ, и мы не станемъ предрѣшать, какой отвѣтъ дастъ папѣ нашъ всероссійскій помѣстный соборъ. Въ своемъ посланіи, котораго текстъ уже напечатанъ въ иностранныхъ газетахъ, глава римской церкви называетъ себя прямо преемникомъ того святаго князя апостоловъ, который получилъ отъ Бога преимущество предъ другими, и въ слѣдствіе этого онъ не можетъ, безъ большой опасности для своей души, пренебрегать ни одною отраслію народовъ, носящихъ христіанское имя. Затѣмъ папа пишетъ, что еще при самомъ началѣ своего первосвященства онъ приглашалъ отпавшихъ въ свою паству, но тщетно. Но онъ не покинулъ надежды на успѣхъ своего званія и еще разъ призываетъ, проситъ и заклинаетъ православныхъ епископовъ изъ глубины сердца, чтобы они явились на вселенскій соборъ 8 декабря 1869 г., подобно тому, какъ предшественники ихъ присутствовали на второмъ ліонскомъ соборѣ при Григоріѣ X и при Евгеніи IV,—римскихъ преосвященникахъ.

Попытки римской церкви возстановить единеніе съ восточною или, точнѣе, *подчинить себѣ* восточную половину христіанскаго міра, начались почти сряду по окончательномъ раздѣленіи ихъ. Въ началѣ XIII вѣка, когда латиняне утвердились съ Константинополѣ (1204 года) и основали здѣсь латинскую имперію, повидимому, легче всего было папамъ подчинить греческую церковь, и Иннокентій III пробовалъ сблизиться съ греками на соборѣ латеранскомъ: но усилія его и латинянъ, владѣвшихъ Константинополемъ, были столь же безуспѣшны, какъ и предъидущія. То же самое повторилось и на соборѣ ліонскомъ въ 1274 году. Въ 15 вѣкѣ, когда турки угрожали восточной имперіи и самому ея существованію, когда грекамъ оставалось искать помощи только на западѣ, папа воспользовался ихъ отчаяннымъ положеніемъ и на флорентинскомъ соборѣ въ 1439 году сдѣлалъ новую попыт-

ку вынудить ихъ признать его главенство. Но и эта попытка повела только къ образованію грекоунитской церкви, весьма ограниченной и по объему, и по значенію. Это была со стороны Рима уже *пятнадцатая неудачная попытка* къ соединенію съ востокомъ. Во время тридентинскаго собора въ Римѣ такъ мало разсчитывали на уступчивость грековъ, что ихъ уже не приглашали присутствовать офиціальнымъ образомъ, и нѣкоторые изъ нихъ случайно присутствовали на немъ, бывъ привезены 1) венеціанцами съ подвластныхъ послѣднимъ греческихъ острововъ. Послѣ флорентинскаго собора не было уже замѣчательныхъ попытокъ со стороны папъ къ соединенію церквей, кромѣ мѣстныхъ; такъ, напримѣръ, въ XVIII вѣкѣ нашъ посолъ въ Римѣ, князь Куракинъ, велъ по этому дѣлу довольно оживленные переговоры съ римскою куріею, не приведшіе ни къ какому результату.

Пій IX—папа пропагандистъ, и за это его превозносятъ ультрамонтанскія газеты. Благочестивый, но вмѣстѣ отважный и тщеславный, Пій IX искренно желаетъ оставить по себѣ слѣдъ въ церковной исторіи, сдѣлать имя свое славнымъ для всѣхъ вѣрныхъ римскихъ католиковъ и на всѣ послѣдующія времена. «*Непорочное зачатіе*», возведенное имъ въ догматъ латинской церкви, еще не утвердитъ его славы въ потомствѣ, потому что новый догматъ не утвержденъ еще общимъ соборомъ. Но и вообще новый quasi—вселенскій соборъ, даже, если бы онъ и не помогъ папѣ достигнуть какихъ нибудь особенныхъ результатовъ, самъ по себѣ весьма прославилъ бы его царствованіе. Между тѣмъ присутствіе на соборѣ протестантскихъ обществъ и предстоятелей восточной церкви весьма много возвысило бы и самый соборъ въ глазахъ народовъ: подобное соображеніе, въ связи съ пропагандистскимъ характеромъ папы, повело къ приглашенію на соборъ протестантовъ и восточныхъ христіанъ.

Конечно на востокѣ и западѣ, между находящимися внѣ общенія съ Римомъ, можно было бы найти представителей, которые своимъ положеніемъ, если не своими личными достоинствами, мог-

---

1) Насильно прибавимъ. *Ред.*

ли бы занять видное мѣсто въ ряду членовъ собора; но вопросъ въ томъ, какъ эти представители и ихъ мнѣнія и заявленія будутъ трактоваться на соборѣ? Что представителямъ континентальныхъ протестантовъ римскій соборъ не дастъ права на *рѣшающій* голосъ, въ этомъ мы не можемъ сомнѣваться, потому что иначе римская церковь отступила бы отъ своихъ каноническихъ правилъ. Можетъ быть, они будутъ допущены на соборъ только съ правомъ *совѣщательнаго* голоса или даже простыми зрителями и слушателями, какъ были допущены на первый вселенскій соборъ даже языческіе философы? Но въ такомъ случаѣ оффиціальное приглашеніе не имѣло бы смысла, потому что недостатка въ любопытныхъ зрителяхъ и слушателяхъ изъ среды протестантовъ, особенно изъ среды праздныхъ англійскихъ лордовъ, не будетъ на соборѣ. Что касается до востныхъ епископовъ, то имъ римская церковь имѣетъ полное право дать одинаковыя права съ латинскими членами собора, и, конечно, она дастъ такія права, особенно при вопросѣ о возсоединеніи восточнаго христіанства, съ западнымъ; но вопросъ самый важный здѣсь въ томъ, явятся ли еще на соборъ восточные епископы, примутъ ли они приглашеніе папы съ готовностію, даже могутъ ли они принять его?

Одна ультрамонтанская газета на эти вопросы отвѣчаетъ: «Вѣроятно, никто не явится—не потому, впрочемъ, что этому помѣшаютъ короли, султаны и цари, но потому, что эти востчные епископы, эти ихъ святѣйшіе синоды несговорчивы во всемъ, что касается римскаго православія.»

Ультрамонтанская газета едва ли ошибается, предсказывая, какъ на востокѣ принято будетъ папское приглашеніе на соборъ. Но это будетъ зависѣть не отъ несговорчивости восточныхъ синодовъ и епископовъ, а отъ характера самаго приглашенія и вообще постановки вопроса о единеніи церквей. Папа въ своемъ приглашеніи къ епископамъ, находящимся внѣ римской церкви, обращается, какъ намѣстникъ Христа, какъ преемникъ князя апостоловъ, который имѣетъ особенныя обязанности заботиться о всѣхъ христіанахъ и въ силу своихъ преимуществъ не можетъ

пренебрегать ни одною частію народовъ, носящихъ христіанское имя. Вдумываясь глубже въ дѣло, мы не можемъ не сознаться, что римскій первосвященникъ, не измѣняя себѣ и притязаніямъ папства, не измѣняя всѣмъ латинскимъ традиціямъ, не могъ поступить иначе. Восемъ слишкомъ вѣковъ римскій папа открыто предъ всѣмъ міромъ выдавалъ себя за верховнаго правителя Христовой церкви, римскіе католики издавна привыкли смотрѣть на него, именно какъ на верховнаго правителя церкви. Какъ верховный правитель, папа пишетъ католикамъ свою послѣднюю буллу о созваніи собора. Нельзя было ему, при обращеніи къ православнымъ епископамъ востока, вдругъ понизить *владычественный* тонъ и заговорить, какъ равному съ равными, какъ брату съ братьями, какъ единому отъ пастырей и слугъ Христовыхъ съ равными ему сопастырями и сослужителями. Нельзя было ему одною стороною лица смѣяться, а другою плакать: лицемѣріемъ и ловкостію подобнаго рода онъ, по всей вѣроятности, заронилъ бы подозрѣнія въ умахъ восточныхъ христіанъ относительно искренности «братскаго» приглашенія и несомнѣнно оскорбилъ бы убѣжденія и притязанія ультрамонтанъ—католиковъ, такъ какъ это равнялось бы публичному сознанію папою того, что всѣ восемь послѣднихъ столѣтій исторіи латинской церкви—одна громадная ошибка. Съ своей стороны и православные епископы едва ли найдутъ возможнымъ принять приглашеніе, въ которомъ такъ *ясно* и такъ высокомѣрно ставится въ самомъ началѣ ученіе о папскомъ главенствѣ въ церкви,—ученіе, восемь вѣковъ отвергаемое ими. Папскій монархическій деспотизмъ въ области вѣры не можетъ вызвать сочувственнаго отношенія со стороны восточныхъ епископовъ, держащихся и привыкшихъ къ древнему управленію церкви Христовой, *представительному* или *соборному*, и въ этомъ случаѣ ультрамонтанская газета совершенно права, когда говоритъ, что «*восточные епископы и эти синоды ихъ весьма несговорчивы относительно всего, касающагося римскаго православія*».

И по всей вѣроятности, вопросъ о соединеніи двухъ церквей придется римскому собору 1869 года разсматривать и рѣшать безъ

участія представителей одной изъ церквей, и именно безъ участія представителей древней вселенской церкви. Вся ошибка здѣсь можетъ быть выражена коротко такъ: *Римъ хочетъ присоединить къ себѣ восточную православную церковь, тогда какъ ему слѣдовало бы хотѣть присоединиться къ ней.* Кто отпалъ и удалился, тотъ первый и долженъ уничтожить прежнія раздѣленія, возвратиться и соединиться съ тѣми, кого произвольно оставилъ. Человѣческій родъ, — увидѣвшій первыя проявленія началъ общности и братства народовъ и племенъ земнаго шара въ области вѣры въ древнихъ вселенскихъ соборахъ, потомъ самъ начавшій стремиться къ осуществленію этихъ началъ средствами науки и просвѣщенія въ другихъ областяхъ дѣятельности и уже введшій; хотя и *не вселенскіе*, а пока только разные *международыые* конгрессы и общества,—съ горестію долженъ видѣть теперь, какими непобѣдимыми трудностями окружено въ настоящее время повтореніе вселенскихъ церковныхъ соборовъ, которые прежде собирались съ такою легкостію, не смотря на отсутствіе желѣзныхъ дорогъ, пароходовъ и телеграфовъ и благогодаря тогдашнему духу братства и христіанскаго единенія странъ и народовъ — безъ примѣси деспотическихъ притязаній на главенство — въ царствѣ Христовомъ.

(Кіев. Еп. Вѣд.)

2.

Иностранныя газеты, говоря о посланіи папы *«ко всѣмъ протестантамъ* и *некатоликамъ,»* впали и увлекли насъ въ ошибку: онѣ, не имѣя подъ руками самаго посланія, думали, что оно непремѣнно должно быть ни болѣе, ни менѣе, какъ приглашеніемъ на соборъ. Даже ультрамонтанская „Univers," состоящая подъ особенно сильнымъ и непосредственнымъ вліяніемъ Ватикана, писала, что въ этомъ посланіи папа приглашаетъ на соборъ «всѣхъ, отдѣлившихся отъ римской церкви въ XVI столѣтіи». Протестантантамъ пришлось горько разочароваться: папа унизилъ ихъ предъ восточною православною церковію, когда въ посланіи

къ епископамъ ея, обнародованномъ въ день рождества Пресвятой Богородицы, умоляетъ ихъ прибыть на соборъ, а въ посланіи, отъ 13 сентября, къ протестантамъ только извѣщаетъ о соборѣ, не удостоивая ихъ приглашенія на него. Тонъ посланій къ восточнымъ епископамъ и къ протестантамъ также весьма различенъ: въ первомъ притязанія папы высказываются далеко не такъ ясно и опредѣленно, какъ въ послѣднемъ, что, въ свою очередь, также не могло не быть замѣчено протестантами.

И однако-жъ, въ противоположность надеждамъ и увѣреніямъ папы, именно тѣ страны міра, которыя входятъ въ составъ римско-католической церкви и имѣютъ счастіе быть подъ верховнымъ пастырствомъ римскаго первосвященника, обнаруживали и обнаруживаютъ въ послѣднее время особенную склонность къ внутреннимъ смятеніямъ и особенное недовольство своимъ состояніемъ, таковы: Италія, Мексика, Ирландія, Австрія, Польша и правовѣрнѣйшая Испанія. Но это мимоходомъ, и мы возвращаемся къ той точкѣ зрѣнія, съ которой мы посмотрѣли на посланіе папы къ протестантамъ въ началѣ настоящей статьи. Не только это посланіе обнародовано не одновременно, а спустя пять дней послѣ обнародованія посланія къ епископамъ православной восточной церкви, не только папа не удостоиваетъ здѣсь протестантовъ приглашенія на соборъ, но самый тонъ того другаго посланія весьма различенъ. Въ посланіи къ восточнымъ епископамъ *державныя права и автократическія притязанія* папы едва-едва высказываются и весьма ловко смягчаются фразами о единеніи и любви, заимствованными изъ древнихъ отцовъ церкви и изъ писемъ прежнихъ папъ: папа однажды только здѣсь упомянулъ вскользь о преемствѣ своемъ отъ апостола Петра, и ни разу прямо не назвалъ себя *намѣстникомъ* или *викаріемъ Христа на землѣ*. Въ посланіи къ протестантамъ и некатоликамъ онъ нѣсколько разъ начинаетъ рѣчь объ апостолѣ Петрѣ, о его и своихъ отъ него правахъ, прямо говоритъ, что онъ съ восшествіемъ на папскій престолъ исполняетъ обязанности намѣстника Христова на землѣ, отъ разномыслія протестантскихъ обществъ производитъ смятенія политическія и общественныя и говоритъ, что про-

тестанты не исповѣдуютъ истинной Христовой вѣры. Трудно определить, какія соображенія руководили римскою куріею, когда она составляла столь различныя по тону посланія къ восточнымъ епископамъ и къ протестантамъ: но то вѣрно, что протестанты встрѣтили папское посланіе укоризнами и даже насмѣшками.

«Какъ добръ папа! иронически замѣчаетъ «Times,» по поводу его посланія къ протестантамъ. «Несмотря на всѣ удары судьбы, онъ печется о тѣхъ, которые давно отъ него отшатнулись. Что сказали бы испанцы, если бы ех-королева Изабелла стала убѣждать ихъ покориться ей, обязуясь управлять ими такъ же постыдно, какъ до сихъ поръ?... Потому папѣ слѣдуетъ готовиться къ вѣжливому отказу на его приглашеніе.» Другая англійская газета «Saturday Review» всѣмъ, рѣшительно всѣмъ недовольна въ папскомъ посланіи къ протестантамъ. Она обвиняетъ папу прежде всего въ небрежности и въ скаредности, съ какими онъ обнародовалъ свое посланіе въ своей малоизвѣстной официіальной газеткѣ. Затѣмъ, она предполагаетъ, что у римской куріи были свои соображенія, когда она подобнымъ тономъ сочла нужнымъ говорить къ своимъ *заблудшимъ козламъ*. Папа, увѣряетъ газета, написалъ свое посланіе протестантамъ такъ, чтобы нельзя было ожидать на него отвѣта: оно разсчитано на то, чтобы не привлечь, а оттолкнуть протестантовъ. «Посланіе это, читаемъ въ «Saturday Review,» имѣетъ свою цѣну, и оно можетъ быть выставлено, какъ самое смѣлое проповѣдываніе самыхъ высокомѣрныхъ притязаній, къ которымъ пришла новѣйшая римская теологія. Въ этомъ отношеніи, т. е. какъ указаніе того, до какихъ крайнихъ предѣловъ можетъ и расположена доходить ультрамонтанская партія, оно не только любопытно, но и весьма важно: но какъ посмотрятъ на него другія римскія партіи? Что касается до тѣхъ, къ кому именно адресовано посланіе, то, конечно, самъ папа не ожидаетъ, что оно будетъ принято,—если только не будетъ отвергнуто вовсе съ другимъ чувствомъ, а не съ чувствомъ, близкимъ къ презрѣнію.» Нѣмецкая газета «Freie Presse» увѣряетъ, что ни епископальные англійскіе и шведскіе протестанты, ни протестанты германскіе никогда не войдутъ въ соглашеніе съ Римомъ. «Съ ве-

ликою массою нѣмецкаго народа, который проникнутъ духомъ протестанисма, пишетъ означенная газета, папство ни теперь, ни въ будущемъ не можетъ разсчитывать на соглашеніе. Слишкомъ рѣзко и враждебно относятся они другъ къ другу. Папство требуетъ подчиненія мысли вѣрѣ, воли—державной власти духовнаго владыки; нѣмецкій протестанисмъ даетъ свободу мысли... Папство и протестанисмъ—это древнее и новое время, тьма и свѣтъ, это противоположности... Но что же значитъ послѣ этого папское посланіе? По всему видно, имъ хотѣли заставить міръ повѣрить тому, будто папство имѣетъ еще жизненныя силы въ себѣ, будто оно можетъ взять на себя инициативу въ великомъ дѣлѣ примиренія разныхъ христіанскихъ церквей, будто оно можетъ создать то золотое время, когда будетъ едино стадо и единъ пастырь. Пожалуй, и можно было бы осуществить эту великую идею, но только согласно съ духомъ времени, а не противъ него. Первая реформація раздѣлила церкви, вторая могла бы соединить ихъ. Конечно, при non possumus невозможна никакая реформація. Папство уже не въ состояніи больше влить новыя силы въ состарѣвшуюся церковь и соединить разъединенные члены христіанства: этого можно достигнуть посредствомъ священнаго духа свободы, а не посредствомъ той благочестивой страсти порабощать и подчинять себѣ, которою проникнуто папское посланіе.»

Мы далеки отъ того, чтобы согласиться со всѣми сужденіями протестантской публицистики о папскомъ посланіи къ протестантамъ, сочувствовать ея насмѣшливымъ и презрительнымъ выходкамъ противъ папы, но думаемъ, что это посланіе, какъ болѣе ясно и откровенно высказывающее воззрѣнія и стремленія господствующей въ настоящее время въ совѣтахъ папы ультрамонтанской партіи, не должно быть упускаемо изъ виду восточными епископами при составленіи отвѣта папѣ на посланіе, обращенное собственно къ нимъ. Прежде всего въ посланіи къ протестантамъ папа не старается снизойти до того, чтобы доказывать имъ свои положенія; хотя онъ увѣряетъ, что всѣ протестанты покрыты облакомъ заблужденія, но и онъ самъ не старается нисколько разсѣять это облако; онъ принимаетъ за несомнѣнное такое ученіе,

которое составляло и составляетъ предметъ споровъ не только между нимъ и его епископами съ одной стороны и между православною восточною церковію и протестантами съ другой, но и между богословами и канонистами римско-католическими. Мы разумѣемъ то основное положеніе, которое папа опредѣленно развиваетъ въ посланіи къ протестантамъ, что онъ, въ своемъ званіи монарха и самодержца церкви, имѣетъ верховныя права управлять всею церковію и есть ея единый высшій законодатель и правитель. Такого ученія никогда формально не признала римская церковь, и можно опасаться, что вселенскій соборъ и созывается именно съ цѣлію формально утвердить подобную диктатуру. Не забудемъ, что подобное ученіе отвергли Боссюэтъ, Де-Марка, Ван-Еспенъ, сорбонскіе доктора и соборы констанцскій и базельскій.

Выходя изъ такого воззрѣнія на себя, папа совершенно естественно поступаетъ, когда вслѣдъ затѣмъ обращается къ протестантамъ, какъ школьный начальникъ къ мальчикамъ. Древняя церковь совершенно иначе обращалась съ своими еретиками и раскольниками; она вразумляла, она доказывала имъ, она ихъ, какъ Арія, напримѣръ, приглашала для объясненій на соборы. «*Никто*, говоритъ онъ, напримѣръ, *не можетъ отвергать или сомнѣваться*, что самъ Іисусъ Христосъ, чтобы усвоить всѣмъ сынамъ человѣческимъ плоды искупленія, *на лицѣ св. Петра* устроилъ Свою церковь» и т. д. Что же это такое, что «всякій знаетъ,» чего «невозможно отвергать,» что «неопровержимо?» Это есть то самое ученіе, которое греки и протестанты, русскіе и англиканцы, пресвитеріане и сектаріанцы всегда отвергали и отвергаютъ. Папа говоритъ: этого никто не можетъ отвергать,—значитъ, мы не въ состояніи понимать того, что говоримъ, когда отвергаемъ это. Онъ смотритъ на настоящій міръ и говоритъ, что мы не должны говорить того, что говоримъ; онъ обращается къ міру прошедшему и увѣряетъ, что исторія всегда говорила то, чего, какъ извѣстно, она никогда не говорила. Обыкновенно прежде говаривали пословицу: Roma locuta est, causa finita est (Римъ сказалъ, дѣло кончено); теперь слѣдуетъ сказать: Pius loquitur, causa non est (Пій говоритъ, основаній не ожидай!).

Въ заключеніе, мы остановимъ вниманіе читатетей на одномъ странномъ утвержденіи, встрѣченномъ нами въ статьяхъ протестантской публицистики противъ папскаго посланія. Несмотря на то общее уваженіе, какое у насъ принято оказывать учености нѣмцевъ, странное утвержденіе, обнаруживающее заразъ и незнаніе церковной исторіи, и фанатическо-ультрамонтанскую недобросовѣстность относительно Россіи, мы встрѣтили именно въ нѣмецкой и притомъ въ протестантской газетѣ. «Neue Freie Presse» увѣряетъ, что въ продолженіе многихъ вѣковъ греческая церковь господствовала надъ латинскою. Не только въ первые вѣка, когда римскимъ епископамъ еще не приходило въ голову высказывать притязаній на игемонію въ христіанскомъ мірѣ, и когда большая часть соборовъ, и притомъ главнѣйшихъ, происходили на востокѣ и состояли почти изъ однихъ греческихъ епископовъ, но и послѣ даже до IX вѣка замѣчается преобладаніе греческой церкви; но когда подарки Пипина и Карла Великаго положили основаніе церковной области, и папы сдѣлались территоріальными владѣтелями, тогда они начали обнаруживать высокомѣріе и фанатически присвоили себя господство въ христіанствѣ. Нѣкогда господствовавшая греческая церковь была заклеймена наименованіемъ еретической и, въ сравненіи съ Римомъ, стала развѣнчанною царицею.»

Но слѣдующее, чисто ультрамонтанское воззрѣніе *особенно* странно встрѣтить въ протестантской газетѣ. Оно не ново, но до такой степени любопытно, что мы приведемъ его сполна: «Въ настоящее время греческая церковь опять достигла своего могущества. Она стала государственною церковію имперіи, по пространству величайшей въ мірѣ, и такъ какъ ей не удалось *однако-жъ* уравнять константинопольскаго патріарха съ папою, то, *въ замѣнъ этого, она сдѣлала папою петербургскаго царя* (?!) Слѣдовательно (?) въ настоящую пору рѣшительно невозможно примиреніе, смиренное возвращеніе грековъ въ лоно католицисма. Противъ этого возстанутъ и царизмъ (?!), и весь русскій народъ (это-то и главное!), и нельзя понять, какую цѣль имѣлъ въ виду Пій IX, приглашая на соборъ греческихъ епископовъ: они не явятся, они не могутъ явиться.

Замѣтимъ, съ своей стороны, одно. Какъ ни дико звучитъ въ православномъ русскомъ ухѣ подобное увѣреніе, что, кромѣ римскаго папы, есть еще «петербургскій папа» и за этою «*дичью*», распускаемою по Европѣ нашими же великосвѣтскими отступниками отъ православія, гоняются даже протестантскіе писатели, и находятъ возможнымъ выставлять ее на показъ, какъ цѣнную добычу. И все это зависитъ не столько отъ существа дѣла, сколько отъ неопредѣленности у насъ отношеній между церковію и государствомъ, о которой такъ много и иногда весьма основательно разсуждала одна московская газета.

(Вечерн. Газета).

3.

Приглашеніе на римскій вселенскій соборъ, адресованное папою къ православнымъ и протестантамъ, все еще продолжаетъ занимать иностранную публику и печать. Всѣ единодушно соглашаются, что приглашеніе это никоимъ образомъ не достигнетъ предположенной цѣли. Протестантизмъ слишкомъ далеко ушелъ отъ папства, чтобы возможно было между ними примиреніе. Недавно еще берлинская Boersenhalle («Биржевая Газета») указала на бездну, раздѣляющую эти два вѣроисповѣданія. «Папство, говоритъ она, требуетъ покорности мысли, полнаго ея подчиненія верховной волѣ единой духовной главы; протестантство смотритъ на мысль, какъ на щитъ, и предоставляетъ каждому право отрицать или вѣровать: при такомъ глубокомъ антагонизмѣ никакая сдѣлка невозможна. Папство и протестантство, старое время и новое, тьма и свѣтъ—это такія противорѣчущія понятія, которыя по меньшей мѣрѣ равносильны одно другому,» и т. д. Но не о томъ мы намѣрены повести рѣчь въ настоящую минуту. Насъ занимаетъ то, какъ смотритъ иностранная журналистика на возможность соглашенія между православіемъ и католицизмомъ и на самое устройство православной церкви. Въ этомъ отношеніи мы встрѣтили въ нѣкоторыхъ органахъ иностранной журналистики такія мысли, которыя безспорно дѣлаютъ честь ихъ безпристраст-

ному взгляду на дѣло. Изъ множества заявленій въ этомъ смыслѣ мы приведемъ особенно выдающіяся, и прежде всего укажемъ на ту самую берлинскую газету, о которой уже упомянули выше.

«Биржевая Газета» полагаетъ, что греческіе епископы менѣе, чѣмъ когда нибудь, имѣютъ побужденій къ примиренію съ Римомъ. Указавъ на историческія и политическія причины, препятствующія этому примиренію, она переходитъ къ вопросу о главенствѣ папы. «Въ продолженіи многихъ вѣковъ, говоритъ берлинская газета, верховная власть въ дѣлахъ церковныхъ принадлежала востоку. Со времени Іисуса Христа до IX вѣка, епископамъ римскимъ даже и въ голову не приходило заявлять какія либо притязанія на главенство въ церкви. Большая часть важнѣйшихъ соборовъ собирались на греческой почвѣ, и являлись на нихъ попреимущественно греческіе епископы. Все это было весьма естественно. Патріархъ константинопольскій возсѣдалъ въ центрѣ обширной имперіи, на политическія дѣла которой онъ нерѣдко оказывалъ важное вліяніе, тогда какъ папа, хотя и пользовался духовною властію въ Римѣ, но былъ лицомъ безсильнымъ, подчиненнымъ произволу экзарховъ или королей ломбардскихъ. Но когда подарки Пипина Короткаго и Карла Великаго основали церковную область, тогда папы, пріобрѣвъ могущественную свѣтскую власть, присвоили себѣ всѣ возможныя права и захватили въ свои руки власть надъ христіанскимъ міромъ, заклеймивъ въ тоже время восточную церковь именемъ еретической. Въ настоящую пору церковь греческая сдѣлалась снова могущественной и, подъ покровительствомъ русрусскаго Царя, обращеніе ея въ католичество сдѣлалось невозможнымъ. Не только цари, но и весь русскій народъ, весь востокъ возстанутъ противъ подобнаго обращенія,—и рѣшительно становится непонятнымъ, какую цѣль могъ имѣть въ виду Пій IX, обращаясь съ своимъ приглашеніемъ къ греческимъ епископамъ. Они не пойдутъ въ Римъ, они не могутъ идти туда.»

Устраняя то, что есть чисто внѣшняго въ этомъ взглядѣ протестантской газеты на отношенія востока къ западу, нельзя не согласиться, что ею высказана глубокая правда римскому первосвященнику, и хорошо было бы, если бы онъ воспользовался этимъ

случаемъ, чтобы взвѣсить свое собственное положеніе и стать на историческую почву для опредѣленія своихъ правъ въ церкви христіанской.

Но вотъ другая статья иностранца, замѣчательная въ другомъ отношеніи. Въ парижской газетѣ Temps («Время») появилась корреспонденція изъ Флоренціи, касающаяся вопроса о церкви русской и именно объ отношеніи ея къ свѣтской власти. Извѣстно, что по этому предмету въ западномъ мірѣ господствуетъ чрезвычайно ложный взглядъ, вызванный сколько общимъ складомъ воззрѣній западнаго и собственно католическаго міра на отношенія церкви къ государству, столько же невѣжествомъ и ненавистью католицизма къ православію. Западно-католическій міръ упорно твердитъ, не смотря ни на какія опроверженія и ни на какіе факты, что въ Россіи свѣтская власть облечена властію духовною и въ этомъ качествѣ даже устанавливаетъ догматы и утверждаетъ правила вѣры. Читатели наши, вѣроятно, не забыли блистательной полемики, веденной по этому вопросу лѣтъ семь тому назадъ почтеннымъ предстоятелемъ православной нашей церкви въ Парижѣ (нынѣ предсѣдатель учебнаго комитета при святѣйшемъ Синодѣ), протоіереемъ I, В. Васильевымъ съ епископомъ нантскимъ Александромъ. Знаменитое письмо о. Васильева къ этому прелату, путемъ безпощадной логики и неопровержимыхъ фактовъ, уничтожило фальшивыя воззрѣнія на русскую церковь, высказанныя вышеупомянутымъ епископомъ въ посланіи къ своей паствѣ. Но, какъ видно, съ людьми, которые насильственно закрываютъ глаза отъ свѣта, трудно дѣйствовать путемъ убѣжденія. Фальшивыя воззрѣнія на русскую церковь ходятъ и будутъ еще долго ходить въ католицизмѣ. Упомянутый выше корреспондентъ парижской газеты, пользуясь приглашеніемъ папы къ восточнымъ епископамъ, рѣзко возстаетъ противъ этого намѣреннаго ослѣпленія и осыпаетъ ихъ вполнѣ заслуженными упреками и насмѣшками за распространеніе лжи.

Мы не будемъ приводить здѣсь самаго изложенія сущности дѣла, изложенія правдиваго, заключающагося въ корреспонденціи. Для русскихъ читателей въ немъ нѣтъ ничего новаго; но любо-

пытно это защищеніе православной церкви со стороны человѣка посторонняго и принадлежащаго къ инославному исповѣданію. «Устройство святѣйшаго Синода, говоритъ онъ, часто было представляемо въ искаженномъ видѣ католическими писателями. Кто не читалъ ихъ разсказовъ о русскомъ императорѣ, который, въ слѣдъ за военнымъ парадомъ, занимается будто бы составленіемъ членовъ вѣры? Кто не слыхалъ объ этомъ артилерійскомъ или гусарскомъ полковникѣ, устанавливающемъ церковные обряды? Все это ребяческія бредни писателей, которыхъ я охотно назвалъ бы потѣшниками сакристіи. Впрочемъ эти потѣшники далеко не забавны въ своихъ остроумныхъ выходкахъ... Говорятъ, что соединеніе свѣтской власти съ высшимъ наблюденіемъ въ области церковной въ лицѣ русскаго монарха дѣлаетъ русскую церковь какою-то принадлежностью кавалерійскихъ полковниковъ, — это ложь, это нелѣпость; но само собою разумѣется, что это соединеніе устраняетъ возможность рѣзкаго противорѣчія въ дѣлахъ церкви съ общимъ ходомъ государственныхъ дѣлъ.., Къ чему это маскарадное преодѣванье? къ чему эта ложь? Я прочелъ много католическихъ сочиненій, направленныхъ противъ русской церкви, и никогда не встрѣчалъ такого безстыднаго соперничества въ сферѣ духовной... И какъ легко было бы обратить противъ самаго Рима тѣ самые упреки въ суевѣріяхъ, которыми онъ осыпаетъ русскую церковь... Когда посмотришь на эти возмутительныя глупости, то невольно приходятъ на мысль тѣ ничтожныя личности, которыя въ своемъ площадномъ неистовствѣ кричатъ: «А, ты не хочешь молчать,—такъ я выскажу все,» и они дѣйствительно высказываютъ все, что взбредетъ имъ на умъ.»

Это рѣзкое слово правдиваго человѣка, возмущающагося явною ложью, приводитъ насъ къ мысли, какъ хорошо было бы, если бы представители православной церкви на Востокѣ и въ Россіи, по поводу вызова, сдѣланнаго папой, въ торжественномъ посланіи высказали свое твердое, убѣдительное и вмѣстѣ братское слово римскому первосвященнику. Мы помнимъ, что по поводу приглашенія къ соединенію съ католическою церковью, сдѣланнаго восточной церкви тѣмъ же папою, при возшествіи своемъ на рим-

скій престолъ, православные патріархи востока отвѣчали ему посланіемъ, которое навсегда сохранится въ лѣтописяхъ православной церкви. Посланіе это не убѣдило папы; но важно, если православная церковь будетъ по временамъ высказываться въ слухъ всего христіанскаго міра. Если братское слово православнаго востока останется бездѣйственнымъ въ стѣнахъ Рима, то оно не пройдетъ безслѣднымъ для истинно вѣрующихъ и для ищущихъ истины во всѣхъ странахъ христіанскаго міра. Слово истины, проникнутое духомъ любви, не можетъ не отозваться въ сердцахъ ихъ. Оно особенно важно теперь, когда между христіанами нѣкоторыхъ исповѣданій пробудилось движеніе для изысканія религіозной истины и когда самъ глава католической церкви призываетъ къ обсужденію религіозныхъ вопросовъ. Но и во всякомъ случаѣ, слово православнаго востока было бы его торжественнымъ исповѣданіемъ вѣры, еще разъ свидѣтельствующимъ объ истинѣ, принесенной на землю Божественнымъ Искупителемъ. Это было бы лучомъ свѣта посреди мглы, облегающей отовсюду религіозное сознаніе современнаго человѣчества...

(Совр. Лист.)

4.

ПРІЕМЪ ПАПСКИХЪ ПОСЛОВЪ ЕГО СВЯТѢЙШЕСТВОМЪ ПАТРІАРХОМЪ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИМЪ.

Въ субботу, 5-го октября, въ 10 ч. утра, члены латинской церкви въ Константинополѣ, дон-Теста и три аббата, прибыли въ папатріархатъ. Принятые протосингеломъ со всею церемоніею, употребляемою въ подбныхъ случаяхъ, члены латинской церкви были допущены до его святѣйшества патріарха, который принялъ ихъ благосклонно, позволилъ имъ поцаловать свою руку и обнялъ ихъ по обычаю, изъявляя удовольствіе видѣть ихъ у себя.

Дон-Теста и три аббата встали съ мѣстъ своихъ, и въ то время, какъ дон-Теста вынималъ изъ кармана богато преплетенную брошюру, одинъ изъ трехъ аббатовъ его свиты произ есъ на греческомъ языкѣ слѣдующую рѣчь: „Въ отсутствіе монсиньйора Брунони, находящагося теперь въ Римѣ, мы пришли пригласить ва-

ше святѣйшество принять участіе во вселенскомъ соборѣ, долженствующемъ собраться въ Римѣ въ слѣдующемъ 1869 году, 8-го декабря, и просимъ васъ принять пригласительное посланіе его святѣйшества папы".

По знаку патріарха, дон-Теста положилъ возлѣ его принесенное имъ посланіе, и его святѣйшество пригласилъ всѣхъ четырехъ латинскихъ аббатовъ снова сѣсть на свои мѣста.

Послѣ нѣкотораго молчанія, патріархъ, тономъ, исполненнымъ кротости и смиренія, сказалъ: „Еслибъ въ римскихъ газетахъ не было уже напечатано письмо, которымъ его святѣйшество приглашаетъ насъ въ Римъ на соборъ, который вы называете вселенскимъ, и еслибъ мы не знали уже цѣли и желаній папы, то съ большимъ удовольствіемъ приняли бы письмо патріарха древняго Рима, въ надеждѣ найдти въ немъ какую-нибудь новую мысль; но это письмо, уже дошедшее до насъ въ печати, объяснило намъ цѣль его святѣйшества—цѣль, діаметрально противоположную православной церкви Востока, и мы объявляемъ вамъ, почтеннѣйшіе отцы, съ искренностью и прискорбіемъ, что мы не можемъ принять ни подобнаго приглашенія, ни подобнаго письма, которое повторяетъ тѣ же правила, противоположныя духу евангелія, постановленіямъ вселенскихъ соборовъ и писанію св. отцовъ.

„Въ 1848 году, его святѣйшество папа уже сдѣлалъ подобный шагъ, побудившій тогда вселенскую церковь послать ему соборное посланіе, въ которомъ просто и ясно было изложено несогласіе между апостольскими преданіями и принципами Рима, посланіе, которое было очень непріятно его святѣйшеству, что ясно доказывалъ его тогдашній отвѣтъ.

Такъ какъ папа не уклонился отъ своихъ правилъ и такъ какъ мы, милостію Божіею, не отклонились отъ нашихъ, то и не желаемъ напрасно причинять новыя неудовольствія папѣ и растравлять застарѣлыя раны. Мы не хотимъ также разжигать уснувшую ненависть, потому что мы всѣ, болѣе нежели когда нибудь, нуждаемся въ евангельской любви, чтобъ предохранять церковь Христову отъ разнородныхъ опасностей, ее окружающихъ. Мы думаемъ, что разрѣшеніе церковнаго вопроса надобно искать въ исторіи.

„Десять вѣковъ назадъ существовала одна церковь, какъ на Востокѣ, такъ и на Западѣ, исповѣдовавшая одни и тѣ же догма-

ты. Обратимся къ этой эпохѣ и посмотримъ, кто измѣнилъ ихъ прибавленіями и убавленіями. Уничтожимъ нововведенія, если онѣ окажутся, и тогда мы незамѣтно снова станемъ на ту точку каѳолическаго православія, отъ которой все болѣе и болѣе удаляясь, древній Римъ увеличилъ пропасть, насъ раздѣляющую, вводя новые догматы и новыя постановленія, несовмѣстныя съ священными преданіями".

Въ отвѣтъ на вопросъ аббата Тесты, о какихъ разнствующихъ принципахъ говоритъ его святѣйшество, патріархъ сказалъ:" Не входя въ подробности, повторяемъ вамъ, что до тѣхъ поръ, пока на землѣ будетъ существовать церковъ Христова, мы не можемъ допустить ни другого верховнаго пастыря, кромѣ самаго Господа нашего, ни существованія непогрѣшимаго патріарха, превышающаго власть вселенскихъ соборовъ, которымъ однимъ принадлежатъ титулъ *непогрѣшимыхъ*, потому что они всегда сообразжались съ духомъ св. Писанія и апостольскихъ посланій. Мы не можемъ допустить неравенства апостоловъ, вѣря равносильности просвѣщенія ихъ св. Духомъ, ни первенства какого-нибудь патріарха или папы, основаннаго не на соборномъ и человѣческомъ распоряженіи, а, какъ вы утверждаете, на правѣ божественномъ."

Одинъ изъ аббатовъ замѣтилъ, что Римъ не думаетъ измѣнять этихъ принциповъ, что флорентинскій соборъ провозгласилъ возсоединеніе обѣихъ церквей и что папа, въ виду рѣшенія, имъ изложеннаго, приглашаетъ всѣхъ еще несоединившихся и непросвѣщенныхъ участвовать въ римскомъ соборѣ, съ цѣлью просвѣтить и свести ихъ воедино. Патріархъ отвѣаалъ: "Только одни люди безъ образованія могутъ не знать того, что было писано противъ флорентинскаго собора, и, кончено, вы не изъ числа этихъ людей, почтенные отцы. Собраніе, созванное съ политическою цѣлью и для интересовъ свѣтскихъ, а не духовныхъ, не заслуживаетъ названіе св. собора, хотя оно и принудило нѣкоторыхъ изъ нашихъ, голодомъ и всякаго рода насиліями, принять на нѣкоторое время рѣшеніе тогдашняго папы. Св. отцы церкви Востока и Запада и семь соборовъ, которые одни только и могутъ называться вселенскими—вотъ руководители непогрѣшимые и вѣрные пастырю западной церкви, если онъ искренно хочетъ и ищетъ евангельской истины, и только ими и чрезъ нихъ мы можемъ соединяться въ священномъ объятіи догматическаго единенія. Все,

что будетъ сдѣлано внѣ этого пути, будетъ признано немогущимъ присоединять къ себѣ членовъ церкви восточной. Впрочемъ, если нѣкоторые епископы западной церкви, неувѣренные въ догматахъ вѣры, ими исповѣдуемой, желаютъ собраться, чтобъ провѣрить ихъ, то они имѣютъ полное право собраться, когда и гдѣ имъ угодно; но мы не имѣемъ въ этомъ никакой надобности, потому что тверды въ преподанной намъ вѣрѣ св. отцовъ. Но, почтеннѣйшіе отцы, если уже мы говоримъ о вселенскихъ соборахъ, то позвольте сказать вамъ, что они собирались совершенно иначе, нежели это дѣлается теперь. Еслибъ его святѣйшество папа, принявъ за правило равенство и братство апостольское, сознавалъ, что по каноническимъ законамъ, онъ только primus in paribus (первый между равными), то вмѣсто того, чтобъ публиковать въ газетахъ слова и рѣчи, доказывающія намѣреніе его выдавать себя за верховнаго главу христіанства, онъ долженъ бы былъ письменно адресоваться къ каждому патріарху восточной церкви, спрашивая своихъ братьевъ во Христѣ, раздѣляютъ ли они его мнѣніе о созваніи собора, какіе вопросы должны быть разсматриваемы, гдѣ и когда долженъ быть созванъ предполагаемый соборъ. Обратимся опять къ исторіи и къ вселенскимъ соборамъ, если вы искренно желаете нашего соединенія; если же нѣтъ, если это для васъ слишкомъ большой трудъ, то ограничимся тѣмъ, что будемъ возсылать къ престолу Божію молитвы „о мирѣ всего міра и о соединеніи церквей!“ При теперешнихъ же обстоятельствахъ мы объявляемъ вамъ, что не можемъ принять ни вашего приглашенія, ни вашего окружнаго посланія“.

„Однѣ молитвы поведутъ ли насъ къ соединенію?“ спросилъ одинъ изъ аббатовъ. „Если человѣкъ боленъ, мы призываемъ къ нему врача, хотя надѣемся на Бога и молимъ о его выздоровленіи“.

Патріархъ отвѣчалъ: „Когда дѣло идетъ о болѣзни духовной и нравственной, Господь Богъ нашъ знаетъ, кто боленъ, сколько онъ страдаетъ, какой родъ его болѣзни и какія должны быть употребляемы лекарства. Повторяемъ, что считаемъ молитву необходимою для того, чтобъ Спаситель міра внушилъ каждому рѣшимость дѣйствовать во славу Божію“.

Сказавъ это, патріархъ приказалъ протосингелу, присутствовавшему при аудіенціи, взять брошюру и передать ее предста-

вителю монсиньйора Брунони. Послѣ чего четыре аббата откланялись его святѣйшеству вселенскому патріарху и, провожаемые протосингеломъ до лѣстницы, оставили патріархатъ.

Эта аудіенція, полная достоинства со стороны патріарха, произвела сильное впечатлѣніе на все православное населеніе 1).

Совр. Лист.

*(Продолженіе будетъ *).*

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ПРАВОСЛАВНЫХЪ БРАТСТВАХЪ ВЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

Православныя братства въ нашихъ западныхъ губерніяхъ начали возникать и укрѣпляться преимущественно въ то время, когда гнетъ латино-польской пропаганды, стремившейся къ истребленію православной вѣры и русской народности, сдѣлался невыносимымъ, въ особенности во время продолжительнаго царствованія Сигизмунда III. Скромныя ремесленныя и купеческія корпораціи, пользовавшіяся значительной автономіей по Магдебургскому праву, подъ руководствомъ и покровительствомъ сильныхъ защитниковъ православія изъ западно-русскаго дворянства и аристократіи, сами составили себѣ тогда точные, опредѣленные *уставы* дѣятельности для защиты православной вѣры и русской народности, выхлопотали утвержденіе ихъ королевскими грамотами и, въ такомъ видѣ, братской дѣятельности своей придали характеръ благотворительности въ самомъ обширномъ значеніи слова. Богатые, роскошные дворцы немногихъ ухранившихся отъ ополяченія западно-русскихъ магнатовъ гостепріимно открывали тогда братчикамъ свои залы, гдѣ скромные иноки, на ряду съ именитыми вельможами и гражданами, трудились усердно для уничтоженія чуждаго іезуитскаго вліянія и для защиты силою слова православія и угнетенной народности. По мѣрѣ накопленія матеріальныхъ средствъ братства начали заводить тогда богадѣльни, училища, типографіи, раздавать пособія деньгами, утварью, кни-

---

1) И, конечно, инославное, потому что подобныхъ примѣровъ христіанскаго братолюбія, величія истины, ясности, силы и полноты (при краткости) доводовъ, немного представляетъ исторія. Ред. «Вѣст. Зап. Россіи».

*) Смотри 6-ю кн. Вѣстника З. Р. отдѣлъ III, и 7-ю отдѣлъ IV.

гами и т. п., такъ что, напр., братство, существовавщее при Богоявленской церкви въ Кіевѣ, основало въ концѣ XVI вѣка ту знаменитую школу, обратившуюся въ послѣдствіи въ кіевскую академію, которая послужила потомъ образцомъ подобной же школы въ Москвѣ, подъ именемъ Заиконоспаскаго училища или славяно-греко-латинской академіи. На эти историческія воспоминанія навело насъ печатаемое ниже письмо изъ Пропойска о дѣятельности существующаго тамъ съ 15 мая 1864 года православнаго братства. Въ ничтожномъ мѣстечкѣ Быховскаго уѣзда Могилевской губерніи, Пропойскѣ, благодаря религіозному усердію нѣкоторыхъ искреннихъ ревнителей православія, возникло братство, которое въ теченіи четырехлѣтней дѣятельности своей успѣло возбудить къ себѣ такое сочувствіе, что со всѣхъ концовъ Россіи отозвались съ участіемъ жертвователи, снабдившіе братство деньгами болѣе 5½ тысячъ, церковною утварью и разными вещами, на сумму болѣе тысячи рублей, да книгами болѣе тысячи экземпляровъ. Кромѣ того, пожертвованъ братству деревянный домъ, капитально передѣланъ имъ на пожертвованныя деньги другой домъ каменный, въ которомъ помѣщено народное училище, поддержанное и улучшенное на братскія же средства, наконецъ его же стараніями созданъ стройный хоръ пѣвчихъ изъ учениковъ народнаго училища и мѣстныхъ причетниковъ. Въ настоящее время братство занято уже осуществленіемъ новаго дѣла — устройствомъ на свои средства больницы и богадѣльни. Такіе результаты, достигнутые небольшимъ кружкомъ русскаго общества въ незначительномъ мѣстечкѣ, служатъ самымъ наглядимымъ доказательствомъ того, что правительство, разрѣшивъ возобновленіе братствъ, дало въ руки русскаго общества силу, которая самымъ культурнымъ образомъ можетъ воздѣйствовость на развитіе и укрѣпленіе въ народѣ русскихъ началъ жизни, среди далеко неисчезнувшихъ еще здѣсь чуждыхъ неблагопріятныхъ вліяній. Мы никакъ не можемъ согласиться съ тѣми, которые силятся доказать, что въ настоящее время, при энергическомъ покровительствѣ православію и русской народности со стороны правительства, и то и другое находится

внѣ всякой опасности отъ гибельныхъ вліяній, что братства, возникшія здѣсь во время гоненій на нашу вѣру и народность, нынѣ отжили свой вѣкъ и составляютъ теперь не что иное, какъ анахронизмъ. Мы отвѣтимъ на это, что далеко не достигнута еще цѣль нравственнаго объединенія нашихъ единовѣрцовъ на окраинахъ съ велико-русскими собратьями, многое еще, оставшееся отъ прежняго порядка вещей, повторяется и нынѣ и не перестаетъ поражать свѣжаго русскаго человѣка своимъ безобразіемъ. Еще много у насъ храмовъ Божіихъ, лишенныхъ благолѣпія, много еще сохранилось особенностей, идущихъ со временъ уніи и неизвѣстныхъ въ церкви православныхъ бѣлоруссовъ, равнодушныхъ къ посѣщенію православныхъ храмовъ, наклонныхъ къ костелу, читающихъ молитвы по польски, уклоняющихся отъ русскихъ школъ народныхъ. Явленія эти едва ли могутъ скоро прекратиться, если правительство будетъ дѣйствовать въ краѣ одно, безъ поддержки русскаго общества; оффиціальныя мѣры его будутъ преслѣдовать только внѣшнее проявленіе зла, не касаясь внутреннихъ его основъ. Мѣрами этими могутъ, напр., быть предупреждаемы открытыя совращенія, тогда какъ возможны совращенія тайныя; а можно ли отрицать послѣднія, когда существуютъ въ краѣ римско-католическіе приходы съ богатыми костелами и ксендзами? Короче, нужно быть на мѣстѣ или послушать вѣстей изъ глухихъ захолустьевъ, гдѣ лучше видно настоящее положеніе вещей, чтобы понять, какъ много слѣдовъ пропаганды остается еще и доселѣ и какія нужны усилія *именно со стороны русскаго общества*, чтобы бороться съ вредными вліяніями и дѣло народности и, въ особенности, православія поставить внѣ всякой опасности. Поэтому всѣми мѣрами нужно содѣйствовать правильной и плодотворной организаціи здѣсь русскихъ общественныхъ силъ и предупреждать поползновенія къ разъединенію, столь у насъ обыкновенному; необходимо это въ особенности въ виду единодушія и крѣпкой солидарности польскаго и еврейскаго обществъ.

Чтобы убѣдиться нагляднѣе, до какой степени недостаточенъ одинъ правительственный образъ дѣйствованія въ дѣлѣ религіи

и народной культуры, мы сошлемся въ заключеніе
ство лица, бывшаго посредникомъ между нуждами
скихъ приходовъ и школъ съ одной стороны и бл
русскихъ людей съ другой,—лица, которое, по само
своему, могло безпристрастно обсудить разницу меж
емъ, возникшимъ по частной инціативѣ, и таким
веденнымъ казеннымъ способомъ. «Опытъ прежних
ворится въ отчетѣ этого лица, по устройству п
церквей въ помѣщичьихъ имѣніяхъ западныхъ губе
жавшійся болѣе четверти столѣтія (въ 1832 по 18
казалъ, что *однихъ правительственныхъ средс*
ныхъ мѣръ, какъ бы онѣ ни были значительны
не достаточно было для успѣха дѣла. По вѣд
ставленнымъ изъ западнаго края, о состояніи право
вей, оказывалось, что свыше трехъ тысячъ изъ
въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, принадлежащихъ бол
полякамъ, были въ столь неудовлетворительномъ с
многія изъ нихъ грозили разрушеніемъ и были по
ны, а остальныя, по своему безобразію, убожеств
требовали безотлагательной помощи. Оказывалось
многихъ мѣстностяхъ, за недостаткомъ церквей и
шей утвари, въ теченіе 20 и болѣе лѣтъ, не сове
служенія; въ церквахъ же, перешедшихъ къ намъ
треблялись прежніе, почти негодные по своей ветх
жебные предметы и книги типа уніатскаго, и нак
одномъ почти приходѣ не существовало народныхъ
ти православныхъ родителей нерѣдко посѣщали учи
жимыя ксендзами при сосѣдственныхъ костелахъ».
отчетѣ далѣе читаемъ: «успѣхъ устройства церкве
участіемъ мѣстныхъ прихожанъ и содѣйствіемъ русс
безъ чего всѣ казенныя распоряженія оказывал
ми, поверхностными и односторонними. Дл
теебовалось также знаніе истиннаго положенія кра
къ его народонаселенію и близкаго знакомства съ
ходовъ, о чемъ *не только гражданское, но и д*

вославное вѣдомство имѣли до 1858 года самыя сбивчивыя, крайне неполныя свѣдѣнія. Наконецъ устройство церквей было *немыслимо* безъ участія такихъ дѣятелей, для которыхъ водвореніе на западѣ Россіи присущихъ ей началъ было не одною только обязанностію службы, но и дѣломъ глубокаго внутренняго убѣжденія». Такъ отзывалось о нашихъ западныхъ епархіяхъ лицо, знакомое съ состояніемъ ихъ не по разсказамъ анонимныхъ корреспондентовъ, но по документамъ, не подлежавшимъ сомнѣнію и по заявленіямъ, не боявшимся повѣрки.

Въ настоящее время въ шести сѣверо-западныхъ губерніяхъ существуетъ, сколько извѣстно, 187 православныхъ церковныхъ братствъ, большинство которыхъ возникло послѣ 1863 года. Желательно, чтобы эти общественныя учрежденія заявляли о своей дѣятельности. Мы съ удовольствіемъ открываемъ для этого страницы «Вил. Вѣстника» 1).

(Вил. Вѣст.)

ОБЪ УНИЧТОЖЕНІИ РЕЛИГІОЗНЫХЪ БРАТСТВЪ И ОРДЕНА ІЕЗУИТОВЪ ВЪ ИСПАНІИ.

Въ «Мадридской Газетѣ» напечатанъ текстъ упомянутыхъ нами прежде декретовъ объ уничтоженіи религіозныхъ братствъ и ордена іезуитовъ. «Принимая во вниманіе,» сказано въ первомъ изъ этихъ декретовъ, «что религіозныя братства и общины, образованіе которыхъ не только допускалось прежнимъ правительствомъ, но даже находилось подъ особымъ его покровительствомъ, имѣютъ цѣлью ввести въ Испаніи учрежденія, несовмѣстныя съ свободой; что эти религіозныя братства составляли существенную и главную часть той угнетательной и позорной правительственной системы, которую народъ такъ блистательно низвергъ; что для упроченія начатой революціи и для введенія новыхъ учрежденій существенно необходимо въ самомъ скоромъ времени уничтожить эти братства и общины,—верховная мадридская правительствен-

---

1) А мы, съ своей стороны, страницы „Вѣстника Зап. Россіи."
Рид.

ная юнта и временное правительство предлагаютъ
видахъ общественнаго блага, слѣдующія мѣры: 1) уп
религіозныя братства и общины, вновь основанныя
новленныя прежнимъ правительствомъ съ 1835 год
лить свободный выходъ изъ всѣхъ братствъ, котор
изъятыми отъ предъидущей мѣры; 3) отмѣнить всѣ
дарованныя религіознымъ братствамъ». Мадридъ 1
1868 года. Президентъ Іоахимъ Агвирре.

«Приказъ по министерству юстиціи: Предписыва
ніе правильно-оргазнизованнаго ордена, извѣстнаго
іемъ «братства Іисуса», какъ въ предѣлахъ полуост
на окрестныхъ островахъ. Всѣ семинаріи и коллегі
на, владѣющія свѣтскими имуществами, должны быть
теченіе трехъ дней. Для достиженія этой цѣли мѣст
ству вмѣняется въ обязанность разослать предписа
духѣ во всѣ провинціи, гдѣ существуютъ подобныя
Подъ свѣтскими владѣніями, подлежащими конфиска
ются всѣ земли, все движимое имущество, принадл
ну, зданія и доходы, составляющіе часть народнаго
силу королевскаго декрета отъ 4-го іюля 1835 года.
прещеннаго общества не дозволяется составлять нов
воспрещается, кромѣ того, носить платье ордена или
въ какой-либо зависимости отъ начальниковъ общес
вующихъ какъ въ самой Испаніи, такъ и внѣ ея пр
ца, принадлежавшія къ этому ордену, подчиняются
му суду. Возлагая на архіепископовъ, епископовъ и
облеченныхъ церковной или гражданской властью, об
дѣйствовать всѣми зависящими отъ нихъ средствами
полненію настоящаго постановленія. Мадридъ, 12-го
года. Министръ юстиціи, Антоніо Рамеро Ортицъ,»

(Санкт.

О РОЛИ ПОЛЬСКАГО ДУХОВЕНСТВА СРЕДИ ЗАПАДНО-РУССКАГО НАСЕЛЕНІЯ.

(Окончаніе. См. кн. 7-я).

Изъ предыдущихъ статей о роли польскаго духовенства на Руси достаточно уясняется, что для Рима такъ называемый полонизмъ сдѣлался орудіемъ достиженія цѣлей римской куріи, орудіемъ, хотя и погубившимъ Рѣчь Посполитую (спасеніе которой, разумѣется, не входило въ своекорыстные разсчеты папъ), но не перестававшимъ приносить пользу римской куріи и сильно помогавшимъ осуществленію задачи Ватикана—распространенію всѣми способами римскаго католицизма. Въ этомъ-то и заключалась роль *польскаго* духовенства среди западнаго *русскаго* и литовскаго населеній. Руководствуясь такою точкою зрѣнія, мы признаемъ, что не польскій народъ является историческимъ врагомъ нашимъ, а взлелѣянный папами полонизмъ въ смыслѣ уродливаго союза религіи съ панско-шляхетскими преданіями 1). Полонизмъ въ такомъ смыслѣ одинаково враждебенъ какъ русскимъ, такъ и польскимъ *народнымъ* началамъ, и постоянная оппозиція его, выражающаяся мятежами, хотя и представляется агитаторами клерикально-бѣлой партіи политическою и національною, въ дѣйствительности—оппозиція просто сословная, іезуитско-шляхетская, стремящаяся къ возстановленію утраченнаго, къ прежнему, весьма выгодному и доходному произволу. Чтобы не быть голословнымъ, достаточно указать на всѣмъ извѣстный фактъ систематическаго обезземеленія польскими панами крестьянъ 2), на отношенія ихъ

1) Еще въ 1550 году состоялся въ Рѣчи Посполитой законъ о томъ, что только шляхтичъ можетъ быть возводимъ въ высшее духовное званіе, то есть быть прелатомъ и каноникомъ; въ 1639 году законъ этотъ распространенъ и на Великое Княжество Литовское; даже и по возсоединеніи съ Россіей западныхъ губерній онъ примѣненъ нашимъ правительствомъ при новообразованной въ 1783 году могилевской капитулы и въ 1798 году—минской.

2) Такъ въ Польшѣ къ времени Высочайшаго указа объ улучшеніи быта крестьянъ изъ 3,270,000 земледѣльцевъ оказалось до 40%, т. е. 1,338,000 крестьянъ пролетаріевъ, изгнанныхъ панами и лишенныхъ земли, скота и даже самыхъ необходимыхъ хозяйственныхъ принадлежностей. Тоже самое и въ западныхъ губерніяхъ, гдѣ, какъ напр. въ Ковенской съ ея польскими панами, оказалось до 21% безземельныхъ батрковъ-пролетаріевъ, да 20% такъ называемыхъ безземельныхъ же вольно-сказковыхъ крестьянъ.

къ народу, какъ къ рабочему скоту (быдлу) и въ западной Россіи, и въ Рѣчи Посполитой—этой классической странѣ самоуправства аристократіи и безправія народа. Уже король Янъ Казиміръ предвидѣлъ, что бѣдственное положеніе крестьянъ погубитъ со временемъ Польшу. Въ 1657 году, во время войны съ Швеціею и Россіею, король и паны публично признавались въ каѳедральнымъ соборѣ во Львовѣ, что Богъ семь лѣтъ караетъ Польшу голодомъ и войною за слезы и угнетеніе простаго народа, и клялись, послѣ заключенія мира, употребить всѣ мѣры для освобожденія народа отъ угнетенія. Но по окончаніи войны паны не захотѣли разстаться съ привиллегіями—и клятва забыта. Все улучшеніе по отношенію къ крестьянамъ ограничилось тѣмъ, что черезъ сто слишкомъ лѣтъ, именно въ 1768 году, на барской конфедераціи постановлено лишить помѣщиковъ права на жизнь своихъ «подданныхъ», за нарушеніе каковаго права шляхтичъ съ тѣхъ поръ долженъ судиться въ городскихъ или земскихъ судахъ. Двадцать лѣтъ спустя, въ 1788 году, проектъ короннаго канцлера Андрея Замойскаго о лучшемъ устройствѣ крестьянъ возбудилъ противъ него только страшное гоненіе и ненависть пановъ. Предпринятыя въ тоже время подскарбіемъ литовскимъ Тизенгаузомъ улучшенія въ столовыхъ литовскихъ королевскихъ имѣніяхъ остались также безъ послѣдствій; его планы показались опасными панамъ и онъ также сдѣлался жертвою ихъ козней. Благая мысль нашего правительства при введеніи въ 1846 году инвентарей, которыми предполагалось обезпечить крестьянамъ извѣстныя права за исправно-отбываемыя повинности, также не могла положить предѣла произволу пановъ, а въ Польшѣ указъ объ инвентаряхъ просто *обманнымъ* образомъ, которому покровительствовала шляхетская администрація, не только не приведенъ въ исполненіе, но чуть ли не послужилъ еще къ ухудшенію быта крестьянства 1). Всѣми этими данными, кажется, достаточно подтверждается, что смыслъ польско-ксендзовскихъ мятежей въ западной Россіи ужъ никакъ нельзя объяснить желаніемъ блага *народнаго*, а просто, какъ замѣчено выше, стремленіемъ къ возврату утраченныхъ польскимъ духовенствомъ и панствомъ матеріальныхъ выгодъ, извлекавшихся ими отъ безправнаго русскаго и литовскаго народа.

1) Съ подробностями этого обстоятельства можно познакомиться въ извѣстномъ сочиненіи Моллера Situation de la Pologne.

Теперь, по инициативѣ Царя-Освободителя, народъ этотъ свободенъ, обезпеченъ, имѣетъ русскія и русско-литовскія школы, русскіе люди пекутся о его благосостояніи — и неужели только пастырей его духовныхъ слѣдуетъ оставить при ихъ старыхъ *польскихъ* традиціяхъ, при той старой польской закваскѣ, которая воспитана римскою куріею въ ея собственномъ интересѣ, на началахъ ненависти ко всему русскому и православному? Неужели для бѣлоруссовъ и литовцевъ-католиковъ священниками непремѣнно должны быть поляки или, правильнѣе, бѣлоруссы и литовцы, искусственно ополяченные семинарскимъ воспитаніемъ? Зачѣмъ, по прежнему, въ нашихъ замкнутыхъ для остальнаго міра римско-католическихъ семинаріяхъ будущіе пастыри русско-литовскаго народа должны поучаться духовному краснорѣчію по образцамъ польскаго іезуита конца XVI вѣка Петра Скарги, всѣ поученія котораго пропитаны ненавистію къ русскимъ «схизматикамъ»? Неужели для святаго служенія русскому отечеству католическими пастырями—гомилетика, наука духовныхъ поученій, должна обращаться въ исторію польской литературы, съ выборкою образцовъ изъ тѣхъ духовныхъ польскихъ писателей, которые вражду къ иновѣрію русскихъ возводятъ чуть не въ добродѣтель, награждаемую всѣми райскими блаженствами? Если допускать неприкосновенность польщизны и *старыхъ преданій* въ стѣнахъ заведеній, подготовляющихъ духовныхъ руководителей народа, то развѣ не значитъ это съ полнымъ равнодушіемъ ждать новаго появленія такихъ пастырей и даже клириковъ, какихъ, во время послѣдняго мятежа, много десятковъ бѣжало до лясу и поступало по преимуществу въ жандармы-вѣшатели? Конечно, всякій безусловно признаетъ, что въ ряду преобразованій различныхъ учрежденій въ западномъ краѣ нашемъ самой настоятельной реформы требуютъ римско-католическія семинаріи въ смыслѣ подготовленія изъ клириковъ истинныхъ служителей алтаря,—католиковъ, преданныхъ *русскому* отечеству, а не агитаторовъ и мечтателей. Зло это кроется между прочимъ въ самой *организаціи* у насъ учрежденій, воспитывающихъ клириковъ и, слѣдовательно, устраненіе его, по скольку оно зависитъ отъ организаціи, возможно и нисколько не выходитъ изъ сферы правительственнаго вліянія. И въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, воспитанникамъ которыхъ до извѣстной степени затруднена притомъ служба государству въ запад-

ныхъ губерніяхъ, польщизна изгнана окончательно, но сколько же разъ необходимѣе изгнаніе ея изъ стѣнъ семинарій, воспитанники которыхъ всѣ поступаютъ на священную службу отечеству,—именно въ западно-русскомъ краѣ?

Когда, по возсоединеніи съ Россіей западныхъ губерній, императрица Екатерина поручила исполненіе своихъ предначертаній, по отношенію къ римско-католикамъ возсоединенныхъ областей, талантливому и просвѣщенному р. католическому епископу Сестренцевичу, то первымъ дѣломъ его было правильное и сообразное высокому призванію духовенства устройство семинарій, каковую и основалъ онъ въ 1778 году въ Могилевѣ, въ замѣнъ жалкихъ пародій, на семинаріи, существовавшихъ по нѣскольку при епархіяхъ подъ безконтрольнымъ завѣдываніемъ епископовъ. Въ семинарію впервые введенъ въ курсъ преподаванія языкъ русскій, при чемъ замѣчательно также, что знаменитый римско-католическій іерархъ находилъ нужнымъ преподавать въ семинаріи «*каноническое право въ тѣхъ границахъ, которыя будутъ начертаны императоромъ для католической въ Имперіи церкви, пользующейся его покровительствомъ*». Но извѣстно, какое гоненіе воздвигла на всѣ благія начинанія Сестренцевича, въ томъ числѣ и на его семинарію, старая польско-клерикальныя партія, руководимая іезуитами, которые въ то время пользовались пріютомъ въ одной только Россіи, будучи изгнаны, вслѣдствіе упраздненія ордена папою, изъ всѣхъ государствъ Европы. Такимъ образомъ по прежнему не переставала чувствоваться потребность въ замѣнѣ невѣжественнаго духовенства образованнымъ. Въ удовлетвореніе этой потребности въ 1803-мъ году, по проекту знаменитаго куратора виленскаго университета, князя Чарторыйскаго, открыта, такъ названная, главная семинарія при виленскомъ университетѣ, въ которую для окончательнаго образованія должны были поступать лучшіе воспитанники епархіальныхъ семинарій. Непосредственное управленіе ея было поручено, подъ предсѣдательствомъ ректора университета (лица духовнаго), особому комитету, составленному изъ трехъ профессоровъ богословскаго факультата, двухъ членовъ виленской капитулы и уніатскаго священника. И противъ этой семинаріи подняты гоненія тою же партіей. Поводомъ къ нимъ она выставляла подчиненіе семинаріи не мѣстному епи-

скопу, а комитету (хотя и составленному изъ лицъ духовныхъ) въ дѣйствительности же главнымъ мотивомъ недовольства была боязнь, что соприкосновенiе клириковъ съ обществомъ студентовъ убьетъ духъ касты и традицiонной нетерпимости, что знакомство съ истинною наукою уничтожитъ выгодный для касты фанатизмъ, И не трудно было для нея бороться съ ненавистной семинарiей: деньги, въ количествѣ всего 65,000 рублей, назначенныя изъ доходовъ богатыхъ монастырей на содержанiе семинарiи, нарочно не доставлялись исправно, а петербургскiе доминиканцы, въ концѣ царствованiя Александра, прямо просили его закрыть семинарiю, какъ вредную, такъ какъ ни въ одномъ католическомъ государствѣ нѣтъ главныхъ семинарiй, а есть только епархiальныя. Не смотря на могущественное заступничество князя Чарторыйскаго, не смотря на существенную пользу, которую приносила главная семинарiя 1), она была упразднена.

Правительство наше, какъ вѣрный представитель народной русской вѣротерпимости, не смотря на всѣ пережитыя испытанiя, никогда не лишало католическаго духовенства своего довѣрiя и даже, по конкордату 22-го iюля (3 августа) 1847 года, предоставило ему самоуправленiе до такой степени, что относительно семинарiй, напр., у епископа въ своей епархiи по прежнему осталось право высшаго управленiя по предмету воспитанiя, ученiя и внутренней дисциплины,—право выбора и увольненiя ректоровъ, инспекторовъ, профессоровъ и учителей съ одобренiемъ правительства,—право прекращенiя на время одного или нѣсколькихъ курсовъ наукъ въ семинарiи и даже — совершеннаго прекращенiя всѣхъ курсовъ вдругъ, съ доведенiемъ объ этомъ до свѣдѣнiя правительства. Понятно, какъ пользовались этими правами тѣ епископы, которые довели правительство во время послѣдняго мятежа до необходимости лишить ихъ епископскихъ каѳедръ и выслать внутрь Россiи. Они воспользовались между прочимъ этимъ правомъ въ такой ущербъ своему русскому отечеству, что клирики, русскiе же подданные, въ нѣкоторыхъ семинарiяхъ не имѣли ни русскихъ библiотекъ, ни учителей русскаго языка и словесности, не говоря уже объ отечественной исторiи, а если и имѣли, то

1) Между прочимъ, всѣ лучшiе современные римско-католическiе iерархи, какъ замѣчаетъ авторъ исторiи католицизма въ Россiи, принадлежатъ къ воспитанникамъ главной семинарiи.

вольнонаемныхъ, безъ права голоса въ совѣтѣ, или вообщ
либо педагогическаго или нравственнаго вліянія на воспита
Кромѣ того не только общее оброзованіе, столь необход
учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ вошло въ обычай, какъ въ
скихъ семинаріяхъ, принимать неуковъ изъ 4-го и д
класса, но и спеціально-духовное—отличалось такимъ ни
ровнемъ, что оканчивавшіе курсъ семинаристы, дѣлаясь к
выносили изъ стѣнъ семинаріи полное *невѣжество* (да
учивались языку латинскому) съ самымъ дикимъ прито
тизмомъ. Короче, семинаріи только внѣшнимъ образомъ
вали клериковъ въ знаніи преимущественно обрядовой
латинскаго богослуженія, чему въ особенности способствов
крытость семинарій, отчуждавшая ихъ совершенно от
наго міра. Само собою разумѣется, что *полонизованный*
преподавателей проводилъ польщизну въ души семина
какъ политико-религіозную доктрину, о которой многіе,
бенности изъ простаго народа—бѣлоруссы, литовцы или жму
весьма часто до поступленія въ стѣны семинаріи имѣл
смутное понятіе.

Разумѣется, что семинаріи, наравнѣ съ другими учре
западнаго края, должны подлежать полному пересоздані
болѣе, что и начала, которыя должны быть положены в
ніе этого дѣла, теперь указаны. Это—произнесенное с
трона обрусеніе западной окраины Россіи и указъ 22-г
прошедшаго года, отмѣнившій обязательную силу конкорда
года и подчинившій управленіе дѣлами римско-католичес
ховенства вѣдѣнію установленныхъ для того въ государс
стей и управленій, *на основаніи коренныхъ законов*
сійской Имперіи и Царства Польскаго.

Такимъ образомъ изъ всего сказаннаго прямо, логич
текаетъ то необходимое заключеніе, что для упраздне
навсегда возможности проявленія той вредной историческ
какую играло *польское* духовенство въ судьбахъ западно
края, слѣдуетъ радикально преобразовать, по нашему мнѣ
томники этого духовенства — семинаріи и положить въ
преобразованія ихъ слѣдующія начала:

1) *обрусеніе ихъ* посредствомъ поднятія въ нихъ
русской науки и представителей ея, русскихъ преподават

2) *открытость семинарій* въ замѣнъ интерната, для ослабленія въ средѣ семинаристовъ фанатизма и преобладанія внѣшней дрессировки, притупляющихъ свободное развитіе чувства нравственнаго и гражданскаго долга, и

3) *поднятіе уровня образованія*, какъ общаго, такъ и духовнаго, съ цѣлію, посредствомъ безпристрастной науки и дѣльнаго преподаванія, дать будущимъ пастырямъ народа надежную точку опоры противъ революціонныхъ внушеній мнимыхъ патріотовъ и возстановителей ойчизны. Разсмотримъ каждое изъ этихъ положеній по-рознь.

Безспорна, до очевидности, необходимость расширенія преподаванія русскаго языка, словесности, русской и всеобщей исторіи и географіи, равно какъ и предоставленіе учителямъ этихъ предметовъ права голоса въ педагогическомъ совѣтѣ семинаріи, наравнѣ съ преподавателями духовныхъ предметовъ; само собою разумѣется, что для перевода въ слѣдующіе классы и для выпуска изъ семинаріи, съ удостоеніемъ въ духовное званіе, отмѣтки изъ этихъ предметовъ должны быть удовлетворительны. Естественно предполагать, что трое или четверо русскихъ преподавателей, съ достаточнымъ штатнымъ содержаніемъ, соразмѣрнымъ, напр., съ жалованьемъ учителя гимназіи, съ правами на пенсію и классъ должности по учебному вѣдомству, вполнѣ обезпечатъ независимость, почетное значеніе и вліяніе ихъ въ средѣ другихъ преподавателей семинаріи. Сосредоточеніе трехъ семинарій сѣверо-западнаго края въ одну также представляетъ своего рода удобство, такъ какъ предполагаемое при этомъ соединеніе и матеріальныхъ средствъ можетъ способствовать, безъ увеличенія издержекъ, улучшенію и возвышенію матеріальнаго и духовнаго благосостоянія семинаріи и ея воспитанниковъ, число которыхъ въ сѣверо-западномъ краѣ не доходитъ въ настоящее время и до 150-и. Излишне распространяться о томъ, что мѣра эта, вполнѣ согласуясь съ Высочайшею волею обрусенія, нисколько не нарушаетъ коренних основаній католицизма, ибо совершенно обходитъ религію, а опытъ соединенія семинаристовъ изъ разныхъ епархій въ одной, такъ называемой, главной семинаріи былъ произведенъ уже при Чарторыйскомъ, основавшемъ ее при виленскомъ университетѣ, и оказался весьма полезнымъ.

Правительствомъ нашимъ и дѣйствующими въ Имперіи и Цар-

ствѣ Польскомъ законами уже давно отдано предпочтеніе открытымъ учебнымъ заведеніямъ, экстернатамъ, предъ закрытыми, интернатами. На этомъ основаніи почти въ каждомъ губернскомъ городѣ Имперіи и Царства возникли женскія гимназіи для приходящихъ учениць, закрыты монастырскія школы и пансіоны, и даже кадетскіе корпуса раскрыли двери свои для приходящихъ кадетовъ; пансіоны при нѣкоторыхъ гимназіяхъ и всѣхъ корпусахъ существуютъ до настоящаго времени только какъ необходимая, пока неизбѣжная мѣра при нашихъ огромныхъ разстояніяхъ, чтобы давать недостаточнымъ и удаленнымъ отъ учебныхъ заведеній родителямъ возможность приличнаго воспитанія дѣтей за сравнительно умѣренную плату, Отчего не примѣнить этого благаго и руководящаго наше правительство принципа въ дѣлѣ свѣтскаго образованія — къ семинаріямъ, тѣмъ болѣе, что принципъ этотъ вполнѣ примѣненъ и къ православнымъ семинаріямъ? Жизнь въ обществѣ, а не въ четырехъ стѣнахъ, имѣетъ отрезвляющее вліяніе на умъ и фантазію молодаго человѣка; между тѣмъ, какъ отчужденность отъ міра и корпоративная замкнутость, какъ извѣстно, всегда и вездѣ способствовала прочному водворенію въ стѣнахъ заведенія дурныхъ привычекъ, а слѣдовательно—и ксендзовской дрессировкѣ и фанатическому отупленію. Скажутъ, что жизненная среда Вильны и другихъ губернскихъ городовъ западной Россіи имѣетъ въ себѣ столько польскихъ элементовъ, что не можетъ быть признана вполнѣ здоровою воспитательною сферою? Но это легко опровергается тѣмъ положеніемъ, что какъ бы ни были полонизованы города наши, все таки полонизація эта не въ состояніи совершенно устранить отрезвляющаго вліянія свободной жизни, тѣмъ болѣе, что въ настоящее время во очію совершается столь замѣтная перемѣна къ лучшему, что отвергать постепенное возрастаніе русскихъ началъ жизни въ полонизованныхъ городахъ нашихъ, значило бы совершенно игнорировать всѣ послѣднія нововведенія и зачатки русской жизни въ формѣ ли русскихъ общественныхъ мѣстъ для развлеченія, русскаго театра, русскихъ клубовъ, читалень и постоянно увеличивающагося здѣсь наплыва русскихъ людей, не говоря уже объ ожидаемыхъ результатахъ знаменательнаго указа 10-го декабря 1865 года. Наконецъ ничто не препятствуетъ примѣнить и къ открытымъ семинаріямъ существующій въ гимназіяхъ западныхъ губерній обычай посѣще-

нія и воспитателями ученическихъ квартиръ для наблюденія за образомъ жизни воспитанниковъ и ихъ домашними работами. Такимъ образомъ и съ этой стороны открытость семинарій предотвратитъ до извѣстной степени нехорошее вліяніе элементовъ городской польщизны, а между тѣмъ принесетъ существенную пользу болѣе здоровому направленію и воспитанію клириковъ.

Поднятіе науки и болѣе солидное и серіозное отношеніе къ образованію, какъ по общимъ предметамъ, такъ и по духовнымъ, необходимо обусловить принятіемъ въ семинарію или кончившихъ курсъ въ гимназіяхъ (въ такомъ случаѣ безъ экзамена), или по экзамену не ниже 5-го класса. Взрослый, до извѣстной степени уже научно развитой гимназистъ будетъ не такъ легко податливъ на фанатизацію, кромѣ того, что большая научная подготовка способствуетъ къ болѣе солидному и дѣльному продолженію занятій съ нимъ науками въ семинаріи. Поднятіе уровня образованія въ семинаріи, по отношенію къ занимающему насъ вопросу, важно и въ томъ отношеніи, что вообще наука имѣетъ свойство дѣлать людей болѣе консервативными, болѣе устойчивыми въ сохраненіи порядка, существующаго всегда и вездѣ на основаніи постепенно и органически слагающихся условій исторіи. Невѣжество и фанатизмъ всегда были и будутъ наиболѣе легкою добычею агитаторовъ, тогда какъ люди солидно-развитые никогда не уступаютъ трудомъ пріобрѣтенныхъ убѣжденій безъ упорнаго боя. Вотъ почему Высочайшимъ указомъ 30 августа 1864 года, о преобразованіи учебныхъ заведеній въ Царствѣ Польскомъ, признано необходимымъ поднятіе уровня образованія, какъ прямое противодѣйствіе агитаторамъ волновать мечтательными планами невѣжественную молодежь. И соціалистскіе агитаторы, напр., сороковыхъ годовъ во Франціи и Германіи набирали партизантовъ своихъ наиболѣе среди невѣжественныхъ artisan'овъ и ремесленниковъ, или недоучившагося пролетаріата, между тѣмъ, какъ весьма рѣдко видимъ мы людей истинно-образованныхъ, а тѣмъ менѣе, французскихъ curé и нѣмецкихъ пасторовъ — такихъ же католиковъ, какъ и наши ксендзы, только съ лучшимъ образованіемъ,— въ числѣ агитаторовъ; только у насъ удавалось крамолѣ втягивать въ свои сѣти невѣжественныхъ и фанатическихъ пастырей. Съ какой же стати будемъ мы искусственно поддерживать невѣжество въ римско-католическихъ семинаріяхъ, принимая туда не-

уковъ? Напротивъ, примемъ достаточно подготовленныхъ жимъ семинаріи экстернатомъ, дадимъ имъ нашихъ лучш телей — и новое поколѣніе римско-католическихъ свяш забудетъ свое прежнее позорное историческое значеніе средь русскаго и литовскаго населеній и, проникнутое сознате торическою правдою, сдѣлается искреннимъ служителемъ своего русскаго отечества.

(*Вил. Вѣст*

О ВИЛЕНСКОМЪ МУЗЕУМѢ ДРЕВНОСТЕЙ.

Бывшій главный начальникъ края графъ М. Н. предложилъ, въ 1865 году, особой наряженной имъ комм лать подробный разборъ виленскаго музеума древностей, чтобы предметы, напоминающіе польское въ краѣ влад искусственно поддерживающіе между здѣшнимъ населеніе точныя надежды и преступныя стремленія, были собран размѣщены въ отдѣльной залѣ, впредь до дальнѣйша распоряженія. На основаніи этого предложенія бывшая раздѣлила всю коллекцію на четыре отдѣла: русскій, товскій, смѣшанный или обще-научный и польскій. Ост первые отдѣла въ зданіи музеума, коммиссія выдѣлила четвертый и помѣстила его *временно*, до другаго назн одной изъ залъ виленской классической гимназіи, а нимъ поручила, съ согласія бывшаго попечителя учебна одному изъ преподавателей гимназіи. Нынѣшній попечи га П. Н. Батюшковъ, желая ознакомиться, между пр съ польскимъ отдѣломъ музеума и, не находя ни въ дѣ наго округа, ни въ бумагахъ публичной библіотеки, (п съ 1866 года состоитъ музеумъ) надлежащихъ опис товъ этого отдѣла, назначилъ, съ согласія, главнаго края А. Л. Потапова, при депутатѣ отъ генералъ-губе го управленія, особую коммиссію, подъ предсѣдательств наго инспектора виленскаго учебнаго округа Н. Н. Нов торая, согласно даннаго ей порученія, составила подро

си вещамъ польскаго отдѣла, хранившимся въ зданіи гимназіи. По разсмотрѣніи этихъ описей генералъ-губернаторъ, раздѣляя мысль покойнаго графа М. Н. Муравьева по предмету этого отдѣла, нашелъ необходимымъ вывезти его, въ цѣломъ его составѣ, въ московскій публичный Румянцовскій музей и предложилъ попечителю войдти по этому предмету съ представленіемъ въ министерство народнаго просвѣщенія. Управляющій министерствомъ съ своей стороны, не встрѣчая никакого препятствія къ осуществленію этого предположенія, предоставилъ попечителю привести его въ исполненіе, и такъ какъ ни Румянцовскій музей, ни министерство не могли, за неимѣніемъ денежныхъ средствъ, принять на свой счетъ издержки по перевозкѣ въ Москву коллекцій польскаго отдѣла, то главный начальникъ края отпустилъ нужную на этотъ предметъ сумму изъ средствъ генералъ-губернаторскаго управленія. Нынѣ, вещи эти, въ 39 тюкахъ, уже отправлены въ Москву при особомъ чиновникѣ изъ управленія учебнаго округа. Считаемъ не безъинтересныиъ для нашихъ читателей помѣстить здѣсь опись отправленнымъ вещамъ, не вдаваясь ни въ какія особенныя комментаріи, такъ какъ и безъ нихъ самый перечень вещей можетъ дать довольно ясное понятіе о научномъ и археологическомъ достоинствѣ и значеніи отправленной коллекціи. Не лишнимъ считаемъ присовокупить при этомъ о городскомъ слухѣ объ одномъ лицѣ, намѣревающемся предъявить претензію на принадлежность ему нѣкоторыхъ вещей, отданныхъ музею будтобы на храненіе. На основаніи вполнѣ достовѣрныхъ данныхъ, мы имѣемъ достаточное основаніе заявить, что ни въ дѣлахъ учебнаго округа, ни въ бумагахъ библіотечно-музейныхъ нѣтъ ни одного заявленія или другихъ документальныхъ данныхъ о томъ, чтобы какой либо изъ предметовъ былъ данъ музею только для храненія; притомъ вопросъ этотъ окончаельно былъ рѣшенъ еще первою коммиссіею для пересмотра коллекцій музея, которой бывшій попечитель его и членъ той коммиссіи графъ Евстафій Тыщкевичъ, въ третьемъ засѣданіи (5 марта 1865 года), засвидѣтельствовалъ, что *«наличное имущество музея составляетъ общественное достояніе.»* Съ другой стороны нѣтъ никакого повода предполагать, чтобы, въ случаѣ представленія со стороны

претендующаго не голословныхъ показаній, а вполнѣ док ныхъ доводовъ принадлежности ему нѣкоторыхъ вещей лекціи—управленіе того или другаго музеевъ отказало п ту въ законномъ удовлетвореніи, тѣмъ болѣе, что ни в случаѣ не можетъ имѣть вліянія на ограниченіе чьего-л собственности на музейныя вещи—самый актъ перевоза Вильны въ Москву, изъ однаго ученаго учрежденія въ др кое же.

Списокъ отправленнымъ вещамъ:

Урна баллотировочная съ латинскими словами: „Affirm

Алебастровый снимокъ съ памятника Варвары Радзи

Барельефъ Любецкаго.

Гербъ Варвары Нарушевичъ.

Алебастровый снимокъ съ памятника Варвары Радзи

Ельскій—его работы барельефъ.

Загайскій—надгробный камень съ польскою надпись.

Іосифъ Понятовскій, алебастровая головка.

Еще одинъ алебастровый снимокъ съ памятника Вар зивиллъ.

Слизень, художникъ, барельефъ его работы.

Ходкевичъ, бюстъ.

Алебастровая копія съ памятника Мицкевичу.

Ягеллоны, мраморное надгробіе княгини изъ дома Яг

Маленькій алебастровый барельефъ Варвары Радзивил

Изразецъ въ четырехъ кускахъ съ герб. Ходкевичей кихъ-Горскихъ.

Дзялынскій, польскій писатель,—разбитый медаль гипса.

Два изразца изъ лѣтняго дворца великихъ князей Ли

Станиславъ Августъ—фарфоровый бюстъ его.

Кохановскій—алебастровая бронзированная статуетка

Чугунный надгробный барельефъ съ пушками.

Чугунный барельефъ изъ Ковенскаго костела бернард

Стушевучъ—польскій живописецъ—алебастровая мас

Гомолицкій Михаилъ, ученый—алебастровая маска.

Мицкевичъ—маленькій алебастровый бюстъ.

Маленькій чугунный бюстъ Гофмановой.

Професора Юндзилла алебастровая маска.

Красицкій—архіепископъ Гнѣзенскій—маленькій алебастровый бюстъ.

Лѣпная работа изъ базиліанскаго св. Троицкаго монастыря.

Нарбутъ—алебастровая маска.

Ходкевичъ—гипсовая маска его.

Мраморная доска съ польскою надписью о постойной льготѣ во время сеймовъ.

Балинскій—докторъ—алебастровый барельефъ.

Абихтъ—докторъ—алебастровая маска.

Колаковскій епископъ, гипсовый барельефъ его.

Алебастровый снимокъ (3-й) съ памятника Варвары Радзивиллъ.

Ирида, разбитый барельефъ.

Пара мѣдныхъ стѣнныхъ подсвѣчниковъ, составленныхъ изъ герба Сапѣговъ.

Алебастровый снимокъ (4-й) съ памятника Варвары Радзивиллъ.

Четыре изразца съ изображеніемъ на двухъ изъ нихъ апостоловъ Петра и Павла.

Круглый гипсовый барельефъ неизвѣстнаго содержанія.

Алебастровый снимокъ (5-й) съ памятникъ Варвары Радзивиллъ.

Изразцы съ лѣтняго дворца великихъ князей Литовскихъ.

Сигизмундъ 1-й—изразецъ съ изображеніемъ его въ коронѣ и со скипетромъ въ рукѣ.

Августъ III, металлическій медальонъ, масл. красками.

Надгробная дощечка Готарда Тизенгауза, 1640.

Наленчъ, Лодзь и два неизвѣстныхъ герба на камнѣ.

Барельефъ съ 4 неизвѣстными гербами.

Три бляхи, содранныя съ гербовъ Огинскихъ.

Гербовая бляха неизвѣстнаго герба.

Трава съ могилы Карпинскаго.

Тарелка съ именемъ кн. Радзивилла.

Изображеніе на мѣди неизвѣстнаго лица.

Св. Доминикъ—живописное изображеніе его на мѣдномъ медальонѣ.

Иванъ Непомукъ—живописное изображеніе его на м
дальонѣ.

Кубокъ изъ слоновой кости съ гербомъ Сапѣговъ.

Бекешъ, вождь Стефана Баторія; предполагаемые
к шапка, найденные при обрывѣ горы и башни его
Вильнѣ.

Хрустальный бокалъ съ именемъ князя Карла Рад

Хрустальный бокалъ съ гербомъ Раецкихъ.

Хрустальный бокалъ съ гербомъ Труба.

Рюмка съ гербомъ и именемъ Михаила Огинскаго.

Августъ III, кубокъ съ его изображеніемъ.

Хрустальный бокалъ съ польскою надписью: «виватъ

Хрустальный бокалъ съ гербомъ Чарторыжскихъ.

Кубокъ съ гербомъ Радзивилловъ и Сапѣговъ.

Хрустальный бокалъ съ гербомъ Огинскихъ.

Казиміръ великій—зеленаго стекла кубокъ съ кры
немъ изображенъ коронованный рыцарь, опирающійся
находится надпись: „Krakowiae Casimirus Rex polsky."

Бокалъ съ гербомъ Нарбутовъ.

Хрустальный бокалъ Тышкевича съ гербомъ Литвы.

Хрустальный бокалъ, названный Кулявка, съ герб
говъ.

Графинъ, стаканъ и подносъ, принадлежавшіе бы
Вильнѣ обществу Шубравцевъ, которое издавало: «Вѣд
мостовой,» главною цѣлью коихъ было осмѣиваніе рус
нистраціи (безъ надписи).

Алебастровый снимокъ (6-й) съ памятника Варвары Ра

Фотографическіе снимки съ моделей памятниковъ Ле

Мраморный барельефъ съ истертою надписью.

Собчевскій, латинскій поэтъ XVII вѣка.

Чарнецкій—мраморный барельефъ его.

Модель памятника митрвполиту Дмоховскому.

Августъ II, клинокъ отъ одной изъ шпагъ, назва
густовскими.

Сабля изъ дома гр. Тышкевичей; съ одной стороны-
орлы и надпись: «Виватъ шляхтичъ, панъ фундаторъ во

вать воля и добро повшехносци; съ другой—литовскій всадникъ и слова: «виватъ найвысша владза шляхты, виватъ вольные сеймики и послы.»

Августъ II, бердышъ, почетное оружіе внутренней стражи Августа II.

Сигизмундъ III, сабля съ его изображеніемъ.

Сабельный клинокъ.

Клинки съ польскою подписью «Янъ Островскій.»

Августъ II, два молотка для разбиванія латъ, временъ Августа II-го.

Сабля Костюшки въ латинскою надписью: «Америка своему другу» и проч.

Сабля съ латинскою надписью: pro gloria Poloniae.

Сабля съ польскимъ орломъ и надписью: pro gloria et patria.

Гитара поэта Карпинскаго.

Съѣденный молью плащъ Мицкевича.

Салфетка съ гербами Польши и Литвы.

Владиславъ IV; кайма отъ занавѣса той кровати, на которой онъ будто бы умеръ

Польскій поясъ изъ лакированной кожи съ голунами и гербовою пряжкою.

Шапка-конфедератка.

Уланская шапка польскихъ войскъ.

Шапка гетмана Забѣлло съ литовскимъ гербомъ.

Суконный коверъ съ гербомъ Полубинскихъ.

Поясъ литовскій съ гербовою бляхою.

Шапочка, въ которой будто бы умеръ въ Парижѣ Нѣмцевичъ.

Янъ Собѣсскій—чепракъ, принадлежившій ему подъ Вѣною.

Станиславъ-Августъ—шитый серебромъ чепракъ его.

Уланская шапка 1813 г. съ гербомъ Литвы.

Каска полка Чарторыжскихъ.

Мундиръ съ шитьемъ.

Кафтанъ съ шитымъ воротникомъ Снядецкаго, ректора Виленскаго университета.

Зеленый артиллерійскій мундиръ Костюшки.

Іосифъ Понятовскій—халатъ и два шелковые ка товскаго.

Контушъ.

Шелковые жупаны.

Красный камзолъ.

Бѣлый камзолъ.

Пара бѣлыхъ штабъ-офицерскихъ мишурныхъ эпо

Пара красныхъ шерстяныхъ эполетъ.

Красный султанъ къ уланской каскѣ, будто бы 18

Коверъ съ гербами.

Ягайло, мраморный бюстъ его.

Хрептовичъ—бюстъ его.

Якутовичъ—бывшій путеводитель по Виленскому барельефъ его.

Копія съ барельефа надгробнаго памятника Кохано

Жилинскій—бюстъ.

Ромеръ—маршалъ—бюстъ его.

Нѣмчевскій, профессоръ—бюстъ его.

Снядецій Андрей—докторъ.

Липинскій—бюстъ его.

Нарушевскій—польскій писатель.

Нишковскій—бюстъ его.

Рустемъ—художникъ.

Якутовичъ, бывшій путеводитель по Виленскому бюстъ.

Сырокомля—портретъ его.

І. Франкъ—докторъ—бюстъ его.

Іосифъ Понятовскій—бюстъ его.

Гонсѣвскій—надгробный камень съ могилы его.

Стефанъ Баторій—столъ, на которомъ, по преданію, Баторій подписалъ привиллегію на основаніе Виленской

Станиславъ Августъ—бюро его изъ Гродненскаго за

Два кресла Станислава Августа съ рѣзными коронам

Двѣ тронныя галлебарды Августа II-го.

Знамя цеховое Виленское (по словамъ гр. Тышкевича

Воинское знамя съ гербомъ Наленчей.

Сигизмундъ III—знамя трокскаго воеводства съ его именемъ.

Радзивиллъ—воинское знамя его.

Модель дверей Гнѣзенскаго костела.

Портретъ Стефана Баторія.

Стефанъ Баторій—большой портретъ масляннными красками.

Сапѣга—портретъ его.

Станиславъ-Августъ—изображеніе его на конѣ масляными красками.

Портретъ Януша Тышкевича.

— — Гетмана Тышкевича.

— — Епископа Тышкевича.

Хрептовичъ—портретъ Ливора Хрептовича, канцлера великаго княжества литовскаго (прозваніе «Litauer,» по объясненію графа Тышкевича, дано ему вслѣдствіе того, что православные предки его отстаивали на сеймахъ литовскія дѣла).

Портретъ Валицкаго.

Булгакъ—послѣдній уніатскій митрополитъ—портретъ.

Богданъ Хмѣльницкій—портретъ.

Августъ II, портретъ его масляными красками.

Станиславъ Лещинскій—портретъ его масляными красками.

Августъ II—его изображеніе на конѣ.

Варвара Радзивиллъ—портретъ ея масляными красками.

Альбертъ-Войцехъ Радзивиллъ—современный портретъ его.

Гюбель—професоръ.

Флемингъ—подскарбій великаго княжества литовскаго временъ Августа III.

Тышкевичъ Янъ—портретъ его.

Сапѣга—портретъ его.

Вишневецкій—портретъ его.

Радзіевскій Иванъ—Виленскій кастелянъ.

Ходкевичъ—портретъ его масляными красками.

Вольскій Николай—Витебскій кастелянъ, основатель монастыря въ Кременцѣ; обогатилъ это учрежденіе, принуждая православныхъ крестьянъ ходить въ костелъ подъ страхомъ пени вола на монастырь; доселѣ при звонѣ костельнаго колокола народъ повторяетъ поговорку: «звонъ рявець—вола тягнець.»

Марина Мнишекъ—портретъ ея масляными краск

Радзивиллъ, Пане Коханку, предводитель барско ціи въ 1790 г., портретъ его.

Браницкій Иванъ-Клементій, великій гетманъ ли товскаго, портретъ его.

Огинскій—портретъ его.

Кантембринъ, духовникъ Радзивилловъ, портретъ.

Тышкевичъ Евфросинія—портретъ.

Букатый Францъ, посолъ Станислава-Августа.

Дашела, польскій живописецъ сосланный въ Сибир лываніе фальшивыхъ ассигнацій.

Чарнецкій—портретъ его.

Зноско—портретъ.

Янъ Собѣсскій—портретъ жены его Маріи Казимір

Почобутъ—іезуитъ, основатель Виленской обсерва

Пинабель—профессоръ.

Княгиня Радзивилъ—писательница, портретъ.

Мадонна—живописное изображеніе на мѣдномъ мед

Варвара Радзивиллъ—портретъ ея масл. красками.

Кулаковскій, директоръ Бѣлостокской гимназіи.

Тизенгаузъ Антоній—подскарбій великаго княжес скаго—портретъ его.

Тышкевичъ, маршалъ, портретъ его.

Мократскій—художникъ, портретъ его.

Догель Піаръ, учредитель Виленскаго конвикта, по

Понятовскій, примасъ—портретъ.

Коссаковскій, участникъ барской конфедераціи въ Ви года.

Гедройцъ—примасъ, архидіаконъ, портретъ.

Станиславъ-Августъ—портретъ его.

Генрихъ Валезіусъ (Valois), портретъ его масляными

Мушинскій, докторъ.

Ленчицкій, іезуитъ, портретъ.

Владиславъ III, его портретъ масляными красками.

Чарторыжскій—портретъ его.

Мицкевичъ—портретъ его.

Радзивилъ, князь Матвѣй — Виленскій кастелянъ, поясный портретъ его масляными красками.

Владиславъ IV, портретъ масляными красками:

Володковичъ—соврем. Карла Радзивила, портретъ.

Монахъ Кордецкій, портретъ.

Мицкевичъ, поэтъ—портретъ.

Екатерина Ягеллонка—портретъ ея матери.

Сигизмундъ старшій—его портретъ масляными красками.

Портретъ Малаховскаго.

Радзивилъ-Николай—портретъ.

Богушъ, Виленскій прелатъ—портретъ.

Заіончекъ, генералъ, портретъ.

Аллегоруческій барельефъ, изображающій передачу Виленскаго университета Императоромъ Александромъ 1-мъ отъ Чарторыжскаго Стройновскому 1803 года. Стройновскій стоитъ подъ сѣнію бюста, увѣнчаннаго лаврами Стефана Баторія, основателя Виленской академіи.

Казиміръ Сапѣга.

Фотографія послѣдняго суда.

Костельный дѣдъ—портретъ.

Сѣцинскій—изображеніе трупа его, который доселѣ хранится въ костетѣ м. Упитъ Поневѣжскаго уѣзда, какъ непринятый землею за сорваніе сейма 1666; воспѣтъ Мицкевичемъ, какъ виновникъ бѣдствій польскаго народа.

Доска съ именами всѣхъ верховныхъ маршалковъ литовскаго трибунала.

Сундукъ Петра Тκарги.

Іоаннъ Казиміръ—лядунка съ его изображеніемъ.

Зрительная трубка Костюшки.

Станиславъ-Августъ—ему принадлежавшая лента бѣлаго Орла.

Крестъ Царства польскаго.

Металлическая бляшка съ изображеніемъ Мадоны.

Двѣ деревянныя дощечки съ польскими печатными этикетками на память о Фарѣ въ г. Слуцкѣ.

Частица платья Петра Скарги.

Три герба съ ушками для шапокъ.

Три знака массонской ложи съ именемъ «усердный

Перстень греко-уніатскихъ митрополитовъ, по зая
Тышкевича, данный папою первому изъ нихъ, Поцѣю,
щественно носимый всѣми ими и особенно послѣднимъ,

Медальонъ съ неизвѣстнымъ изображеніемъ.

Крестикъ съ литовскими буквами с. с. s. s. № Ди

Владиславъ Ягайло—два знака массонской ложи Я

Перстень Гнѣзенскаго архіепископа Красицкаго.

Пряжка съ литовскимъ гербомъ.

Частица платья епископа Нарушевича.

Станиславъ-Августъ—перстень съ груднымъ изобра

Крестъ жмудской римско-католической епархіи.

Станиславъ-Августъ—камергерскій ключъ двора ег

Дощечки съ литовскимъ гербомъ.

Сигизмундъ III изображеніе его на янтарѣ, имъ с
ланное.

Уніатскій крестъ—дисинкторій брестской епархіи.

Мѣдный знакъ отъ лядунки съ груднымъ изображе
тюшки.

Станиславъ-Августъ—двѣ стальныя пуговицы съ
S. A. K. за konstituciae 3 го мая 1791 года.

Перстень Костюшки.

Іосифъ Понятовскій, перстень, сдѣланный изъ подк
шади.

Четыре пластинки панцыря и кусокъ кольчуги Жо

Станиславъ-Августъ—обломокъ ордена, принадлежа

Знакъ массонской ложи, имени Казиміра великаго.

Ходаковскій—писатель, силуэтъ.

Валицкій Михаилъ—карточныя марки его.

Изразцы изъ лѣтняго дворца великихъ князей лит

Двѣ жестяные контрмарки съ гербомъ Варшавы.

Іосифъ Понятовскій—перстень его.

Перстень гетмана князя Массальскаго.

Двѣ запонки отъ жупановъ.

Станиславъ-Августъ—знакъ отъ лядунки съ его ве

Бляха съ польскимъ орломъ и надписью: „pro glori

Пряжка Виленской временной городской стражи съ польскимъ орломъ.

Папа Григорій—живописное изображеніе его на мѣдномъ медальонѣ.

Польско-литовскіе оттиски съ печатей польскихъ, польско-литовскихъ и германо-польскихъ городовъ, пользовавшихся магдебургскими законами.

Гербовая мѣдная пряжка съ литовскимъ гербомъ.

Кромѣ того отправлено 56 портретовъ польскихъ королей на большихъ и малыхъ листахъ, 160 портретовъ частныхъ лицъ; 93 гравюры съ иконъ и другихъ священныхъ католическихъ изображеній, 203 разныхъ историческихъ картинъ, видовъ и т. п.

(Вил. Вѣст.)

СТАТУИ РИМСКО КАТОЛИЧЕСКИХЪ СВЯТЫХЪ, КАПЛИЦЫ И Т. П. ПАМЯТНИКИ ВЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

1.

При въѣздѣ въ города, мѣстечки и даже нѣкоторыя селенія Сѣверо-Западнаго Края, кромѣ крестовъ, зачастую случается встрѣчать статуйныя изображенія разныхъ римско-католическихъ святыхъ; при прудахъ, рѣкахъ и мостахъ—вмѣстѣ съ крестами, можно иногда видѣть такія же изображенія Іоанна Крестителя; гораздо рѣже попадаются каплицы, нѣчто въ родѣ русскихъ часовень. 1)

Если еще можетъ быть какой нибудь споръ о крестахъ, то изваянныя изображенія святыхъ, безъ всякаго спора и сомнѣнія, должны быть отнесены, какъ по происхожденію, такъ и по характеру своему къ сооруженіямъ чисто римско-католическимъ, такъ какъ онѣ не допускаются правилами нашей православной церкви.

Подтвержденіемъ этому служитъ еще и то обстоятельство, что

---

1) Нѣкоторыя статистическія данныя приведены нами въ № 31 Минскихъ вѣдомостей въ статьѣ «Взглядъ русскаго на обычай ставить придорожные кресты въ западной Россіи.»

такіе памятники встрѣчаются преимущественно тамъ, гдѣ гуще расположено римско-католическое населеніе. Подобныя статуи ставятся обыкновенно на пьедесталахъ, т. е. болѣе или менѣе высокихъ каменныхъ колоннахъ и сверху прикрываются навѣсами или будочками.

Откуда произошелъ обычай ставить подобные памятники?

Просимъ извиненія у читателей, если сообщимъ имъ на этотъ счетъ лишь краткія и отрывочныя свѣдѣнія; но, во первыхъ, отъ легкой, газетной статьи, изготовляющейся обыкновенно наскоро и притомъ безъ особыхъ пособій и источниковъ, нельзя требовать достоинствъ серьезной диссертаціи; а во вторыхъ, это собственно говоря и не особенно важно для нашего вопроса.

На основаніи разныхъ историческихъ и археологическихъ данныхъ, есть большая возможность предполагать, что какъ кресты, такъ и всѣ подобные памятники, имѣли вначалѣ, въ самые первые времена введенія хритіанства въ краѣ, по большей части значеніе памятниковъ надмогильныхъ.

Обращаясь къ римской исторіи, мы находимъ, что еще языческими законами римской имперіи было запрещено хоронить умершихъ въ городахъ и вообще въ населенныхъ мѣстахъ. Не только всѣ жители вообще, но даже царственныя лица погребались обыкновенно за городомъ, на поляхъ и преимущественно при большихъ проѣзжихъ дорогахъ. Христіане не имѣли никакой возможности противиться этому закону, обратившемуся притомъ въ общій обычай; да можетъ быть не видѣли и надобности противиться. Такимъ образомъ обычай этотъ одинаково раздѣлялся, какъ христіанами, такъ и язычниками; но вмѣстѣ съ тѣмъ христіанамъ естественно было желать отличить могилы своихъ умершихъ братій отъ могилъ язычниковъ; вслѣдствіе этаго, они стали ставить надъ ними кресты и часовни (молитвенные домы *), язычники же украшали свои могилы разными дорогими памятниками и преимущественно изваянными изображеніями умершихъ. Подтвержденіе тому мы видимъ, между прочимъ, въ открываемыхъ гробницахъ древней Пантикапеи (наша Керчь), матери всѣхъ милетейскихъ городовъ, по выраженію Амміана

*) Эти памятники были первоначально въ пещерахъ или катакомбахъ, гдѣ ставились гробы христіанъ, и только впослѣдствіи вышли на поверхность земли.

Марцеллина,—славной еще за нѣсколько вѣковъ до Рождества Христова. Изъ того что мы сказали выше, очевидно, что кладбища древнихъ вовсе не походили на нынѣшнія, такъ-какъ могилы были разсѣяны вдоль дорогъ и иногда на весьма значительное разстояніе. 1).

Классическая Ольвія (колонія эллиновъ, знаменитое милетское торжище) 2), процвѣтавшая также еще до Рождества Христова, слѣды которой сохранились и по нынѣ у сліянія рѣкъ Буга и Днѣпра, недалеко отъ ихъ впаденія въ Черное море,—представляетъ наглядное тому доказательство. У подножія Акрополиса, „счастливой Ольвіи", нѣкогда огражденнаго стѣною, заключавшаго въ себѣ храмъ, найдена, какъ намъ извѣстно, одна только гробница; между тѣмъ, за городомъ, особенно подъ насыпями (въ курганахъ), гробницы находятъ весьма часто. Входъ въ нихъ, по обычаю древнихъ, заложенъ каменною плитою, за которою, посреди склепа, открываютъ глиняныя урны (амфоры) съ прахомъ умершаго.

Такое расположеніе могилъ имѣло какъ для христіанъ, такъ и для образованныхъ язычниковъ свой нравственный смыслъ: оно напоминало прохожимъ о тлѣнности человѣка.

Переходя затѣмъ къ похороннымъ обычаямъ славянъ-язычниковъ, мы встрѣчаемъ свидѣтельство лѣтописца Нестора, который говоритъ, между прочимъ, что они сожигали мертвецовъ на кострахъ или колодахъ, потомъ кости или пепелъ ихъ собирали въ сосудину малу и ставили на столпѣ при путяхъ 3). Обычай хоронить при дорогахъ и распутіяхъ и ставить здѣсь урны съ прахомъ умершихъ—былъ, если не исключительнымъ, то все таки главнымъ похороннымъ обычаемъ славянъ 4); очень вѣроятно, что онъ имѣлъ для нихъ тотъ же нравственный смыслъ, какъ и для древнихъ (о чемъ мы упомянули нѣсколько выше); но можно думать, что эти могилы и столпы имѣли еще особое обществен-

---

1) Бароній въ своихъ анналахъ насчитываетъ въ окрестностяхъ Рима до 42 кладбищъ (по именнамъ дорогъ).

2) Въ Херсонской губерніи, гдѣ нынѣ с. Парутино, Ильинское тоже. Записки Одесскаго Общества исторіи и древностей Т. 1, II, V и VI.

3) Полное собраніе Русск. лѣтописей, 5, 6.

4) Иногда хоронили внутри городовъ и селеній; но гораздо чаще, особенно въ первыя времена,—слѣдовали обычаю старины, хороня умершихъ на перекресткахъ и другихъ проѣзжихъ мѣстахъ.

ное значеніе. Извѣстно, что при переходѣ первобытныхъ людей отъ жизни кочевой, скитальческой—къ жизни осѣдлой, первымъ пунктомъ осѣдлости служатъ большею частію могилы отцевъ, кровныхъ. Онѣ служатъ первою поземельною собственностью, *отчиною* для поселенцевъ; обозначаютъ межи или границы, поземельныя владѣнія семействъ, родовъ, племенъ; границы, дающія направленія и дорогамъ. 1). Вотъ почему *чуръ* (дѣдъ, прадѣдъ умершій) и *домовой* (тоже возникшій изъ почитанія умершихъ родоначальниковъ) представляются по стариннымъ вѣрованіямъ охранителями границъ, дома. двора, усадьбы, *владѣнія*. Вотъ почему нарушеніе межевыхъ знаковъ и уничтоженіе или передвиженіе межей чужихъ считалось изстари тяжкимъ *религіознымъ* преступленіемъ: здѣсь было не только посягательство на чужую собственность, но и оскорбленіе памяти, праха, чести отцевъ. Вотъ почему, наконецъ слово *чуръ*, утерявъ первобытное значеніе свое, стало означать границу, рубежъ, межу, (наприм. въ дѣтскихъ играхъ Великоросcіи); также—*условіе*, *запретъ*; напримѣръ, *чуръ молчать, чуръ раздѣлать поровну! чуръ не давать никому!* 2).

Какъ первенствующіе христіане не считали нужнымъ или удобнымъ отступать отъ общаго и древняго, хотя языческаго обычая хоронить умершихъ при дорогахъ,—такъ поступали и славяне, принявшіе христіанство; только вмѣсто прежнихъ урнъ, они начали ставить кресты, часовни и т. п.—Впослѣдствіи, обычай хоронить умершихъ при дорогахъ утратился; кладбища сосредоточились около городовъ и селеній; но вкоренившееся въ народѣ уваженіе къ поставленнымъ памятникамъ, охранило послѣдніе отъ истребленія. Нынѣ, какъ видимъ, въ Западной Россіи утратилось самое понятіе о бывшемъ значеніи этихъ памятниковъ (какъ и большей части надмогильныхъ знаковъ); тогда какъ въ Великой Россіи оно сохранилось, и русскій обычай ставить кресты и прочіе памятники только надъ могилами умершихъ можно, по всей справедливости, назвать обычаемъ древне-христіанскимъ. И такъ, вотъ естественный переходъ въ Западной Россіи отъ крестовъ и часовенъ надмогильныхъ къ крестамъ и другимъ памятникамъ придорожнымъ—Статуи же и другіе римско-католическіе

---

1) О придорожныхъ крестахъ Малышевскаго.

2) Академич. Словарь.

памятники появились здѣсь несомнѣнно только по занятіи края поляками. 1). Здѣсь, пожалуй, кстати замѣтить слѣдующе; послѣ VII вселенскаго собора (посвященнаго, какъ извѣстно, собственно вопросу объ иконопочитаніи) древній христіанскій обычай—выставлять иконы, заново поощренный этимъ соборомъ, развился съ особою силою. Это была естественная реакція иконоборству. Однакожъ въ развитіи своемъ обычай этотъ получилъ нѣкоторыя особенности на Востокѣ и Западѣ. На Западѣ иконныя изображенія стали чаще появляться изваянныя, нежели живописныя; это объясняется можетъ быть обиліемъ памятниковъ ваянія и скульптуры древнаго міра, доставшихся въ наслѣдіе Риму. На востокѣ удержались и навсегда утвердились (за немногими исключеніями) изображенія живописныя, что свидѣтельствуетъ о лучшемъ религіозно-эстетическомъ вкусѣ восточныхъ святителей, умѣвшихъ предпочесть ваянію живопись, искусство болѣе тонкое, болѣе приличное христіанской святынѣ.

Въ католическихъ земляхъ западной Европы и до сихъ поръ граздо чаще встрѣчаются на разныхъ открытыхъ мѣстахъ статуйныя изображенія святыхъ, нежели иконы и кресты.

Вотъ сжатый и быть можетъ правдоподобный очеркъ появленія религіозныхъ памятниковъ въ Западной Россіи. Конечно съ археологической стороны можно многое возразить противъ этого и кое-что спросить въ разъясненіе нѣкоторыхъ пунктовъ; но мы не намѣрены вдаваться въ подробности и входить въ полемику объ этомъ вопросѣ по причинамъ, которыя объяснили выше.

Теперь перейдемъ къ Минской губерніи. Она, во времена владычества Литвы и Польши, составляла вмѣстѣ съ другими областями такъ называемую *Литовскую Русь* и нисколько не меньше другихъ частей княжества подвергалась вліянію католицизма, разсмотрѣніемъ памятниковъ котораго мы теперь и займемся.

Намъ удалось получить нѣкоторыя свѣдѣнія, по этому предмету, собранныя оффиціальнымъ путемъ. При всей скудости и

1) Распространеніе католицизма въ Литвѣ началось съ Ягелло, принявшаго католическую вѣру въ 1386 году, а до тѣхъ поръ процвѣтала, во всей ея первобытной чистотѣ и неприкосновенности, православная вѣра, мирно зародившаяся здѣсь и пользовавшаяся покровительствомъ даже языческихъ князей литовскихъ напр. Гедимина, его сына и преемника Ольгерда (1340—1377) и сыновей послѣдняго, которые даже сами приняли православіе.

неудовлетворительности своей, онѣ въ значительной степени подтверждаютъ высказанныя нами выше соображенія о происхожденіи упоминаемыхъ памятниковъ, т. е., что хотя нынѣ они и потеряли, въ большинствѣ случаевъ, свое прежнее значеніе (памятниковъ надмогильныхъ); однако же и теперь встрѣчаются между ними такіе, и какъ бы намекаютъ на нашу мысль. Такъ напримѣръ, близъ самаго Минска, за такъ называемою Игуменскою заставою, по дорогѣ, не въ далекомъ другъ отъ друга разстояніи находятся три памятника, въ видѣ столбиковъ или колоннъ изъ кирпича съ черепичною покрышкою 1); на двухъ первыхъ польскія надписи; на одномъ *3 Мая 1800 г. . . . . для людей честныхъ . . .* 2); на другомъ: *15 Августа 1812 г. Игнатій Свенторжецкій.* По увѣренію старожиловъ и по донесенію полицейскаго чиновника, эти памятники стоятъ надъ могилами двухъ братьевъ Свенторжецкихъ.

Нѣкоторые прибавляютъ къ этому легенду романическаго характера о дуэли братьевъ за какую-то дѣвицу, въ которую будто бы оба они были влюблены; но нѣтъ никакого основанія придавать этому разсказу вѣроподобность. На третьемъ памятникѣ надпись: *1-го Августа 1855 г.* Онъ поставленъ, по словамъ того-же донесенія, надъ могилою какой-то Өеофилы Милодовской, умершей въ минскомъ тюремномъ замкѣ (который, замѣтимъ кстати, находится недалеко отъ того мѣста). 3) Но какимъ образомъ могилы съ памятниками очутились за городомъ? Это прямо даетъ поводъ думать, что здѣсь было въ прежнее время кладбище, нынѣ оставленное. Дѣйствительно, говорятъ, что на этомъ мѣстѣ существовало прежде кладбище римско-католическаго рохитанскаго монастыря, а впослѣдствіи хоронили умирающихъ арестантовъ минскаго тюремнаго замка. Все это очень вѣроятно. Такимъ образомъ нерѣдко перемѣщались съ одного мѣста на другое кладбища, а вслѣдствіе этого разсѣявались по разнымъ мѣстамъ надмогильные памятники и кресты, память о

---

1) Донесеніе полиціймейстера, основанное на донесеніи полицейскаго пристава.

2) Тамъ же Примѣч. Мы расположены думать, что это только отрывокъ изъ цѣлой надписи, вѣроятно очень стершейся, а потому не вполнѣ разобранной полицейскимъ чиновникомъ.

3) Донесеніе минскаго полиціймейстера.

значеніи которыхъ, съ теченіемъ времени, постепенно терялась въ народѣ.

Впослѣдствіи стали воздвигать статуи и прочіе памятники по поводу какихъ-либо семейныхъ обстоятельствъ или общественныхъ явленій, какъ въ благодарность Богу за радостныя событія, такъ и для умилостивленія его, по разнымъ случаямъ. Очень многіе кресты и памятники обязаны своимъ появленіемъ эпидемической холерѣ, бывшей въ 1830—31, 1847—48 и 1852 годахъ; другіе воздвигнуты по поводу юбилея 1826 года 1). Нѣкоторые вызваны особыми, болѣе частными случаями; или же семейными обстоятельствами.

Вотъ нѣсколько примѣровъ этому. Подъ самымъ Минскомъ, по такъ называемому Койдановскому тракту, почти до послѣднихъ дней стояла статуя Св. Викентія, по обыкновенію на довольно высокомъ каменномъ пьедесталѣ. По донесенію полицейскаго пристава (основанному, вѣроятно, на разсказахъ старожиловъ) 1), она была поставлена въ давнее время г-жею Фрибесъ, по слѣдующему случаю: сынъ ея, Викентій Фрибесъ, бывшій совѣтникомъ губернскаго правленія, влюбился въ горничную тогдашняго минскаго губернатора Гецевича—какую-то Шидловскую (отецъ которой въ то время служилъ поваромъ у Гецевича, а впослѣдствіи содержалъ въ Минскѣ трактиръ) и принялъ весьма серьезное намѣреніе жениться на ней. 2) Когда старанія матери, г-жи Фрибесъ, разстроить этотъ неравный бракъ увѣнчались успѣхомъ, тогда она, согласно своему обѣту, воздвигла вышесказанную статую въ честь патрона своего сына Св. Викентія 3). Въ 1863 году, во время препровожденія мятежниковъ, нѣкоторые изъ жителей Минска, въ особенности польская молодежь, выходили изъ города на встрѣчу тѣхъ мятежниковъ и при означенномъ памятникѣ молились и пѣли гимны, впрочемъ, безъ участія духовенства 4).

Въ Пинскѣ, на дворѣ комитара (римско-католическаго косте-

---

1) Юбилеемъ, въ этомъ случаѣ, называется празднованіе объявленія папскихъ индульгенцій. Послѣдвій случай подобнаго празднованія происходилъ въ Россіи въ 1826 году.

2) Донесеніе пристава 1 части 20 Сентября 1867 года.

3) Тамъ же.

4) Донесеніе того же пристава.

ла) на каменномъ возвышеніи поставлено изображеніе Христа Спасителя покойнымъ провинціаломъ ордена Св. Франциска—Луневскимъ въ память юбилея 1826 года *).

Въ Пинскѣ же 1), на базарной площади, на каменномъ возвышеніи стоитъ изображеніе Христа Спасителя въ память прекращенія холеры въ Пинскѣ въ 1831 году *стараніемъ всѣхъ христіанскихъ сословій города* (наивно прибавляетъ донесеніе 2).

Тамъ же, при коммунитскомъ костелѣ въ 1860 году съ разрѣшенія пинскаго городничаго Обрицкаго устроены двѣ небольшія каменныя колонны: одна съ фигурою Іоанна Крестителя средствами пинскаго почтмейстера Винскаго, изъ остатковъ прежде-существовавшей фигуры того же святого (времени постройки которой никто не помнитъ) 3); другая колонна съ фигурою пресвятой Богородицы сооружена провизоромъ Рудзинскимъ въ память дозволенія свободнаго отправленія богослуженія въ коммунитскомъ костелѣ. 4).

О нѣкоторыхъ памятникахъ неизвѣстно даже того, зачѣмъ и по какому случаю они поставлены. Напримѣръ: Борисовскаго уѣзда близъ мѣстечка Зембина поставлена фигура Іоанна Крестителя, но кѣмъ и по какому поводу—неизвѣстно.

Въ Борисовскомъ же уѣздѣ есть 5) еще двѣ статуи, о которыхъ извѣстно только слѣдующее: „лѣтъ сорокъ назадъ, какой-то рѣзчикъ Пульманъ, проживавшій въ имѣніи Скуплинѣ, сдѣлалъ двѣ деревянныя статуи, одну Архистратига Михаила, а другую—Іоанна Крестителя. Первая, по распоряженію помѣщика Монюшки, поставлена въ Скуплинѣ, гдѣ и нынѣ находится, но уже совершенно испорченная; а другая поставлена при фольваркѣ Подлѣсьѣ, у самой дороги. Въ плечахъ послѣдней устроенъ улей для пчелъ, и она очень ветха. Обѣ не имѣютъ никакого значенія въ глазахъ народа.“ 6)

Послѣдняя фраза повторяется и въ нѣкоторыхъ другихъ донесеніяхъ.—Мы охотно вѣримъ этому въ виду того, что статуи и каплицы надобно считать памятниками не только католиче-

*) Донесеніе пинскаго полиціймейстера.

1) Донесеніе пинск. полиціймейстера 2) Тамъ же. (3 и 4) Тамъ

5) Донесеніе борисовскаго исправника,

6) Донесеніе борисовскаго исправника.

скими, но и панскими по преимуществу. Понятно, что по этому они, въ настоящее время, чужды массѣ народа.

Вотъ и всѣ сколько-нибудь замѣчательныя свѣдѣнія, которыя намъ удалось извлечь изъ оффиціальныхъ донесеній исправниковъ и военныхъ начальниковъ; конечно они недостаточно полны. Къ такимъ же чисто-католическимъ памятникамъ должна быть отнесена и значительная часть придорожныхъ крестовъ. Противъ этого не спорятъ даже защитники обычая ставить кресты. „Есть кресты съ украшеніями и атрибутами совершенно католическими, даже съ польскими надписями. Подобные кресты называются панскими. Они воздвигнуты панами въ разныхъ углахъ имѣній, часто на крестьянскихъ участкахъ, и нерѣдко служатъ пограничными знаками смежныхъ имѣній..... Надписи на этихъ крестахъ польскія—рѣдко латинскія“ 1). Этого не отвергаетъ и г. Малышевскій. Но къ сожалѣнію, защитники обычая чрезвычайно-осторожно обходятъ вопросъ: какая часть изъ всѣхъ существующихъ крестовъ можетъ быть отнесена къ православнымъ и какая къ католическимъ?

А этотъ статистическій вопросъ не лишенъ своего значенія въ разсматриваемомъ нами дѣлѣ и потому мы намѣрены вернуться къ нему впослѣдствіи. Мы сказали уже, что статуи святыхъ и кресты съ изваяніями слѣды болѣе или менѣе отдаленной римско-католической и польской пропаганды.

Укажемъ на очевидныя тому доказательства, сохранившіяся и понынѣ въ Минской губерніи. Не говоря уже о томъ, что въ городахъ Несвижѣ. Пинскѣ и другихъ, фигуры Роха и т. п. вы видете и вблизи самыхъ монастырей и вблизи костеловъ, но кромѣ того, приближаясь почти къ каждому сколько нибудь замѣчательному упраздненному монастырю (напримѣръ городищенскому бенедиктинскому въ 14 верстахъ отъ Пинска, кимборовскому (цистеровскому) въ 3 верстахъ отъ Мозыря, Св. Креста въ 3 верстахъ отъ Несвижа и т. д.), вы встрѣтите за нѣсколько верстъ, по сторонамъ дороги, къ нему ведущей, или кресты съ католическими изваяніями, или каменныя и деревянныя каплицы, съ римско-католическими же изваяніями. Тамъ, гдѣ значительные костелы или монастыри упразднены, кресты и капли-

1) Котовичъ Виленскій вѣстникъ. № 78 1868 г.

цы видимо приходятъ въ разрушеніе: ихъ *некому* и *для чего* болѣе поддерживать.... Эти кресты и каплицы, очевидно сооружены по проискамъ ксендзовъ и монаховъ, для указанія пути богомольцамъ въ мирную обитель: царство святости и молитвы.... Это безъ сомнѣнія, тѣ внѣшніе знаки, которые воздвигала пропаганда, желая дѣйствовать на воображеніе впечатлительнаго народа. Но увы! нерѣдко этиже религіозно-межевые знаки приводили богатыхъ сподвижниковъ римско-католическаго духовенства за высокія стѣны монастырской ограды, гдѣ въ комфортабельно-устроенныхъ бесѣдкахъ можно было, скрываясь отъ докучливыхъ взоровъ простолюдина, предаваться свѣтскимъ забавамъ и Лукулловской роскоши яствъ и питей.... Явные слѣды тому и теперь еще можно видѣть въ городнищенскомъ монастырѣ, гдѣ, за высокою оградою, въ тѣни развѣсистыхъ деревъ сохранилась бесѣдка и въ ней уцѣлѣлъ *билліардъ*, принадлежавшій бенедиктинскимъ монахамъ....

Теперь считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько заключительныхъ словъ. Чужды фанатизма и нетерпимости, какъ мы уже и старались заявить это и въ настоящей статьѣ и въ предыдущей,—мы совершенно расположены къ возможной терпимости въ отношеніи и къ этимъ памятникамъ. Но никто, конечно, не можетъ требовать отъ русской администраціи и православныхъ русскихъ поддержки и поощренія чуждыхъ, иновѣрныхъ обычаевъ. И потому никто не долженъ быть удивленъ, если католическіе памятники, приходя все болѣе въ ветхость и разрушаясь безъ обновленія, будутъ постепенно замѣняться памятниками чисто-русскаго, православнаго характера.

Въ примѣръ мы можемъ привести упомянутую выше статую св. Викентія. Въ прежнее время, говоритъ донесеніе, для поддержанія онаго (памятника) присылаемы были отъ Фрибесовъ деньги коллежскому асессору Ефиму Лончковскому (нынѣ уже умершему). Въ настоящее же время означенный столбъ и фигура ни кѣмъ не поддерживаются.“ 1)

Въ послѣднее время эта статуя снята и передана въ костелъ, а на мѣстѣ ея устроена часовня въ православномъ стилѣ, въ которой поставленъ образъ пресвятой Богородицы. Кстати замѣ-

1) Донесеніе пристава 1 части 1867

чимъ, что пресвятая Благородица изображаются и въ древнемъ и въ новомъ гербѣ Минской губерніи, какъ ея Святая Покровительница.

Надобно сказать правду, что статуи римско-католическихъ святыхъ, стоящія при въѣздѣ въ русскіе города и селенія, производятъ странное впечатлѣніе на русскаго человѣка, и если современемъ всѣ онѣ замѣнятся православными памятниками, то не только не о чемъ будетъ жалѣть, но это будетъ и справедливо и естественно въ странѣ съ огромнымъ большинствомъ православнаго населенія.

В. Рюминъ.

2.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ПО ПОВОДУ СТАТЬИ Г. РЮМИНА: «ВЗГЛЯДЪ РУССКАГО НА ОБЫЧАЙ СТАВИТЬ ПРИДОРОЖНЫЕ КРЕСТЫ ВЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ.»

Кто слѣдилъ за развитіемъ въ литературѣ вопроса объ обычаѣ въ западной Россіи ставить при дорогахъ кресты и имѣлъ возможность прочитать, наконецъ, статью г. Рюмина, по этому поводу, тотъ вѣроятно не думаетъ уже встрѣтить болѣе сочиненій о придорожныхъ крестахъ, будучи увѣренъ, что г. Рюминъ окончательно рѣшилъ этотъ вопросъ. И въ самомъ дѣлѣ о придорожныхъ крестахъ судили и вкривь и вкось; каждый органъ смотрѣлъ на это явленіе съ своей точки зрѣнія: съ большимъ или меньшимъ пониманіемъ дѣла, съ большею или меньшею односторонностію и съ большимъ или меньшимъ пристрастіемъ. Но вдругъ, среди тѣхъ разнородныхъ толкованій, обясняется г. Рюминъ и разомъ рѣшаетъ все дѣло. Онъ излагаетъ предъ читателемъ мнѣнія какъ защитниковъ обычая, такъ и ихъ противниковъ, и, принявъ на себя роль *безпристрастнаго* критика, произносить объ нихъ сужденіе, наконецъ выводитъ изъ нихъ свое *единственно вѣрное* заключеніе, какъ независимое, а главное лишенное крайностей; такъ—что литературное произведеніе г. Рюмина представляетъ собою какъ бы вѣнецъ и окончаніе той трудной работы, которая была не по силамъ многимъ. Какъ послѣ этого не вѣрить, что всѣ полемическіе споры, вызываемые вопросомъ о придорожныхъ кре-

стахъ, прекратятся?... Но я не мирюсь со взглядомъ, г. Рюмина на этотъ предметъ и позволяю себѣ сказать нѣсколько словъ по поводу его статьи.—Обозрѣвъ вкратцѣ мнѣнія какъ защитниковъ обычая, (обычая ставить кресты) такъ и ихъ противниковъ, и тѣ доказательства, какія приводятъ обѣ стороны въ подкрѣпленіе своихъ мнѣній, г. Рюминъ говоритъ, что „между послѣдними, т. е. оппонентами, не нашлось ни одного достаточно искуснаго въ веденіи полемики и достаточно спокойнаго духомъ, чтобы понять, что спорный вопросъ былъ поставленъ неправильно и притомъ перенесенъ на такую почву, на которой ихъ неминуемо ожидало пораженіе." Мы надѣялись услышать отъ г. Рюмина дѣйствительно что нибудь новое. Но и та почва, на которую онъ перенесъ спорный вопросъ, тоже неудобна, потому что и на ней плоды оказались неудовлетворительны. „По вашему мнѣнію," говоритъ г. Рюминъ, „имъ слѣдовало въ спорномъ вопросѣ строго различать двѣ стороны, или, лучшіе сказать, сдѣлать изъ него два вопроса: 1-й, согласенъ ли упоминаемый обычай съ правилами и опредѣленіями вселенскихъ соборовъ, а слѣдовательно и съ православіемъ? 2-й, Можно ли его назвать обычаемъ въ строгомъ смыслѣ обще-православнымъ и обще-русскимъ? Послѣ того, что г. Малышевскій сказалъ о придорожныхъ крестахъ, едва ли нужно доказывать, что упоминаемый обычай есть чисто православный. Въ самомъ дѣлѣ, если обычай ставить при дорогахъ кресты ведетъ свое начало съ древнѣйшихъ временъ христіанства, со временъ апостольскихъ, если мы находимъ о немъ подтвержденіе въ твореніяхъ отцовъ и учителей церкви, если этотъ обычай существовалъ и въ древней христіанской Руси, если, наконецъ, онъ не противорѣчитъ постановленіямъ и опредѣленіямъ вселенскихъ соборовъ, то можно ли его назвать не православнымъ? Конечно, наша религіозно-обрядовая сторона много имѣетъ общаго съ р.-католическою. Но кто же станетъ утверждать, что всѣ обряды и вѣрованія въ церкви православной, напоминающіе сходство съ обрядами и вѣрованіями церкви р.-католической, нужно уничтожать? Тѣмъ болѣе, что такой обычай, какъ водруженіе крестовъ, вытекаетъ изъ глубокаго религіознаго сознанія здѣшняго народа своей немощи и зависимости отъ Бога и того благоговѣйнаго уваженія, какое онъ питаетъ къ кресту. Не рѣдко здѣсь встрѣчаются кресты, поставленные во время эпидеміи, или другого какого несча-

стія, постигшаго тотъ или другой край. Въ концѣ селъ и деревень здѣшній народъ ставитъ кресты, какъ осѣненіе ихъ жилищъ и огражденіе отъ враговъ. Если бы противники обычая были внимательнѣе, они замѣтили бы, что всякій прохожій и проѣзжій, поровнявшись съ крестомъ, вмѣняетъ себѣ въ обязанность перекреститься и прочитать краткую молитву; такимъ образомъ, видимый знакъ заставляетъ ихъ хоть на время отрѣшиться отъ обыкновенныхъ житейскихъ помысловъ и вспомнить о Богѣ. Не смотря на все это, многіе изъ ультра-русскихъ твердятъ на разные лады, что это обычай р. католическій, и чтобы доказать это, позволяютъ себѣ дѣлать нѣкоторыя натяжки и неточности въ объясненіи церковныхъ правилъ. Самъ г. Рюминъ, при всемъ желаніи своемъ анализировать спорный вопросъ безпристрасно, увлекается общимъ настроеніемъ и нерѣдко измѣняетъ себѣ. Такъ, опредѣленіе VII вселенскаго собора, которое всего болѣе говоритъ въ пользу защитниковъ обычая, г. Рюминъ значительно ослабляетъ. „Опредѣляемъ," говоритъ соборное правило, „подобно изображенію честнаго и животворящаго креста, полагать во святыхъ божіихъ церквахъ, на священныхъ сосудахъ и одеждахъ, на стѣнахъ и досках, въ домахъ и на путяхъ честныя и святыя иконы." Г. Рюминъ говоритъ, что это „опредѣленіе не прямо повелѣваетъ, но лишь разрѣшаетъ, и то косвенно, ставить кресты. Главный же предметъ опредѣленія составляютъ иконы, какъ видно изъ приведенной выписки." Что главный предметъ приведеннаго опредѣленія составляютъ иконы, объ этомъ никто спорить не станетъ, но что г. Рюминъ не такъ понялъ приведенное опредѣленіе какъ слѣдуетъ, это также не подлежитъ сомнѣнію. Дѣло въ томъ, что VII вселенскій соборъ, созванный по причинѣ явившейся иконоборческой ереси, имѣлъ цѣлью утвердить и распространить догматъ объ иконопочитаніи. Сопоставляя приведенное опредѣленіе съ цѣлью, мы видимъ, что отцы собора приводятъ въ примѣръ повсемѣстный обычай ставить кресты и ссылаются на него, какъ на обычай самый авторитетный. Слѣдовательно, на что указываетъ приведенное опредѣленіе? На то, очевидно, что обычай ставить кресты былъ въ то время общимъ и имѣлъ догматическую важность; въ противномъ случаѣ отцы церкви не стали бы и ссылаться на него. Собственно о крестахъ отцы собора и говорить здѣсь не думали. Они только пользуются ими какъ готовымъ

матеріаломъ, необходимымъ для подкрѣпленія того ученія, за которое они ратовали. Какъ кресты полагаются въ церквахъ и домахъ, на доскахъ и путяхъ, такъ точно должны быть употребляемы и чтимы и самыя иконы. Ослабивъ соборное опредѣленіе, г. Рюминъ даетъ намъ знать, что это самый авторитетный и капитальный аргументъ, которымъ пользуются защитники обычая, полемизируя съ своими оппонентами. Историческія доказательства у него ничего не значатъ.

Но, если въ первомъ случаѣ, разсматривая соборныя опредѣленія, приводимыя защитниками обычая, г. Рюминъ ослабляетъ ихъ, то въ послѣднемъ, когда разбираетъ тѣ же опредѣленія, указываемыя противною партіею, слишкомъ усиливаетъ, и, по своей ловкой изобрѣтательности, отыскиваетъ въ нихъ такой смыслъ, какого они вовсе не имѣютъ.

Такъ, 73 правило VI вселенскаго собора, гдѣ сказано: „изображенія креста, начертываемыя на землѣ, изглаждать, чтобы знаменіе побѣды нашея не было оскорбляемо попираніемъ ногъ,“ по мнѣнію г. Рюмина, противорѣчитъ обычаю ставить кресты при дорогахъ. Но онъ долженъ разстаться съ этимъ мнѣніемъ, потому что здѣсь говорится о тѣхъ крестахъ, которые, въ буквальномъ смыслѣ, начертывались на землѣ, и которые по злонамѣренности, а легко и по невѣдѣнію, попирались ногами. Самыя слова, „чтобы знаменіе побѣды нашея не было оскорбляемо попираніемъ ногъ,“ уже достаточно указываютъ на причину, вызвавшую это опредѣленіе.

Точно также, правило, указываемое г. Рюминымъ и Туристомъ въ Базиликахъ, ничего не говоритъ, ничего не доказываетъ, ничего не объясняетъ въ ихъ пользу. Оно запрещаетъ только ставить кресты въ мѣстахъ неприличныхъ и среди народныхъ зрѣлищъ, такъ какъ чрезъ это оскорбляется святыня и оказывается явное неуваженіе къ кресту; что видно какъ изъ смысла рѣчи, такъ и изъ снесенія этого мѣста съ другими. Г. Малышевскій приводитъ многія мѣста изъ тѣхъ же Базиликъ, говорящія совершенно въ пользу защитниковъ обычая. И потому умозаключеніе, что будто этимъ правиломъ прямо запрещается упоминаемый обычай, слишкомъ отважно, чтобы не сказать больше, и объясняется только тою крайностію, въ какую вдался Туристъ, полемизируя съ защитниками обычая и тою запальчивостію, которая не дозволяла

ему серьезно и спокойно вдуматься въ смыслъ сказаннаго имъ слова. Почему г. Рюминъ такъ понялъ это правило, объяснить трудно.

Мы сказали выше, что г. Рюминъ утверждаетъ о необходимости различать въ вопросѣ о придорожныхъ крестахъ двѣ стороны, или лучше, сдѣлать изъ него два вопроса. А по нашему мнѣнію, въ такомъ случаѣ, необходимо сдѣлать изъ него три вопроса. Именно второй вопросъ, предлагаемый авторомъ: „можно ли водруженіе крестовъ назвать обычаемъ въ строгомъ смыслѣ обще-русскимъ,“ необходимо разсматривать честнѣе. Дѣйствительно ли всѣ русскіе національные обычаи на столько важны, что всѣ безъ исключенія, непремѣнно должны быть вводимы въ жизнь западно-русскаго народа, или же можно обойтись безъ нѣкоторыхъ изъ нихъ? Извѣстно напр., что во многихъ великороссійскихъ губерніяхъ *) существуетъ между крестьянами обычай въ воскресные и праздничные дни, послѣ богослуженія, собираться къ мѣстному священнику и заниматься у него полевыми работами. Между русскимъ народомъ существуетъ также не мало разнаго рода повѣрій и суевѣрій, составляющихъ его національную принадлежность. Но слѣдуетъ ли изъ сего, что все это необходимо вводить въ жизнь здѣшняго народа, потому только, что все это обще-русская принадлежность? Однимъ словомъ, для насъ остается непонятнымъ изреченіе г. Рюмина: „мало доказать, что извѣстный обычай не противорѣчитъ тому, или другому религіозному вѣрованію; надобно принимать въ соображеніе, на сколько онъ принятъ и усвоенъ народомъ, т. е. на сколько онъ сдѣлался общимъ, національнымъ обычаемъ. Это имѣетъ весьма важное значеніе.“ Мы только прибавимъ къ тому что сказали: было время, когда общею національною принадлежностію русскаго народа считалась борода, когда въ ней видѣли образъ Божій и когда, поэтому, она имѣла весьма важное значеніе; но это доказываетъ только, что русскій человѣкъ самъ иногда дѣлаетъ промахи. „Напримѣръ,“ продолжаетъ г. Рюминъ, „употребленіе органовъ тоже не воспрещено канонами нашей церкви; оно только не въ обычаѣ. Представьте же себѣ такой случай, что если бы органы были въ употребленіи во всей Россіи кромѣ Западной и если бы русскіе хо-

*) Не знаю во всѣхъ ли.

тѣли навязать ихъ послѣднему краю, увѣряя и доказывая, что это не противорѣчитъ каноническимъ правиламъ, какъ вы думаете, неужели народъ могъ бы немедленно, безъ всякихъ колебаній принять этотъ обычай и счелъ бы его своимъ роднымъ, національнымъ обычаемъ? Да и это сравненіе, говоритъ авторъ, недостаточно сильно и рельефно"... и не совсѣмъ удачно, прибавляемъ мы отъ себя. Приводя этотъ примѣръ, г. Рюминъ забылъ обратить вниманіе на слѣдующія, не совсѣмъ лишенныя важности, обстоятельства: что до VII вѣка христіанская церковь не знала употребленія органовъ; что употребленіе при богослуженіи музыки противорѣчитъ ученію отцовъ и учителей церкви *); что, наконецъ, вся восточная церковь смотрѣла на органы, какъ на нововведеніе, чуждое духу православной церкви. Если же г. Рюминъ мнѣніе свое о согласіи употребленія органовъ съ канонами православной церкви основалъ на томъ, что между соборными опредѣленіями нѣтъ правилъ, прямо запрещающихъ этотъ обычай, то и въ такомъ случаѣ онъ неправъ. Вся суть въ томъ, что вселенскіе соборы, на которыхъ формулировались христіанскіе догматы, были еще до раздѣленія церквей, когда восточная и западная церкви находились въ единеніи между собою и когда, слѣдовательно, не было необходимости говорить противъ органовъ. Послѣ же раздѣленія церквей, когда западная церковь, вмѣстѣ съ прочими нововведеніями, приняла органы, нашлись обличители этого обычая въ восточной церкви и противники его въ западной **). Но, приведенный г. Рюминымъ примѣръ,—примѣръ, въ которомъ слышится рѣзкій диссонансъ съ ученіемъ православной церкви и духомъ православной вѣры, къ какому результату насъ приводитъ? Все таки къ тому, что самое положеніе, изъ котораго онъ выведетъ, неправильно. Онъ совершенно логически выведенъ изъ даннаго положенія; онъ только по мыслямъ неправиленъ; а по мыслямъ неправиленъ потому, что неправильно положеніе, изъ котораго примѣръ логически вытекаетъ: положеніе, ложное въ своемъ основаніи, всегда бываетъ ложно и въ заключеніи. Никто, конечно, не сомнѣвается, что вопросъ о національныхъ обычаяхъ имѣетъ весьма важное значеніе, въ такомъ дѣлѣ, какъ обрусеніе края, но дѣло въ томъ, что г. Рюминъ слишкомъ обобщилъ этотъ во-

*) Златоуста, Пелусіота, Θеодорита Кирскаго и др.

**) Учитель западной церкви XII вѣка Θома Аквинатъ.

просъ, въ то время, когда его необходимо разсматривать частнѣе‘ т. е. необходимо дѣлать строгое разграниченіе между національными обычаями, дѣйствительно имѣющими значеніе въ осуществленіи заданной цѣли и вовсе ничего не значащими. А критеріумъ для этого различія, въ области религіи,—самое близкое согласіе того или другого обычая съ ученіемъ православной церкви и духомъ православной вѣры. Если, напр., вы станете утверждать о необходимости крестить дѣтей чрезъ погруженіе, а не чрезъ обливаніе, какъ это было въ западномъ краѣ до сихъ поръ, то вы поступите совершенно справедливо. Но если, напротивъ, вы будете доказывать необходимость заниматься полевыми работами въ воскресные и праздничные дни, или ставить кресты исключительно лишь на однѣхъ могилахъ, то вы сдѣлаете капитальную ошибку.

Не менѣе страннымъ представляется и то, что г. Рюминъ не съумѣлъ вывесть логическаго заключенія изъ тѣхъ посылокъ, какія находятся въ его собственномъ сужденіи. Онъ говоритъ, что русскимъ чиновникамъ чрезвычайно не понравились лоскутки развѣшанныхъ на крестахъ матерій, польскія и латинскія надписи, изваянное распятіе и прочіе аттрибуты и признаки католичества, указывающіе на латино-польское вліяніе въ западномъ краѣ. Г. Рюминъ говоритъ, что не будь на крестахъ католическихъ признаковъ. русскій человѣкъ отнесся бы благосклонно къ этому явленію, тѣмъ болѣе, что не находилъ въ немъ ничего противнаго его религіознымъ взглядамъ и тому благоговѣнію, какое русскій народъ питаетъ къ кресту. Г. Рюминъ соглашается даже, что упоминаемый обычай—православный и не противорѣчитъ канонамъ церкви. Изъ этихъ данныхъ какъ слѣдовало бы рѣшить вопросъ о придорожныхъ крестахъ? Очевидно, чтобы обычай ставить кресты имѣлъ православный характеръ и чтобы видъ ихъ не возбуждалъ негодованія русскихъ чиновниковъ, необходимо уничтожить на нихъ тѣ знаки, которые составляютъ главный аттрибутъ католическихъ крестовъ, и чтобы, такимъ образомъ они приняли видъ чисто православно-русскихъ крестовъ, а не представлять уничтоженіе ихъ времени, какъ рѣшилъ г. Рюминъ. Повсемѣстное существованіе костеловъ въ западномъ краѣ гораздо болѣе указываетъ на вліяніе въ немъ католицизма и полонизма, тѣмъ не менѣе никто не утверждалъ, что, для обрусѣнія края, нужно разорять

эти костелы, или предоставлять уничтоженіе ихъ времени. Правительство совершенно справедливо и совершенно добросовѣстно поступило въ этомъ случаѣ, когда распорядилось вынесть изъ костеловъ разныхъ Роховъ и Фелиціановъ, и на мѣсто ихъ поставить иконы Спасителя и Богоматери, а вмѣсто закристій, устроить православные алтари. Нельзя ли было бы поступить точно также и съ крестами, какъ и совѣтуетъ это г. Малышевскій? Намъ кажется, что чрезъ уничтоженіе придорожныхъ крестовъ западный край не сдѣлается вдругъ чисто русскимъ краемъ, равно и существованіе этого обычая не превратитъ его въ Польшу; тѣмъ болѣе, что существованіе его, скажемъ словами самаго г. Рюмина, не препятствуетъ дѣятельности русскихъ людей, желающихъ честно и сознательно и, прибавимъ, разумно служить интересамъ русскаго дѣла.

Н. Боборыкинъ.

3.

ФИГУРА СПАСИТЕЛЯ ВЪ Р.-КАТОЛИЧЕСКОЙ КАПЛИЦѢ (*).

Въ трехъ верстахъ отъ г. Борисова, Минской губерніи, по направленію къ г. Оршѣ, находится р.-католическое кладбище «Кальварія», здѣсьпостроена каплица, пользующаяся извѣстностію между окрестными жителями, какъ мѣсто, освященное присутствіемъ находящейся въ ней яко-бы чудотворной фигуры Спасителя. Фигура одѣта въ бѣлый плащъ, съ крестообразно сложенными руками и вѣнцомъ на главѣ. Изображеніе Спасителя въ такомъ видѣ напоминаетъ моментъ Его состояніи передъ судомъ іудеевъ.

Насъ не удивляетъ изображеніе Спасителя въ пластической формѣ; это не новость, съ которою бы мы рѣдко встрѣчались въ здѣшнемъ краѣ, съ его осебенностями и оригинальностями: важна для насъ въ историческомъ отношеніи судьба фигуры, какъ собраніе фактовъ, разоблачающихъ дѣйствія латино-польской пропаганды въ былыя времена.

Преданіе говоритъ, что одинъ литовскій бояринъ, по имени,

(*) Изъ свѣдѣній, имѣющихся въ минской консисторіи и въ канцеляріи г. начальника губерніи.

Босока, путешествуя по разнымъ монастырямъ вслѣдствіе религіознаго побужденія, обрѣлъ гдѣ-то фигуру Спасителя, принесъ на свою родину и поставилъ на липовомъ пнѣ въ урочищѣ Замчищѣ, въ 3-хъ верстахъ отъ деревни Стаекъ, немоницкаго прихода, а впослѣдствіи, при помощи другихъ ревнителей благочестія, построилъ церковь во имя Св. Николая Чудотворца. (Обрѣтеніе фигуры и построеніе церкви относится, по преданію, ко времени существованія здѣсь уніи). Можно предположить, что строители церкви были возбуждены къ сооруженію ея сильнымъ энтузіазмомъ: иначе нельзя объяснить такую искреннюю готовность на непринужденные труды. Что же развило въ нихъ такой религіозный энтузіазмъ? Мы объясняемъ это тѣмъ, что бояринъ, принесши фигуру домой, должно быть, не пожалѣлъ красокъ расписать ея обрѣтеніе въ такихъ чудесныхъ формахъ, въ какія обыкновенно укладываются свѣдѣнія о чудотворно являющихся или обрѣтающихся иконахъ. Эти свѣдѣнія онъ постарался пустить въ массу народа, всегда легко-вѣрно относящагося къ подобнымъ фактамъ, а народъ еще болѣе увеличилъ ихъ значеніе прибавкою чего-нибудь чудеснаго и такимъ образомъ фигура Спасителя стала слыть чудотворною. Легковѣрность народа не должна удивлять насъ: предполагая этотъ фактъ въ XVII столѣтіи, мы находимъ причину его въ слѣпой вѣрѣ простаго народа во все чудесное, безъ критическаго суда.

Такимъ образомъ слухъ о фигурѣ, разростаясь въ народѣ, проникая и охватывая всѣхъ окрестныхъ жителей, обратилъ на нее вниманіе не только уніатовъ, но и р.-католиковъ. Движимые благочестіемъ, они стали собираться въ уніатскую церковь въ безчисленномъ множествѣ. Число поклонниковъ фигуры доходило до десяти тысячъ человѣкъ. Такой фактъ не замедлилъ броситься въ глаза ксендзовъ. Они почувствовали себя въ неловкомъ положеніи: поклонники католицизма охладѣли къ костеламъ, потому-что значеніе и доходы уніатской церкви возвысились въ ущербъ костеламъ. Чтобы выйти изъ такого положенія, они рѣшились на самый безцеремонный поступокъ: похитили фигуру и поставили ее въ своей «Кальваріи»; въ народѣ же распустили слухъ, что она чудеснымъ образомъ оставила прежнее мѣсто и явилась въ «Кальваріи». Чрезъ нѣсколько времени, ксендзы довершили остальное; совершенно раззорили замчищскую церковь. Такой фа-

натическій поступокъ не возбудилъ оффиціальнаго протеста со стороны уніатовъ; впрочемъ, вѣроятно, всякое подобное заявленіе ихъ осталось бы безъ удовлетворенія.

Расчеты ксендзовъ съ одной стороны были достигнуты: движеніе богомольцевъ дѣйствительно направилось въ «Кальварію»; оно постепенно умножалось, до того, что въ настоящее время число поклонниковъ, разумѣется, считая и православныхъ собирающихся, по обыкновенію, въ каждую недѣлю по новолуніи и въ особенности на 10-ю пятницу послѣ Пасхи, простирается до 10 тысячъ человѣкъ. Поклонники жертвуютъ въ каплицу, кто чѣмъ можетъ: деньгами, шерстью, льномъ и другими домашними произведеніями.

Но другая цѣль ксендзовъ не осуществилась. Они думали, увозя икону и установляя ее въ каплицѣ,—что уніаты забудутъ о прежнемъ мѣстопребываніи фигуры, прильнутъ къ ихъ каплицѣ всей душой и сердцемъ, освоятся съ католицизмомъ, полюбятъ и, быть можетъ, перейдутъ въ лоно ихъ церкви; между тѣмъ послѣдующіе и настоящіе факты явно обличили несостоятельность этой цѣли. Какъ прежде уніаты, такъ и теперь вновь присоединенные православные — собираются въ каплицу и молятся; но ихъ привлекаетъ сюда не любовь къ католицизму, а фигура Спасителя, преданіе о которой еще свѣжо и живо въ народѣ.

Слѣдовало-бы, кажется, разъяснить передъ православными, истинное значеніе фигуры. Низшій слой нашего общества настолько легковѣренъ, что доступъ къ нему всегда удобенъ. Зная настроеніе крестьянъ, ксендзы долго еще будутъ поддерживать народное преданіе о чудесахъ фигуры и рисовать исторію ея въ самыхъ живыхъ и увлекательныхъ краскахъ, и, конечно, не безъ пользы для своихъ личныхъ интересовъ, привлекать въ «Кальварію» не только католиковъ, но и чисто-православное населеніе.

К. С—цовъ.

(Мин. Г. Вѣд.)

ЕЩЕ О ФИГУРАХЪ СВЯТЫХЪ И ДРУГИХЪ ПАМЯТНИКАХЪ РЕЛИГІОЗНАГО ЗНАЧЕНІЯ.

Если въ вопросѣ о придорожныхъ крестахъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ возможно еще хоть съ значительными натяжками утверждать, что водруженіе крестовъ не есть обычай исключительно католилескій, то въ вопросѣ о статуяхъ и памятникахъ религіознаго значенія положительно и тѣни этой возможности не можетъ быть допущено. И сколько намъ извѣстно, съ тѣхъ поръ, какъ поднятъ вопросъ о придорожныхъ крестахъ, никто, даже изъ самыхъ ревностныхъ защитниковъ этого обычая, ни слова не сказалъ о томъ, что и ставленіе изваянныхъ фигуръ на открытыхъ мѣстахъ также не противорѣчитъ канонамъ церкви и можетъ считаться обычаемъ чисто-русскимъ и обще-православнымъ. А коли хотите, и этотъ послѣдній обычай, т. е. сооруженіе извязаній, безъ особенно большихъ натяжекъ можно найти не противорѣчащимъ если не буквѣ, то духу церковныхъ кононовъ, которыми не можетъ быть отвергаемо все то, чѣмъ питается религіозное чувство, чѣмъ можетъ утверждаться вѣра, въ чемъ ищетъ проявленія себѣ искреннее благоговѣніе. Никто, напримѣръ, не можетъ убѣдить насъ, что біеніе въ перси, во время молитвеннаго настроенія, можетъ противорѣчить духу церковныхъ каноновъ; но за то, съ другой стороны, едвали кто можетъ доказать, что это обычай общеправославный, чисто-русскій. Въ томъ то и заключается, по нашему мнѣнію, высота христіанскаго ученія, что оно не сковываетъ, подобно древнему іудаизму, религіозной совѣсти человѣка одними внѣшними, строго опредѣленными формами, но выше всѣхъ формъ ставитъ *сердце чисто*, *духъ сокрушенъ* и *смиренъ* и требуетъ отъ человѣка только искренняго чувства, требуетъ поклоненія *духомъ и истиною* (Іоан. IV, 23).

„Употребленіе органовъ, какъ справедливо замѣчаетъ г. Рюминъ (№ 31 Минск. Вѣд. 1868 г.), тоже не воспрещено канонами нашей православной церкви. Тѣмъ не менѣе вся православная Россія, не исключая и западной, привыкла смотрѣть на органы, какъ на принадлежность чуждаго римско-католическаго богослуженія.“ Но изъ-того, что какой-нибудь обычай не противорѣчитъ канонамъ церкви и тѣмъ менѣе еще проти-

ворѣчитъ духу христіанскаго ученія, нисколько не слѣдуетъ, что онъ не можетъ стоять въ противорѣчіи съ православіемъ вообще и православіемъ русской церкви въ особенности. Умозаключать такимъ образомъ значило бы впадать въ грубую ошибку противъ логики. Каждое исповѣданіе христіанскаго ученія носитъ на себѣ слѣды религіознаго міросозерцанія того народа, которому оно принадлежитъ, подобно тому какъ и національное чувство всякаго отдѣльнаго народа непремѣнно должно выражаться и дѣйствительно выражается въ своеобразныхъ формахъ, свойственныхъ только этому одному народу. Особенности міросозерцанія всякаго народа должны выражаться во всемъ, что принадлежитъ ему, именно—въ языкѣ, въ наукѣ, въ національности, а слѣдовательно должны выражаться и въ религіи. Какъ на одну изъ особенностей религіознаго міросозерцанія католичества можно, на нашему крайнему разумѣнію, смотрѣть на обычай римско-католической церкви ставить при дорогахъ и вообще на мѣстахъ открытыхъ кресты и фигуры различныхъ святыхъ, чтимыхъ этою церковію. Справедливость сказаннаго нами можетъ быть подтверждена также и тѣмъ, что обычай этотъ вполнѣ гармонируетъ со всѣмъ строемъ римско-католической церкви, любящей во всемъ, какъ справедливо выразился „Вѣстникъ западной Россіи“ (1865 г. май), *внѣшность и аффектацію*. Дѣйствительно, ни одно изъ христіанскихъ исповѣданій не впредставляетъ въ своихъ обрядахъ и религіозныхъ церемоніяхъ столько драматизма, поражающаго внѣшнія чувства, какъ исповѣданіе римско-католическое. Во многихъ костелахъ, какъ извѣстно, въ день Рождества Христова ставится люлька, въ которую кладутъ куклу. Обычай требуетъ, чтобы каждый истинный сынъ римско-католической церкви при посѣщеніи костела покачалъ ее.... Въ великій пятокъ точно также устрояется гробъ, который сберегаютъ куклы, одѣтыя во всѣ воинскіе доспѣхи. Словомъ во всемъ можно видѣть стремленіе этой церкви представить свое вѣроученіе какъ можно нагляднѣе и изобразительнѣе. Изъ духа этого стремленія къ наглядности и символизму, логичиски, по нашему мнѣнію, какъ слѣдствіе изъ причины, вытекаетъ также и обычай ставить кресты не рѣдко со всѣми аттрибутами страстей Спасителя и фигуры раз-

ныхъ святыхъ иногда въ самыхъ драматическихъ и въ самыхъ импонирующихъ позахъ.

Такимъ образомъ положительно можно сказать, что безчисленное множество крестовъ и фигуръ разныхъ святыхъ, какъ особенность сѣверо-западнаго края, обязано своимъ происхожденіемъ вліянію католицизма. Благодаря предупредительности г. начальника губерніи, мы имѣли доступъ къ офиціальнымъ свѣдѣніямъ о придорожныхъ фигурахъ, статуяхъ и другихъ памятникахъ, устроенныхъ въ Минской губерніи ксендзами іезуитами и частными лицами. Свѣдѣнія эти, по распоряженію мѣстной власти, доставлены въ 1866 г. по всѣмъ восьми уѣздамъ, кромѣ Слуцкаго, и заключаютъ въ себѣ довольно интересныя данныя. О придорожныхъ крестахъ въ Минской губерніи помѣщены уже въ 31 № Минск. Губ. Вѣдомостей довольно подробныя и обстоятельныя свѣдѣнія,—а потому мы намѣрены сообщить только нѣкоторыя свѣдѣнія о фигурахъ святыхъ и другихъ памятникахъ религіознаго значенія. Всѣхъ вообще памятниковъ этого рода считается до 117 въ губерніи. Именно: фигуръ св. Яна 46; I. Христа 18; св. Роха 2 (одна близъ имѣнія Борздыня, а другая въ фольваркѣ Марьяново, Минскаго уѣзда); св. Изидора, плотника и покровителя странниковъ 1 (въ имѣн. Дзягильно, Минскаго уѣзда); св. Іосифа съ младенцемъ Іисусомъ 1 (въ им. Русиновичахъ Минск. уѣзда); св. Викентія *) въ 350 саженяхъ отъ г. Минска; Архангела Михаила 1 (при фольв. Подлѣсьи Борисовскаго уѣзда); св. Антонія По-

Примѣч. 1. Статистическія данныя о числѣ католиковъ въ Новогрудскомъ, Минскомъ и Рѣчицкомъ уѣздахъ мы взяли за 1865 г. потому что съ этихъ поръ послѣдовало запрещеніе вновь воздвигать фигуры и статуи, а также и потому, что съ этого года послѣдовало въ довольно значительномъ количествѣ обращеніе католиковъ въ православіе.

Примѣч. 2. Почему въ Минскомъ уѣздѣ меньше фигуръ и памятниковъ, чѣмъ въ Новогрудскомъ, въ которомъ католиковъ меньше чѣмъ въ первомъ, можетъ быть объяснено тѣмъ, что въ Минскомъ уѣздѣ римско-католическое населеніе больше сжато въ г. Минскѣ, между тѣмъ какъ въ Новогрудскомъ оно болѣе распространено по уѣзду и составляетъ преимущественно классъ землевладѣльческій.

*) На мѣсто статуи св. Викентія Минскимъ Николаевскимъ братствомъ 18 августа нынѣшняго года поставлена икона Богоматери—копія съ мѣстной минской чудотворной иконы. См. 34 № Минск. Губ. Вѣдом.

дуанскаго 1 (въ мѣстечкѣ Глускѣ Бобруйскаго уѣзда); св. Казиміра 1 (въ им. Кузыничахъ Мозырскаго уѣзда); св. Ѳеклы 1 (въ фольв. Марьяново Минск. уѣзда); св. Матильды 1 (въ им. Своятычахъ Новогрудск. уѣзда); св. Агафіи 1 (въ им. Наруцевичахъ Новогрудск. уѣзда). Иконъ, поставленныхъ на крестахъ съ изображеніемъ І. Христа 1; Пресвятой Дѣвы Маріи 6, Николая Чудотворца 1. Разныхъ колонъ и столбовъ безъ фигуръ считается въ 8 уѣздахъ до 30. Наконецъ фигуръ безъ имени 3. По уѣздамъ размѣщены эти памятники слѣдующимъ образомъ: Въ Новогрудскомъ 32, въ Минскомъ 26, въ Пинскомъ 18, въ Бобруйскомъ 18, въ Игуменскомъ 8, Борисовскомъ 5 и Рѣчицкомъ 4. При этомъ замѣчаніи то достойно обстоятельство, что тѣмъ больше въ какомъ-нибудь уѣздѣ жителей римско-католическаго исповѣданія, тѣмъ фигуры и статуи въ такомъ уѣздѣ многочисленнѣе и наоборотъ. Такъ, самое большое количество упомянутыхъ изваяній и фигуръ находится въ уѣздахъ Новогрудскомъ и Минскомъ,—наименьшее въ Рѣчицкомъ. Въ Рѣчицкомъ уѣздѣ, при 4928 кат. обоего пола, показано 4 фигуры, изъ которыхъ двѣ только помѣщаются на открытомъ мѣстѣ, другія же двѣ помѣщаются въ часовняхъ. Въ Новогрудскомъ же на 33562 кат. обоего пола—23, въ Минскомъ на 48395 кат.—26. См. примѣчаніе. Далѣе изъ вышеупомянутыхъ офиціальныхъ донесеній явствуетъ, что наибольшею популярностью, если можно такъ выразиться, пользуется св. Янъ: такъ, число фигуръ во имя св. Яна въ 2½ раза превышаетъ число фигуръ Христа Спасителя,—именно—послѣднихъ только 18, тогда какъ первыхъ, т. е. во имя св. Яна, 46 въ губерніи. Это обстоятельство не можетъ не остановитс на себѣ вниманія, если принять въ соображеніе, что вообще западнымъ католичествомъ превыше всѣхъ ставится чествованіе Пресвятой Дѣвы Маріи, которую католицизмъ польскій къ тому же считаетъ королевою Польши, что извѣстно изъ нѣкоторыхъ молитвъ. Зная, что патрономъ Литвы католики сѣверо-западнаго края признаютъ не св. Яна, но св. Казиміра, мы рѣшились обратиться къ католикамъ и не католикамъ съ вопросами о причинахъ преимущественно предпочтительнаго чествованія св. Яна еще и потому, что всѣ словесные договоры и аренды годичныя дѣлаются въ сѣверо-западномъ краѣ, какъ го-

ворятъ, отъ Яна до Яна; но, къ сожалѣнію, никто не могъ разрѣшить намъ этаго небезъинтереснаго факта. А потому, предоставляя другимъ болѣе компетентнымъ людямъ сказать по этому вопросу послѣднее слово, мы выскажемъ только наше личное предположеніе, замѣтивъ предварительно, что въ Ковенской губерніи, которая, какъ говорятъ, по количеству придорожныхъ крестовъ, статуй и фигуръ святыхъ безспорно занимаетъ первое мѣсто въ краѣ, фигуръ св. Яна несравненно больше, чѣмъ другихъ. Причемъ присовокупляютъ, что фигуръ св. Яна, отдѣльно стоящихъ, очень много, между тѣмъ какъ при фигурахъ Христа Спасителя всегда въ сосѣдствѣ ставятся и статуи св. Яна. Вникая въ этотъ фактъ и принимая въ соображедіе, что св. Іоаннъ Креститель былъ первымъ предвозвѣстникомъ новаго христіанскаго ученія, невольно соглашаешься, что ставленіе на открытыхъ мѣстахъ крестовъ и изваяній святыхъ есть произведеніе латинской пропаганды, любящей внѣшность, аффектацію, употребляющей крестъ святый вмѣсто межевыхъ знаковъ завоеванной страны (Вѣстникъ западной Россіи 1865 г. Май. Статьи Туриста). При исключительности взгляда калолицизма, по которому диссидентовъ не признаютъ даже за христіанъ *), и при свойственномъ ему стремленіи всякое свое проявленіе обозначать внѣшнимъ видимымъ знакомъ, очень можетъ быть, что на каждомъ клочкѣ земли, который дѣлался достояніемъ Рима, водружали крестъ Спасителя, принесшаго на землю Божественное откровеніе, или же ставилась фигура св. Іоанна, перваго предвозвѣстника этого откровенія. Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ особенно предпочтительное чествованіе св. Яна въ здѣшнемъ краѣ сравнительно съ другими святыми римско-католической церкви едва ли можетъ быть признано одною случайностью.

Наконецъ изъ тѣхъ же офиціальныхъ донесеній видно, что сооруженіе только 6 памятниковъ этого рода относятъ не къ XIX вѣку,—именно—2 фигуры св. Яна въ Пинскомъ уѣздѣ къ 1730 годамъ, два столба съ безъименными фигурами въ Рѣчицкомъ уѣздѣ къ 1795—90 г. и два столба безъ фигуръ въ Мо-

*) Примѣч. Потому, кажется, покойниковъ принадлежавшихъ къ другимъ христіанскимъ исповѣданіямъ не дозволяется даже отпѣвать въ костелахъ.

зырскомъ уѣздѣ за 200 лѣтъ тому назадъ ко времени, будто бы, закладки мѣстечка Копаткевичъ,—остальные же всѣ 111 сооружены въ XIX в. и при томъ во вторую его четверть. И этотъ фактъ, какъ и всякій другой, не долженъ быть безпричиннымъ. Въ офиціальныхъ источникахъ показано, что много крестовъ и фигуръ сооружено было преимущественно въ 1826, 1830 1848 и 1855 годахъ: въ память юбилея, который праздновала римско-католическая церковь въ 1825 г., и въ память избавленія отъ холеры, которая свирѣпствовала въ Минской губерніи два раза во вторую четверть нынѣшняго столѣтія. Дѣйствительно въ минувшую четверть кромѣ упомянутыхъ всенародныхъ бѣдствій край этотъ страдалъ нѣсколько разъ отъ мировой язвы поражавшей скотъ. Безъ сомнѣнія, всѣ эти бѣдствія способствовали къ самоуглубленію духа народнаго и возбуждали въ немъ религіозную настроенность. Но нельзя упускать при этомъ изъ виду того обстоятельства, что упомянутыя бѣдствія всею своею тяжестію ложились больше на православное населеніе, болѣе рабствующее, чѣмъ на католическое,—шляхетское, болѣе господствующее. А между тѣмъ почти всѣ фигуры и поставлены римско-католиками и теперь принадлежатъ имъ: Такимъ образомъ кромѣ упомянутыхъ причинъ должны быть и другія, не менѣе основательныя. Для уразумѣнія причинъ, породившихъ религіозное, почти фанатическое, настроеніе въ этомъ періодѣ времени въ здѣшнемъ католическомъ населеніи, не должно упускать изъ виду и политическихъ событій въ минувшую половину XIX столѣтія. Извѣстно, что въ этотъ промежутокъ времени политическія стремленія поляковъ и Царства Польскаго и, такъ называемой, Литовской Руси нѣсколько разъ оказывались пустою химерою, изобличавшею непростительное легковѣріе и крайнюю, чтобы не сказать больше, самонадѣянность. Послѣ 3-го и окончательнаго раздѣла Польши, который можетъ дѣйствительно считаться концемъ Польши (finis Poloniae), всѣ надежды на возстановленіе королевства были возлагаемы на Наполеона 1-го, поддерживавшаго этотъ энтузіазмъ для борьбы съ Россіей. Мечты эти воскрешены были княземъ Адамомъ Чарторыйскимъ, но и эти легковѣрныя мечты не осуществились. Тогда поляки задумали своими собственными силами возстановить умершую навсегда Польшу и произвели въ 1831 г. воз-

станіе, которое, какъ извѣстно, не имѣло тоже никакого успѣха. Несмотря на это надежды поляковъ не умирали и еще разъ проявили себя въ возбужденіи послѣдняго польскаго мятежа въ 1863 году.

Неминуемымъ слѣдствіемъ всѣхъ этихъ безумныхъ, несбывшихся надеждъ было горькое разочарованіе, которое также, по нашему мнѣнію, не могло не способствовать къ усиленію религіознаго фанатизма, тѣмъ болѣе, что, по понятію польскихъ католиковъ, религія и патріотизмъ составляютъ одно и тоже. Нельзя не припомнить при этомъ, что лѣтъ 12, 15 *) тому назадъ извѣстнымъ уроженцемъ Минской губерніи Рогалевичемъ распространяема была въ Минской губерніи между католическимъ населеніемъ революціонная брошюра, въ которой проповѣдывалось, какъ догматъ, что не вѣрующій въ воскресеніе Польши не вѣритъ въ воскресеніе души и во второе пришествіе І. Христа и тотъ да будетъ проклятъ во вѣки вѣковъ; что днемъ смерти Польши былъ раздѣлъ ея; второй день погребеніе 1812 г.; третій день настоящее время, когда Польша несомнѣнно возстанетъ изъ мертвыхъ.

Очень можетъ быть, что вожаки революціонныхъ стремленій, ксендзы, пользуясь религіозною настроенностью населенія и не пренебрегая никакими средствами для усиленія ея и направленія къ политическимъ цѣлямъ увѣщевали ставить кресты и фигуры—вмѣсто межевыхъ знаковъ страны, завоеванной для католицизма, или, что все равно, для умершей Польши. Если ксендзы не совѣстились прибѣгать къ самымъ непростительнымъ средствамъ для своихъ цѣлей, то нѣтъ ничего удивительнаго и невѣроятнаго въ томъ, что на сооруженіе крестовъ и фигуръ съ цѣлями революціонными они могли смотрѣть какъ на самое надежное и на самое позволительное средство. Извѣстно, что во время послѣдняго возстанія цѣлыя толпы собирались у этихъ крестовъ и фигуръ для того, чтобы молиться и пѣть революціонные гимны, а можетъ быть и для того, чтобы приносить свои *офяры* для имѣющаго быть возстанія: ибо при нѣкоторыхъ фигурахъ, какъ наприм., при фигурѣ Антонія Падуанскаго въ мѣстечкѣ Глускѣ, Бобруйскаго уѣзда, имѣлись кружки для доброхотныхъ приношеній.

*) 185 № Моск. Вѣдом. 1868 г.

Съ этой точки зрѣнія взглянула, кажется, на эти произведенія латинства и высшая администрація русская, которая, какъ извѣстно, запретивъ вновь сооружать кресты и фигуры, уничтоженіе прежнихъ предоставило времени. Чуждые фанатизма и нетерпимости, мы совершенно расположены наблюдать полнѣйшую терпимость къ этимъ памятникамъ. Но никто, конечно, не можетъ требовать ни отъ русской администраціи, ни отъ русскаго православнаго населенія поддержки и поощренія чуждыхъ, иновѣрныхъ обычаевъ. Нельзя при этомъ не пожелать, чтобы на мѣсто католическихъ памятниковъ, которые съ теченіемъ времени приходятъ болѣе и болѣе въ ветхость и начинаютъ уже разрушаться, воздвигаемы были памятники чисто русскаго и чисто православнаго характера.

П. З.

(*Минск. Губ. Вѣд.*)

О РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОМЪ ПРАЗДНИКѢ ТѢЛА ГОСПОДНЯ *).

(Festum corporis Christi). Въ западной церкви, кромѣ праздниковъ общихъ ей съ православной церковью, есть еще особые праздники, введенные въ ней со времени отдѣленія ея отъ церкви восточной. Съ этими нововведеніями западной церкви православные еще весьма мало знакомы, тѣмъ болѣе, что ихъ достаточно еще не касалась наша журналистика ни свѣтская, ни духовная. А между тѣмъ, эти учрежденія Запада не лишены своего интереса, и многія изъ нихъ служатъ яснымъ выраженіемъ извѣстной эпохи и характернымъ изображеніемъ дѣйствій римской Куріи со времени отдѣленія ея отъ вселенскаго единства. Притомъ, самое отправленіе этихъ праздниковъ, нерѣдко соединяемое съ оригинальными обычаями и обрядностію, въ состояніи возбудить любопытство всякаго православнаго, на глазахъ котораго оно происходитъ. Вотъ напр. въ римско-католической церкви еже-

*) 30-го прошлаго мая въ латинской церкви, нынѣ былъ совершенъ этотъ праздникъ, хотя не съ такой помпой, какъ бывало это прежде. Полагаемъ, что сообщая замѣтку объ этомъ праздникѣ, мы возобновимъ свѣдѣнія нашихъ читателей не безъ пользы для нихъ, почерпнутыя ими когда-то при изученіи церковной исторіи въ школѣ.

годно совершается праздникъ Тѣла Господня. Кто изъ православныхъ, еще такъ недавно, не замѣчалъ въ этотъ день нѣкотораго особеннаго религіознаго движенія между латинянами, а также кто не присматривался къ внѣшнимъ алтарямъ, устроивавшимся въ этотъ день на улицахъ, крестнымъ ходамъ и т. п., и кому не хотѣлось знать, въ чемъ состоитъ сущность этого праздника и какова его исторія? И такъ познакомимъ нашихъ читателей съ праздникомъ Тѣла Господня, столь торжественно, хотя и своеобразно, совершавшимся у латинянъ въ западной Россіи, какъ съ образцомъ всѣхъ подобныхъ празднествъ этой церкви, введенныхъ со времени отдѣленія ея отъ церкви восточной.

Праздникъ Тѣла Господня (Festum Corporis Christi) или Святой Евхаристіи (solemnitas Eucharistiae), какъ видно изъ службы праздника и самаго названія его, имѣетъ предметомъ своимъ воспоминаніе той Св. Евхаристіи, которую Христосъ Спаситель совершилъ на канунѣ своей смерти и которую повелѣлъ постоянно повторять въ его воспоминаніе. Прежде это воспоминаніе совершалось въ Великій Четвертокъ, въ день самаго установленія Спасителемъ Тайной вечери; но, съ теченіемъ времени, оно отдѣлено отъ общей службы Великаго Четверга и послужило предметомъ особаго торжества.

Поводъ къ отдѣльному установленію этого праздника былъ слѣдующій. Въ началѣ 13-го вѣка, въ монастырѣ Монъ-Карнильонъ, близъ Люттиха (въ Германіи) жила одна подвижница, по имени Юліанія. Съ христіанскимъ смиреніемъ, благочестіемъ и другими добродѣтелями, какъ повѣтствуютъ западные писатели, она соединяла особенную религіозную черту — необыкновенную привязанность и пламенную любовь къ таинству Евхаристіи, такъ что всякое священнодѣйствіе литургіи, а еще болѣе, всякое пріобщеніе св. таинъ приводило ее въ состояніе восторженности и нѣкотораго рода изступленія. Однажды, когда она въ такомъ религіозномъ энтузіазмѣ стояла на молитвѣ, ей представилось видѣніе, предметомъ коего была полная, восходящая на горизонтѣ, луна, съ небольшимъ ущербомъ, какъ бы выемкою. Видѣніе это повторилось въ другой, третій разъ и т. д. Всячески стараясь разгадать это явленіе, она дождалась еще одного видѣнія, изъ котораго узнала, что луна означаетъ церковь, а недостатокъ въ ней означаетъ недостатокъ одного праздника въ церкви и

именно праздника Евхаристіи. Это видѣніе и объясненіе его она сообщила Іоанну Лазанскому, канонику церкви Св. Мартина въ Люттихѣ, и просила его употребить свое посредство въ дѣлѣ введенія этого праздника. Каноникъ сообщилъ это дѣло всѣмъ люттихскимъ ученымъ богословамъ и всѣмъ представительнымъ лицамъ тамошняго духовенства, между которыми оказался особенно расположеннымъ въ пользу этого торжества архидіаконъ Іаковъ—Пантелеймонъ, впослѣдствіи папа Урбанъ IV. Долго разсуждали и спорили объ этомъ откровеніи, и наконецъ большинство рѣшило, что весьма похвальное и богоугодное дѣло—прославить установленіе Св. Евхаристіи большимъ торжествомъ, нежели какимъ оно чествуемо было до сихъ поръ. Вслѣдствіе сего рѣшенія, епископъ люттихскій Робертъ де-Торотъ (de-Torote) въ 1264 г. разослалъ по всей епархіи своей предписаніе, въ силу котораго всѣ обязаны были ежегодно въ четвергъ, послѣ отданія праздника пятидесятницы, совершать праздникъ Евхаристіи. Папа Иннокентій IV (1252 г.), узнавъ о возникшемъ въ Люттихѣ новомъ празднествѣ, нарочито послалъ туда двухъ кардиналовъ Гюгона и Петра Каносъ именемъ его благословить, утвердить и распространить новое празднество во всей церкви. Но ничто не могло утвердить народъ въ дѣйствительности и серьезномъ значеніи откровеній Юліаніи, а потому и праздникъ сей распространился не далѣе предѣловъ Люттиха, тогда какъ насмѣшки надъ Юліаніей и ея откровеніями сдѣлались почти повсемѣстными въ епархіи Въ такомъ состояніи дѣло введенія новаго праздника продолжалось до второй половины 13-го вѣка. Но съ сего времени обстоятельства начали перемѣняться въ пользу праздника. Въ 1261 г. на престолъ папскій взошелъ Урбанъ IV, тотъ самый, который, будучи еще архидіакономъ въ Люттихѣ, весьма одобрялъ введеніе новаго праздника въ церкви. Подруга Юліаніи, затворница люттихская Ева, которой первая на смертномъ одрѣ своемъ завѣщала попеченіе о поддержаніи начатаго дѣла, приступила къ папѣ и просила его привести въ исполненіе завѣщаніе Юліаніи, предмету коего онъ самъ нѣкогда такъ сочувствовалъ. Папа давно уже желалъ ввести этотъ праздникъ въ церкви, но, видя крайннюю недовѣрчивость христіанъ къ видѣніямъ подвижницы, рѣшился ожидать благопріятнаго къ сему случая. Случай этотъ скоро представился. Въ мѣстечкѣ Вольсенѣ, близъ резиденціи

папской Орвьеты, одинъ священникъ, совершавшій однажды литургію, усумнился въ присутствіи истиннаго тѣла и крови Христовой въ таинствѣ Евхаристіи. Слѣдствіемъ такого сомнѣнія, по словамъ западныхъ дѣеписателей, было превращеніе самаго вина въ кровь, которая якобы въ обиліи потекла изъ чаши и омочила весь антиминсъ. Это событіе, а еще болѣе распространившаяся въ сіе время ересь послѣдователей Беренгарія 1) были для папы окончательнымъ побужденіемъ къ установленію праздника Евхаристіи, и немедленно за симъ (1264 г.) послѣдовавшая булла его обязывала весь католическій міръ ежегодно, въ первый четвергъ послѣ отданія праздника пятидесятницы, совершать праздникъ Евхаристіи или Тѣла Господня: „да собирается,“ говоритъ онъ, „все духовенство и всѣ вѣрные въ этотъ день въ храмъ и да почтутъ гимнами и священными пѣснями торжественный праздникъ Св. Евхаристіи; епископы и прелаты церкви да поучаютъ народъ приготовляться къ сему празднику чистосердечнымъ покаяніемъ въ своихъ грѣхахъ, молитвами, милостынями и другими благочестивыми упражненіями... а чтобы болѣе возбудить вѣрныхъ къ прославленію сего великаго дня, мы жалуемъ 100 дней индульгенціи всѣмъ тѣмъ, которые будутъ присутствовать на заутрени и столько же дней за вечерню, 40 дней за каждый изъ часовъ, т. е. 1-й, 3-й, 6-й и 9-й, наконецъ 100 дней за цѣлую службу въ день отданія праздника (octava).“ Эта булла послана была въ Лютихъ на имя Евы, къ ней приложена также особая тетрадь, заключавшая въ себѣ самую службу праздника, составленную Ѳомою Аквинатскимъ, и особое посланіе, которымъ первосвященникъ благословлялъ списывать эту службу и совершать ее во всѣхъ церквахъ. Но и послѣ этихъ распоряженій, праздникъ Тѣла Господня остался частнымъ праздникомъ, тѣмъ болѣе, что въ самый годъ обнародованія буллы (1264 г.) папа Урбанъ умеръ, а преемники его, тревожимые смутами Гвельфовъ и Гибеллиновъ, не имѣли времени заняться имъ. Уже по истеченіи 40 лѣтъ отъ обнародованія буллы, по прекращеніи смутъ въ Италіи, папы обратили вниманіе на это важное въ ихъ политикѣ дѣло Урбана IV и всячески начали стараться о повсемѣстномъ распространеніи новаго праздника

1) Ученный огословъ-діалектикъ XI вѣка, отвергавшій въ Евхаристіи пресуществленіе хлѣба и вина.

Первый принялся за это дѣло Климентъ V-й; за нимъ Іоаннъ XXII, Мартинъ V-й, Евгеній IV-й; присовокупляя индульгенціи къ индульгенціямъ, достигли наконецъ цѣли. Впослѣдствіи соборъ тридентскій, дѣйствуя противъ реформатовъ вообще и въ частности противъ реформатскаго ученія объ Евхаристіи, окончательно утвердилъ этотъ праздникъ и даже оградилъ его угрозою анаѳемы: „если кто говоритъ," сказано въ одномъ изъ опредѣленій собора, „что Спаситель нашъ, Господь Іисусъ Христосъ, единородный Сынъ Божій, не долженъ быть почитаемъ внѣшнимъ богопочтеніемъ въ таинствѣ, и, слѣдовательно, что таинство сіе не должно быть почтено особымъ частнымъ праздникомъ... да будетъ анаѳема (Concil. Trid. sess, XIII cap. ', can. VI)." Въ силу этого окончательнаго опредѣленія собора, праздникъ Тѣла Господня вскорѣ въ западной церкви занялъ мѣсто на ряду съ первостепенными древними христіанскими празднествами и въ настоящее время со всею пышностію отправляется не только въ Европѣ, но даже на берегахъ Миссуры, и Миссисипи, и въ Парагваѣ.

Особенность праздника Евхаристіи, или Тѣла Господня состоитъ въ томъ, что на обѣднѣ освящаются двѣ гостіи (два агнца), изъ коихъ одною причащается священнослужащій, а другая выставляется на престолѣ въ даропоказательницѣ (ostensorium), которая ставится на антиминсъ (palla). Для сего храмъ и престолъ украшаются и освѣщаются какъ можно роскошнѣе и съ престола снимаются статуи. Послѣ обѣдни, по римскому чину, или предъ обѣдней по чину галликанскому, бываетъ съ западной гостіей торжественная процессія, въ которой принимаютъ участіе въ городахъ западной Европы не только бѣлое и черное духовенство (clerus secularis et regularis), но всѣ свѣтскіе чины и даже царственныя особы. Сущность этой процессіи составляетъ чтеніе четырехъ евангелій по зачалу изъ каждаго евангелиста и пѣніе гимновъ. Гимны употребительные въ этотъ день слѣдующіе: пѣснь Амвросія медіоланскаго Te Deum, пѣснь Захаріи, гимнъ Ѳомы Аквинатскаго verbum supernum и гимнъ pange lingua gloriosi. Съ самымъ большимъ великолѣпіемъ совершается эта процессія въ Римѣ, гдѣ въ крестномъ ходѣ участвуетъ въ это время вся, находящаяся на лицо, пѣхота и конница, а также музыка струнная и духовая. При входѣ въ церковь бываетъ торжественное благословеніе гостіей, при чемъ народъ падаетъ на колѣна, а

войска отдают честь таинству ружьями. Послѣ процессіи, въ продолженіе 7-ми дней бывают выставлены Св. Тайны на престолѣ, и каждый вечеръ благословляется ими народъ. Въ осьмой день (octava) праздника бываетъ опять процессія, столь же торжественная, какъ и въ первый день. Для сего при всѣхъ важнѣйшихъ храмахъ дѣлаются на улицахъ временные престолы (altaria temporaria); подлѣ нихъ останавливается процессія и на престолѣ поставляется св. гостія въ даропоказательницѣ, хоръ поетъ гимны, послѣ которыхъ священнодѣйствующій читаетъ молитву и потомъ благословляетъ дарами народъ; послѣ того процессія продолжаетъ свое шествіе и тоже самое повторяется на другомъ престолѣ и т. д. Въ городахъ Западной Россіи, гдѣ есть костелы, временные престолы нынѣ устроиваются внутри костеловъ въ самый день праздника Евхаристіи. Этотъ день и отличается здѣсь особенною торжественностію. Отданіе праздника (octava) совершается здѣсь безъ особыхъ внѣшнихъ церемоній.

И такъ, предъ нами подробное изложеніе одного изъ величайшихъ праздниковъ римской церкви, торжество, которымъ гордится эта церковь, сожалѣя въ то же время о насъ православныхъ, будто мы не сознаемъ, подобно латинянамъ, необходимости чествовать особымъ праздникомъ таинство Евхаристіи. Дѣйствительно, наша православная церковь не сознавала и не сознаетъ необходимости учреждать особое празднество для того Таинства, которое ежедневно совершается предъ нашими глазами для освященія и спасенія вѣрующихъ и въ которомъ св. Дары ежедневно чтутся боголѣпнымъ поклоненіемъ: въ истинной церкви Христовой ничего нѣтъ лишняго. Притомъ, относительно этого торжества римско-католической церкви, наше православное христіанское чувство никакъ не можетъ помириться ни съ тѣми маловажными, не имѣющими никакого каноническаго значенія, поводами, которые лежатъ въ основаніи установленія этого праздника на западѣ, ни съ самымъ обычаемъ носить по улицамъ и площадямъ, на показъ вѣрнымъ и невѣрнымъ, то святѣйшее Таинство, на которое, по ученію церкви, не могутъ безъ трепетнаго благоговѣнія взирать небесныя силы.

(Лит. Еп. Вѣд.)

О ВВЕДЕНІИ РУССКАГО ЯЗЫКА ВЪ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОМЪ БОГОСЛУЖЕНІИ ВЪ РОССІИ.

Въ „Вил. Вѣстн." уже было сообщено о предположеніи исключить польскій текстъ изъ римско-католическаго требника (Rituale sacramentorum), по которому преподаются ксендзами требы русско-католическому населенію, и о замѣнѣ текста этого русскимъ; съ изданіемъ новаго требника, нынѣшній съ польскимъ текстомъ предполагаютъ изъять изъ употребленія въ римско-католическихъ семинаріяхъ и между ксендзами сѣверо-западныхъ губерній. „Въ прошедшемъ августѣ — пишутъ теперь въ той же газетѣ—министръ внутреннихъ дѣлъ отозвался, что раздѣляетъ мнѣніе о пользѣ новаго изданія римско-католическаго требника, съ замѣною въ немъ польскаго текста русскимъ, а для ускоренія распространенія его ассигнуетъ въ распоряженіе главнаго начальника края потребную сумму, для отпечатанія 2,000 экземпляровъ требника и для безплатной затѣмъ раздачи его по всѣмъ римско-католическимъ приходамъ сѣверо-западныхъ губерній. Въ то же время оберъ-прокуроръ, съ своей стороны, отозвался, что *введеніе русскаго языка при богослуженіи въ римско-католическихъ костелахъ, по мнѣнію святѣйшаго синода*, зависитъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, которому подчинены всѣ иностранныя исповѣданія въ предѣлахъ Россіи, и что къ *допущенію этого введенія, равно какъ къ изданію на русскомъ языкѣ католическихъ молитвенниковъ и другихъ богослужебныхъ книгъ со стороны синода препятствій не встрѣчается*, съ тѣмъ только, чтобы всѣ такія книги, предварительно напечатанія, были подвергнуты строжайшей цензурѣ. Въ настоящее время, при управленіи главнаго начальника края, уже работаетъ надъ переводомъ требника особая коммисія, въ составъ которой входитъ, между прочимъ, одно духовное лицо римско-католическаго исповѣданія. Теперь оконченъ уже печатаніемъ отдѣльный отъ катехизиса краткій римско-католическій молитвенникъ на русскомъ языкѣ, для употребленія учащихся въ училищахъ виленскаго учебнаго округа, а въ томъ числѣ и *народныхъ* училищахъ; на изданный же недавно катихизисъ съ молитвенникомъ поступаетъ такое огромное количество требованій отовсюду, что предполагается приступить вскорѣ ко второму изданію." (*Русск. Инв.*)

ИЗДАНІЕ ПАМЯТНИКОВЪ СТАРИНЫ ВЪ ЗАПАДНЫХЪ ГУБЕРНІЯХЪ ИМПЕРІИ.

Мы имѣли случай ознакомиться съ недавно вышедшимъ въ свѣтъ, въ С.-Петербургѣ, первымъ выпускомъ капитальнаго учено-художественнаго труда, подъ названіемъ „Памятники старины въ западныхъ губерніяхъ Имперіи.“ Мысль этого изданія, состоящаго изъ отдѣльныхъ большихъ листовъ текста и 14 изящныхъ хромолитографическихъ рисунковъ, возникла при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Тайный совѣтникъ П. Н. Батюшковъ, при осмотрѣ имъ осенью 1866 года православныхъ церквей западнаго края, поручилъ, сопровождавшему его, съ Высочайшаго свѣдѣнія, художнику московской оружейной палаты Струкову снимать вѣрныя копіи съ тѣхъ развалинъ, которыя лежали на пути слѣдованія по бѣлорусскимъ и югозападнымъ губерніямъ, а также и по смежному съ Волынскою Холмскому уѣзду Люблинской губерніи, съ тою цѣлію, чтобы ознакомить общество съ остатками этихъ древностей, постепенно разрушаемыхъ временемъ и руками человѣка. По его же порученію подполковникъ генеральнаго штаба А. В. Эртель, завѣдывавшій тогда устройствомъ православныхъ церквей на Волыни, собралъ и привелъ въ порядокъ мѣстныя свѣдѣнія, легенды и преданія, относящіяся къ снятымъ съ натуры развалинамъ. Рисунки ихъ, вмѣстѣ съ описаніемъ, составленнымъ на основаніи какъ мѣстныхъ народныхъ преданій, такъ и точныхъ историческихъ данныхъ, удостоились быть представленными, чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ, Государю Императору, и Его Величество, благосклонно принявъ этотъ сборникъ, повелѣлъ приступить къ его печатанію, съ отпускомъ нужной на то суммы изъ средствъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Для выполненія технической части предпринятаго такимъ образомъ труда, (который на первый разъ предположено ограничить губерніями Витебскою, Могилевскою, Волынскою и Подольскою), по Высочайшему повелѣнію приглашенъ былъ академикъ Солнцевъ, который принялъ на себя провѣрку и окончательную отдѣлку рисунковъ; провѣрку же исторической части при составленіи монографій къ рисункамъ обязательно принялъ на себя тайный совѣтникъ К. С. Сер-

биновичъ, извѣстный въ ученомъ мірѣ по изслѣдованіямъ въ области русской исторіи и изданіемъ, вмѣстѣ съ графомъ Д. Н. Блудовымъ, XII-го, посмертнаго, тома „Исторіи государства Россійскаго“ Карамзина.

Такими благопріятными обстоятельствами, благодаря Высошему Государя Императора вниманію къ этому замѣчательному труду, сопровождалось появленіе въ свѣтъ въ мартѣ сего года 1-го выпуска памятниковъ старины. При поднесеніи его Государю Императору, Его Величество изволилъ благосклонно отнестись и къ старательно выполненному изданію и повелѣлъ продолжать его на основаніи прежнихъ Высочайшихъ повелѣній. Въ вышедшемъ выпускѣ заключаются памятники старины, съ историческими монографіями, городовъ Владиміра Волынскаго и Луцка; въ непродолжительномъ же времени, какъ мы слышали изъ достовѣрнаго источника, послѣдуютъ еще два выпуска съ памятниками старины городовъ Острога и Овруча.

Въ настоящее время нельзя уже пожаловаться, чтобы западныя губерніи наши, какъ до послѣдняго мятежа, представляли страну, къ которой бы равнодушно относилась русская наука. Благодаря появляющимся время отъ времени археологическимъ сборникамъ документовъ, палеографическимъ снимкамъ, рисункамъ и прочему, какъ у насъ въ Вильнѣ, такъ и въ Кіевѣ, Москвѣ и Петербургѣ, постепенно начала разоблачаться передъ нами минувшая судьба и настоящее положеніе нашей западной окраины. Настало наконецъ время, когда, при свѣтѣ безстрастной науки, сами собою должны пасть авторитеты польскихъ историковъ и публицистовъ, беззастѣнчиво, изъ политическихъ видовъ, искажавшихъ истину и распространявшихъ ложныя о краѣ мнѣнія, пользуясь прежнимъ безучастнымъ къ нему отношеніемъ нашей науки. Теперь—издаваемые акты и вѣрные снимки уцѣлѣвшей старины самымъ нагляднымъ и вразумительнымъ образомъ убѣждаютъ каждаго, что не смотря на долговременное и жестокое господство здѣсь чуждаго коренному русскому населенію племени, не смотря на систематическое, въ теченіи цѣлаго ряда вѣковъ, искорененіе этимъ племенемъ всего русскаго и православнаго,—западныя губерніи наши и понынѣ сохранили разнообразныя

фактическія свидѣтельства, указывающія безпристрастному изслѣдователю на кровную связь этой страны съ общимъ нашимъ отечествомъ и на древность господства здѣсь основныхъ русскихъ началъ. Языкъ здѣшняго народа, его нравы, обычаи и преданія, древніе акты и документы, юридическіе и семейные, православныя церкви и другіе памятники русскаго зодчества, изъ которыхъ нѣкоторые относятся даже къ X, XI и XII вѣкамъ и сохраняются теперь возобновленные или лежатъ въ развалинахъ, кромѣ множества истребленныхъ временемъ или рукою человѣка, о существованіи которыхъ имѣются указанія только въ лѣтописяхъ или въ народныхъ преданіяхъ, — все свидѣтельствуетъ неопровержимо, что здѣсь была и сохранилась старая, коренная Русь, достояніе святаго равноапостольнаго князя Владиміра, Ярослава Мудраго и ихъ потомковъ.

Въ текстѣ, сопровождающемъ рисунки, мы находимъ нѣсколько указаній на то, какъ и до настоящаго времени постепенно уничтожаются остатки старины не столько временемъ, сколько, къ сожалѣнію, руками человѣка. Такъ напр. въ текстѣ, заключающемъ краткое описаніе кладбища женскаго Пречистенскаго монастыря, основаннаго еще князьями Мстиславомъ Владиміровичемъ (Мономаховичемъ) и Василіемъ Романовичемъ, и находившагося среди города Луцка на крутомъ обрывѣ горы, называемой святою,—говорится, что „отъ монастыря остался нынѣ только фундаментъ бывшаго храма и слѣды могильныхъ склеповъ, въ которыхъ погребались монахини; на нѣсколькихъ же надгробныхъ камняхъ, лежащихъ близъ склеповъ, еще уцѣлѣли надписи. Всесокрушающее время мало по малу уничтожаетъ остатки этой древности, а евреи довершаютъ дѣло времени. Они раскрадываютъ съ уцѣлѣвшихъ сводовъ кирпичъ и открываютъ такимъ образомъ склепы, въ которыхъ лежатъ человѣческія кости, надгробныя же плиты употребляютъ на пороги своихъ домовъ. Подъ горою видно и теперь нѣсколько плитъ, вѣроятно, спущенныхъ евреями сверху для своихъ потребностей. Вся земля подъ бывшимъ Пречистенскимъ монастыремъ и его кладбищемъ находится нынѣ въ вѣдѣніи православнаго духовенства, но по распоряженію консисторіи отдана, къ сожалѣнію, въ вѣчный чиншъ евреямъ,

подъ постройку домовъ, и притомъ за самую ничтожную плату." Въ историческомъ описаніи развалинъ великолѣпной когда-то Крестовоздвиженской церкви въ Луцкѣ читаемъ, что „въ 1864 году, вслѣдствіе настоятельнаго со стороны гражданской власти требованія о немедленной разборкѣ этихъ развалинъ, въ предупрежденіе опасности отъ ихъ паденія, мѣстная волынская духовная консисторія, не имѣя средствъ приступить къ разборкѣ зданія хозяйственнымъ образомъ, нашлась вынужденною продать его съ торговъ, и еврей купилъ его за весьма ничтожную сумму, 500 рублей. Грустное впечатлѣніе на народъ отъ разломки евреями столь драгоцѣннаго памятника православія побудило министерство внутреннихъ дѣлъ уничтожить эту продажу, съ вознагражденіемъ купившаго зданіе денежною суммою. Однако пока шла переписка евреи успѣли воспользоваться временемъ для сломки главнаго купола и трехъ стѣнъ церкви и увезти большую часть добытаго матеріала. Нынѣ отъ знаменитой Крестовоздвиженской церкви остается нетронутою одна алтарная часть. Министерство приняло мѣры къ охраненію этихъ развалинъ и къ постройкѣ часовни на склепахъ церкви, надъ усыпальницею фундаторовъ Крестовоздвиженскаго братства." Въ текстѣ историческаго описанія города Луцка, гдѣ обстоятельно изложены тѣ бури, которыя пережиты городомъ во время плачевной борьбы между двумя христіанскими исповѣданіями, также приводится свидѣтельство, что борьбою этою воспользовались евреи, „усердно и нынѣ работающіе надъ искорененіемъ и слѣдовъ христіанства въ этомъ городѣ. Селясь, предпочтительно предъ другими мѣстностями, около развалинъ православныхъ церквей и католическихъ костеловъ и монастырей, они преднамѣренно заваливаютъ ихъ нечистотами, крадутъ кирпичи и плиты разрушающихся строеній и кощунствуютъ надъ остатками древности. Можно безъ преувеличенія сказать, что нынѣшній Луцкъ, почти весь построенный на развалинахъ святыхъ христіанскихъ храмовъ, сдѣлался настоящимъ еврейскимъ городомъ."

Скажемъ, въ заключеніе, что произведенія, подобныя „памятникамъ старины въ западныхъ губерніяхъ Имперіи," пробуждая любовь къ старинѣ въ обществѣ, должны, по нашему

мнѣнію, имѣть на него самое благотворное вліяніе: такія изданія самымъ вразумительнымъ образомъ проясняютъ и укрѣпляютъ въ немъ историческое сознаніе. Возстановляя великое былое, онѣ побуждаютъ насъ сознательно полюбить и уважать свое родное, народное. Съ этой точки зрѣнія пріобрѣтеніе такихъ произведеній для здѣшнихъ учебныхъ заведеній и размѣщеніе ихъ, вмѣстѣ съ описаніями памятниковъ, на видномъ мѣстѣ, въ залахъ для рекреаціи, должно самымъ воспитательнымъ образомъ вліять на молодое, приготовляющееся къ патріотической дѣятельности поколѣніе. Только то народное образованіе прочно и плодотворно, которое коренится на исторической почвѣ и въ самомъ стремленіи къ прогрессу не отрывается отъ завѣтныхъ преданій старины.

Мы заявили выше, по поводу обилія появляющихся въ послѣднее время изданій подобнаго рода, о пробудившейся въ нашемъ обществѣ любви къ старинѣ и ея завѣтнымъ преданіямъ. Спросъ производитъ соотвѣтственное предложеніе; если это экономическое положеніе примѣнимо и къ литературному производству, то мысль наша о проявляющихся въ обществѣ любви и уваженіи къ нашей родной старинѣ получаетъ еще новое подтвержденіе. Насъ просятъ напечатать въ „Вѣстникѣ" нижеслѣдующее:

„Въ югозападномъ краѣ находится много памятниковъ русской старины, относящихся ко времени св. равноапостольныхъ княгини Ольги и князя Владиміра. Эти дорогія для каждаго русскаго по своимъ историческимъ воспоминаніямъ древности, къ крайнему сожалѣнію, разрушаются какъ отъ времени, такъ еще болѣе отъ невѣжественныхъ и злонамѣренныхъ рукъ.

„Съ цѣлью сохраненія этихъ древностей, волынскій губернскій инженеръ, г. Поляновскій, съ другими техниками, предпринялъ снять съ нихъ фотографическіе снимки и потомъ, отлитографировавъ, издавать въ свѣтъ съ пояснительнымъ текстомъ особыми выпусками. Шестдесятъ видовъ уже сняты и 10 изъ нихъ отлитографированы.

Такъ какъ это полезное предпріятіе можетъ осуществиться вполнѣ только при сочувствіи къ нему людей, которымъ дорого все русское,—а такихъ, безъ сомнѣнія, не можетъ не

найтись весьма значительное число, то слѣдуетъ ожидать частыхъ выпусковъ въ свѣтъ столь любопытнаго и въ высшей степени полезнаго изданія.“

(Вил. Вѣст.)

Содержание 8-ой кн. „Вѣстника западной Россіи" за 1868 годъ.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

ОТДѢЛЪ III.

ОТДѢЛЪ IV.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ВѢСТНИКЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ на 1868 годъ выходитъ января мѣсяца, книжками отъ 13—15 листовъ обыкновен- печати.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Вильнѣ,—въ редакціи журнала и въ книжномъ магазинѣ *И. Феннера,* б. Сеньковскаго. *Въ С.-Петербургѣ,*—у коммис- ера „Вѣстника," книгопродавца *А. Ѳ. Базунова,* на Нев- ъ проспектѣ, у Казанскаго моста, въ домѣ Ольхиной. *Въ* *квѣ,*—у такогожъ коммиссіонера, книгопродавца *А. И. Ѳе-* *итова,* на Никольской улицѣ, и у книгопродавца г. *Чере-* *.* *Въ Варшавѣ,* — у книгопродавца г. *Кожанчикова.* *Въ* *ѣ,*—въ книжномъ магазинѣ *Косогорова* и у всѣхъ извѣст- ъ книгопродавцевъ Имперіи.

ЦѢНА „ВѢСТНИКА" ЗА ГОДЪ:

(*за 12-ть книжекъ*).

Для жителей *Вильны,* безъ доставки 6 р. 50 к., съ доставкою омъ 7 руб. 50 коп., а съ пересылкою во всѣ города Им- и 8 руб.

Гг. иногородные благоволятъ относиться съ своими требова- и *исключительно* въ редакцію журнала: **„Вѣстникъ За- дной Россіи,"** *въ Вильну.*

Посылки и письма слѣдуетъ адрессовать: редактору-издателю тника" Ксенофонту Антоновичу **Говорскому,** *въ Вильну.*

Для желающихъ выписать *„Вѣстникъ"* за *истекшіе* годы ется уступка: за $18^{62}/_{63}$ годъ, для жителей Вильны по 5 р., иногородныхъ по 6 руб.; за $18^{63}/_{64}$ годъ—для первыхъ по . 50 к., для послѣднихъ по 7 руб., за $18^{64}/_{65}$, $18^{65}/_{66}$ и годы—для первыхъ по 6 руб., для послѣднихъ по 7 руб.

Для выписывающихъ „Вѣстникъ," за *истекшіе* годы не е 10-ти экземпляровъ дѣлается 5% уступки въ цѣнѣ, не е 25,—10%,—50,—15%,—100,—20%.

Редакторъ-издатель **К. Говорскій.**

Содержание 8-ой кн. „Вѣстника Западной Росс...

за 1868 годъ.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

ОТДѢЛЪ III.

ОТДѢЛЪ IV.